МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

ТРУДЫ
ГУМАНИТАРНОГО
ФАКУЛЬТЕТА
ТОМ 1

Санкт-Петербург

2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

ТРУДЫ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

ТОМ 1

Санкт-Петербург

2010

Труды гуманитарного факультета СПбГУ ИТМО: Сборник научных статей / В 2т. Том 1 – СПБГУ ИТМО, 2010. – 119 с.

В сборнике представлены статьи, подготовленные на основе докладов в рамках XXXIX научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава СПбГУ ИТМО, в том числе выполненные при поддержке грантов Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы».

В 2009 году Университет стал победителем многоэтапного конкурса, в результате которого определены 12 ведущих университетов России, которым присвоена категория «Национальный исследовательский университет». Министерством образования и науки Российской Федерации была утверждена Программа развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики» на 2009–2018 годы.

© Санкт-Петербургский государственный университет

информационных технологий, механики и оптики, 2010

©Авторы, 2010

1 ФИЛОСОФИЯ, ЛОГИКА

О взаимосвязи философии с наукой вообще и с физикой в частности

Н.М. Аль-Ани

а) Взаимосвязь философии и науки

Философия выглядит, образно говоря, глубокой старухой по сравнению с естествознанием (и наукой) вообще и физикой в частности. Её возраст насчитывает более двадцати пяти веков, тогда как естествознание (и наука в целом) в строгом современном его понимании существует менее пяти столетий. Однако, возникнув в эпоху Нового времени, новоевропейская наука сразу же вступила в тесном взаимодействии с философией. Вместе с тем следует сразу же отметить, что характер этого взаимодействия в корне отличается от характера взаимоотношения науки с религией. Данное обстоятельство объясняется, по меньшей мере, следующими двумя причинами. Во-первых, в отличие от религии, исходящей из веры философия и наука исходят из разума. Это значит, что между философией и наукой имеет место момент существенного тождества, который состоит в том, что оба они представляют собой типы рационального знания. (Об этом более подробно речь пойдёт ниже). Во-вторых, многие науки (в том числе и ряд естественных наук) в своём зачаточном, зародышевом состоянии зарождались в лоне философии (натурфилософии), и лишь окрепнув и развившись до определённого уровня, они смогли затем отпочковываться от неё и образовывать самостоятельные научно-познавательные структуры, отдельные сферы научного знания. В свете этого можно с полным основанием говорить о существовании некой "генетической" связи между наукой и философией. Не исключено, что данная связь была одной из причин господства в классическом периоде развития философской мысли определения философии, как "матери" или "царицы" наук, как "науки наук".

Итак, в отличие от религии, полностью подчинившей себе науку (и философию тоже) и фактически низводившей её до уровня простой "служанки" теологии, философия первоначально стремилась относиться к науке, фигурально выражаясь, "по-матерински", а стало быть, и в определённой степени "назидательно". Однако и при таком "назидательно-материнском" отношении к ней наука непременно опускается до жалкого состояния опекаемого, в результате чего она также теряет свою самостоятельность и независимость. И, по-видимому, именно попытка философии задушить науку в "своих тёплых материнских объятиях" и вынудила одного из самых выдающихся умов человечества, И. Ньютона (1643-1727) сформулировать свои знаменитые тезисы: «Я гипотез не измышляю» и «Физика берегись метафизики»!

Господствующий в европейской философии классического периода взгляд на отношение между философией и наукой, согласно которому первая ставилась над последней в качестве её высшей и строгой повелительницы, был к середине XIX столетия подвергнуть, правда, с принципиально разных позиций, серьёзной критике и кардинально пересмотрен, как в марксистской философии, так и в позитивизме.

В марксистской философии сложилась традиция подходить к проблеме соотношения философии и науки и решать её с позиции диалектики общего, частного и единичного. Согласно данной традиции философия имеет своим предметом всеобщую связь явлений действительности, т.е. всеобщие закономерности, которые действуют на всех уровнях структурной организации этой последней. Между тем, наука имеет дело с частными и общими законами, действующими лишь на отдельных уровнях структурной организации материи. Следовательно, философия не может заменить собой науку и брать на себе

выполнение её познавательных функций. Она, с марксистской точки зрения, может в сугубо познавательном плане выполнять по отношению к науке только общую методологическую функцию. В свете этого философия (естественно, речь идёт не о всякой философии, а лишь о той, которая органически связана с наукой и тесно и продуктивно взаимодействует с ней) объявляется общей методологией научного познания. Однако, будучи общей методологией этого познания, такая философия сама, в свою очередь, испытывает определённое активное воздействие со стороны науки. Так, она, например, не может уточнить свои старые понятия и представления и формировать новые, а стало быть, развиваться дальше иначе, как путём обобщения фундаментальных данных и важнейших достижений если и не всех наук, то, по крайней мере, многих из них. Всё это говорит о том, что указанного типа философия и наука как важнейшие сферы или области единого человеческого знания находятся между собой, согласно марксистской философской концепции, в диалектическом взаимодействии, в отношении активного взаимовлияния.

Что же касается позитивизма, то он подвергает модель "Философия - царица наук" критике и пересмотру с принципиально иных позиций. Основоположник позитивизма, французский философ и социолог О. Конт (1798-1857) полагал, что спекулятивная, т.е. умозрительная философия (или, как он её обозначает, метафизика) в принципе невозможна в силу её "неэмпиричности". Она претендует на познание сущности вещей (мира), а сущность непознаваема. Наука, в отличие от метафизики, имеет дело, по его мнению, не с непознаваемыми сущностями, а лишь с явлениями. Поэтому он фактически предписывает ей только описательные функции. Задача науки, следовательно, заключается не в постижении сущностей, а в описании явлений. В силу этого она имеет сугубо эмпирическое основание. Это значит, что научным следует считать лишь то знание, которое либо непосредственно выводимо из нашего чувственного опыта, либо же, в конечном счёте, сводимо к его элементам, к нашим ощущениям. Метафизические понятия и представления эмпирическим основанием не обладают. Они никакого отношения к опыту не имеют. Ввиду этого они никак не могут быть оценены нами. Говоря иначе, мы не можем каким-либо образом судить о них, и поэтому они теряет для нас всякий смысл, т.е. окажутся просто бессмысленными.

"Упраздняя", таким образом, метафизику, позитивизм задался целью создать некую "позитивную" философию, в пределах которой философия сама стала бы наукой. Перестав быть "наукой наук", философия, с точкой зрения позитивистской, фактически превращается в некую "науку о науке", в своёобразное науковедение. Так, предмет философии оказывается сильно обеднённым и суженным до исследования логико-гносеологической структуры научного знания, языка науки и т. п.

Однако "слухи" позитивизма о смерти философии в традиционном её понимании оказались "слишком преувеличенными". Философия пережила позитивизм, который сошёл с магистрального пути развития философской мысли и был свергнут с "пьедестала" в его же собственном детище – философии науки. Пришедший позитивизму на смену, постпозитивизм предпринял попытку хоть кое-как реабилитировать философию. В своем попперианском варианте он конструирует принцип "фальсификационизма"[1] в качестве некоего критерия демаркации границы между наукой и философией. В соответствии с данным принципом была сформулирована концепция "критической рациональности", предписывающей философии всегда быть открытой для рациональной критики. Все усилия постпозитивистов свести всю философию к одной только методологии и философии науки также не имели успеха и не могли помещать дальнейшему развитию всех традиционных сфер философского знания, включая и онтологию.

Все попытки редуцировать всю философию к одной лишь философии науки оказались несостоятельными, по моему мнению, именно потому, что в их основе лежит неправильная по своей сути идея, согласно которой философии в принципе может быть придан научный статус, возводящий её в ранг научного знания. Между тем никакого научного статуса, как мне кажется, философия не обладает, и обладать не может. Дело в

том, что философия представляет собой, на мой взгляд, вненаучную форму человеческого знания. Она отличается от науки, как по предмету, так и по методам и функциям. Но, будучи отличной от науки, она может в лучшем случае лишь взаимодействовать с ней. Уже сам факт реального взаимодействия между ними свидетельствует о том, что они представляют собой различные формы знания. Вместе с тем не следует забывать, что в данном случае речь идёт о диалектическом различии, т.е. о различии, реализуемом в тождестве и через тождество. Дело в том, что между философией и наукой имеет место и существенное сходство, т.е. тождество, которое выражается в рациональной природе каждой из них. И в самом деле, философское и научное знания суть два (разных) типа одного и того же рационального знания. Философию можно рассматривать как рационально-спекулятивное (умозрительное) знание, тогда как науку следует считать рационально-экспериментальное знание. Следовательно, между философией и наукой существует не только различие, но также и тождество. Правда, данное тождество также имеет диалектическую природу и поэтому оно не может быть реализовано иначе, как в различии и через него. В свете этого отношение между философией и наукой предстаёт как различие тождественного (в тождественном) или тождество различного (в различном). Вот собственно, почему нельзя в частности абсолютизировать значение тождество между философией и наукой и, таким образом, возвести философию в ранг науки, превратить её в науку. В контексте всего сказанного обращает на себе особое внимание и попытка некоторых авторов возродить даже такую традиционную в прошлом область философских исследований, как философия природы (натурфилософия).

б) Нужна ли нам сегодня натурфилософия?

Если подходить к термину «физика» чисто этимологически и, таким образом, исходить из значения лежащего в его основе греческого слова "physis" ("природа"), то в таком случае можно предоставить физику как науку о природе. Однако нужна ли нам сегодня помимо науки о природе ещё и философия природы? Ряд авторов дают положительный ответ на данный вопрос. Они считают необходимым и актуальным сегодня реабилитировать и даже реформировать, т.е. реанимировать и в обновленном виде возродить натурфилософию (философию природы)(см. напр.: [2]), которая в своем традиционном понимании навсегда, казалось бы, сошла со столбовой дороги развития философской мысли более полутора столетий назад. При этом данные авторы склонны рассматривать философию природы не иначе как научную картину мира, которая на нынешнем этапе развития научного познания должна, по их мнению, включать в себя «судьбы человечества, проблему сохранения жизни на Земле» [там же, С.83]. или же как «философско-теоретический синтез достижения естествознания» [там же].Более того, понятие "натурфилософия" оказывается у них, по сути дела, однопорядковым (т.е. очень близким, если не сказать совпадающим по своему содержанию) с понятием "онтология"[там же, С.9, 73-74].

Между тем, "натурфилософия", как исторически сложившийся философский термин, введенный впервые в оборот, по-видимому, еще Сенекой, представляет собой далеко не научную по своему конкретному содержанию систему философских представлений (размышлений) именно о природе, а не учение о сущем как таковом, о бытии вообще. Более того, важнейшей особенностью данной системы является ее спекулятивно-умозрительный характер, который был одинаково присущ как идеалистической форме натурфилософии, так и ее материалистической разновидности. И это понятно, поскольку полное отсутствие научных данных, точных научных знаний о природе или же их острый дефицит вынуждали натурфилософа заменить или, точнее сказать, "компенсировать" их своими спекулятивными размышлениями, умозрительно-созерцательными конструкциями. Правда, материалистически ориентированные философы в гораздо большей степени апеллировали при создании своих натурфилософских систем к естественнонаучным знаниям своего времени или их зачаткам, пытаясь философски переосмысливать и обобщать их. И, тем не менее, их натурфилософские учения

оставались, в общем и целом, созерцательными, умозрительными. Еще более спекулятивными выглядели идеалистические натурфилософские системы, которые, как и натурфилософия в целом, несомненно, достигли наивысшей точки своего развития и нашли, таким образом, свое завершение в гегелевской философии природы.

Гегелевская натурфилософия достаточно отчетливо демонстрирует невысокий уровень естественнонаучных знаний самого Г.-В-.Ф. Гегеля (1770-1831). Б. Рассел (1872-1970) прав, когда считал, что данный уровень не превышает, по сути дела, уровня гимназического образования. А его великий предшественник - выдающийся немецкий математик первой половины XIX века К.Ф.Гаусс (1777-1855), был еще более резок в оценке научных знаний Гегеля, ибо полагал, что от его определений "волосы встанут дыбом". Конкретизируя подобную оценку, немецкий ботаник М.Я. Шлейден (1804-1881) прямо заявил, что "Философия природы" Гегеля представляет собой целый набор «грубейших эмпирических ошибок».[3., S.60] Гегелю, собственно говоря, и вовсе не нужно было глубоких естественнонаучных знаний. Дело в том, что в своей "Философии природы" он задался целью не столько объяснить природу, сколько насильственно подогнать ее под свою общефилософскую схему, "втиснуть" ее в свою систему абсолютного идеализма. Отсюда и проистекал ее крайне спекулятивный антинаучный характер, который вызвал весьма негативную реакцию и многих выдающихся ученых второй половины XIX века, таких как, например, Г.Гельмгольц, Э.Геккель, Л.Больцман и др.

Отрицательное отношение естествоиспытателей к натурфилософским спекуляциям достаточно отчетливо прослеживается и в первой половине XIX века. Это объясняется, в частности, тем, что некоторые отрасли современного естествознания к этому времени, не просто сложились в качестве самостоятельных наук, но и добились внушительных успехов и важных результатов в экспериментально-теоретическом исследовании и изучении природы. Поэтому об указанном отношении можно, в принципе, говорить, начиная с более раннего этапа формирования новоевропейского естествознания. Так, например, еще И. Ньютон подозрительно, по-видимому, относился к широким и далеко идущим философским обобщениям, о чем свидетельствует, в частности, упомянутое выше его знаменитое предупреждение: "Физика, берегись метафизики". И, тем не менее, он свой основной научный труд озаглавил не иначе как "Математические начала натуральной философии". Спустя более полутора веков после этого немецкий естествоиспытатель Ю.Р.Майер (1814-1878) уже не скрывал свое принципиальное неприятие натурфилософии из-за ее спекулятивного умозрительного характера [4., С.227].

Не подлежит, конечно, никакому сомнению то, что натурфилософия исторически сыграла важную позитивную роль в познавательном процессе вообще и в познании природы, в частности. Так, ей принадлежало множество гениальных догадок, среди которых особое место занимала атомистическая концепция строения материи. В ее лоне зародился, как известно, и от нее в дальнейшем "отпочковывался" целый ряд важнейших отраслей современного естествознания. Но все это не дает, однако, никаких оснований интерпретировать натурфилософию как научную или научно-философскую систему взглядов на природу, или как "философско-теоретический синтез достижения естествознания". Натурфилософия – это **историческая предшественница** естествознания, его **предыстория**. Поэтому она исторически оправдана и реально могла иметь место лишь там и тогда, где и когда естественные науки либо еще совсем не сложились, либо же недостаточно "окрепли" для самостоятельного существования и развития.

И, в самом деле, натурфилософ лишь исторически выполнял (и вообще мог выполнять) роль и функцию (и, в таком смысле, мог "замещать") естествоиспытателя до момента появления этого последнего на исторической арене и вступления его в качестве полнокровного субъекта познавательного процесса. Поэтому, естественно, что, начиная с данного момента, отпадает сама необходимость в натурфилософе как таковом. Данное

обстоятельство находит свое основание в том, что вместе с возникновением собственно научного, экспериментально-теоретического исследования и изучения природы исчезает сама потребность в спекулятивном, философски-умозрительном ее "объяснении". Или, говоря иначе, с формированием и развитием естественнонаучных знаний отпадает потребность в заменяющем их "суррогате", каким, собственно говоря, и явилась натурфилософия.

Итак, с точки зрения преемственности в развитии наших знаний о природе, т.е. нашего "природопонимания", можно говорить о превращении самого натурфилософа в естествоиспытателя и трансформации натурфилософии в естествознание. Это значит, что философия природы исторически уступает своё место естествознанию, поскольку именно в нём она получает свою полную завершенность, подобно тому, как предыстория завершается с наступлением подлинной истории.

Итак, вместе с возникновением точного, научного, экспериментально-теоретического знания о природе натурфилософия полностью исчерпывает свой познавательный потенциал и, таким образом, исторически изживает себя. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что именно в формировании и неуклонном развитии новоевропейского естествознания (а не в какой-то "победе позитивистского учения", как полагает А.П.Огурцов[2., С.57]) и заключается главная причина "отмирания" натурфилософии.

И, тем не менее, в постегегелевском периоде развития философской мысли предпринимались отдельные попытки "вдохнуть жизнь в мертвое тело" натурфилософии. Однако данные попытки (как, например, разработанная В.Ф.Оствальдом (1853-1932) в конце XIX века концепция "энергетизма") ничего хорошего не сулили ни развитию естествознания или научного познания вообще, ни развитию философии. Как раз наоборот, они оказывали на это развитие лишь негативное, сдерживающее влияние.

В постгегелевском периоде, особенно, в XX веке за философией по отношению к естествознанию, помимо общеметодологической функции, сохранилась еще некая интегрирующая, синтезирующая научное знание, функция. Дело в том, что именно философия взяла под свою "юрисдикцию" или "компетенцию" пограничные научные области, т.е. те, так называемые, "ничейные территории", которые выпадали из поля зрения самого научного познания. Однако, как показывает опыт последних десятилетий, философия начинает "сдавать" и эту свою позицию, т.е. частично уступать свою интегрирующую функцию самой науке. Дело в том, что, начиная примерно с середины XX века, научное познание вступило в качественно новую фазу своего развития – фазу более интенсивного формирования так называемых междисциплинарных знаний. Создание в конце 40-х годов XX века кибернетики и в начале 70-х годов - синергетики свидетельствует о том, что наука начинает постепенно "отбирать" у философии и функцию синтеза научного знания. Это, однако, не значит, что путь к этому синтезу уже или будет полностью перекрыт для философии. Нет, конечно. Философия играла, играет, и будет играть важную роль при формировании целостной научной картины природы или мира в целом. Однако она будет действовать в данном процессе уже не в качестве "единоличного" или даже "главного" субъекта, а будет задействована в нем наравне или, точнее сказать, наряду с другими его участниками. Это значит, что ей приходится отказаться от роли "первой скрипки" и в синтезе научного знания точно так же, как она была вынуждена ранее отказаться от такой же роли в изучении и объяснении природы.

В свете всего сказанного любая попытка "реанимировать" и в какой-либо конкретной форме возродить натурфилософию может быть оценена лишь как бесперспективный и тупиковый путь в развитии, как философии, так и естествознания (или науки вообще). Это означало бы фактический откат назад к той исторической эпохе, в которой философия подменяла собой науку или стояла над ней и диктовала ей, по сути дела, ее законы и понятия. Иными словами, мы в таком случае вернулись бы к тому времени, когда философия осуществляла свое "опекунство" над наукой и, таким образом,

"душила" ее в своих "нежно-материнских" объятиях, т.е. к той ситуации, которая, по всей вероятности, и вынудила И.Ньютона бросить свой знаменитый клич: "ФИЗИКА! БЕРЕГИСЬ МЕТАФИЗИКИ".

Однако, отвлекаясь от данного исторического контекста, нельзя не задаваться вопросом: действительно ли метафизика или, говоря иначе, философия всегда представляет собой нечто такое, чего должна опасаться физика?

в) Физика и философия

Говоря о европейской научной традиции, можно быть уверенным в том, что первые физические представления возникли ещё в лоне античной философии. Так, например, представление об атомистическом строении материальных объектов впервые было сформулировано в V столетии до н.э. древнегреческими философами, Левкиппом (ок. 500-440 до н.э.) и Демокритом (ок. 460-ок.370 до н.э.). Спустя примерно полтора столетия их последователь Эпикур выдвинул гениальную догадку о том, что атом при своём движении вниз (падением) под действием собственной тяжестью произвольно откланяется от отвесной линии. Понимание атома как не разложимой далее (неделимой) материальной структуры господствовало в новоевропейской физике вплоть до конца XIX – начала XX веков, когда, наконец, удалось делить "неделимое".

Столь же "долгоживущим" оказалось и физическое учение великого философа античной Греции Аристотеля (384-322 до н.э.), которое хотя и отличалось системностью (что дает определённое основание считать его первой физической картиной мира) носило всё же псевдонаучный характер. Однако, несмотря на это аристотелевская динамика, например, оставалась безраздельно господствующей в европейской научной традиции вплоть до Г. Галилея (1564-1642), который доказал её полную научную несостоятельность и убедительно показал, в частности, что: а) воздух не способствует движению, а препятствует ему и б) не встречающее на своем пути никакого сопротивления движущееся тело не останавливается, если толкающая его сила прекращает свое действие (принцип инерции).

То же самое можно утверждать и относительно геоцентрической системы мира Птолемея (ок. 90-ок. 160), которая, несмотря на её общий псевдонаучный характер, также господствовала в указанной традиции вплоть до формирования польским астрономом Коперником (1473-1543) гелиоцентрической системы мира в своей, изданной на латинском языке в 1543 г. в Нюрнберге, работе "Об обращениях небесных сфер",. К сказанному следует добавить и то, что античными мыслителями принадлежит целый ряд интересных научных идей и догадок по механике, геометрической оптике (и особенно по "катоптрике" и "диоптрике"), физической географии, метеорологии и т.д.

В новоевропейской философии также были выдвинут ряд важных, обладающих определённым физическим смыслом идей. К этим идеям можно отнести, например, отрицание одним из основоположников этой философии, французским философом Р. Декартом (1596-1650) существования абсолютной пустоты, т.е. абсолютно пустого пространства. Соглашаясь с этим и полагая, что пространство везде и повсюду заполнено "жидкой материей", другой выдающийся представитель указанной философии, немецкий философ Г.-В. Лейбниц (1646-1716) достаточно отчётливо формулирует реляционную концепцию пространства и времени, которая находит свое естественнонаучное обоснование и наполняется конкретно-физическим содержанием только в созданной А. Эйнштейном (1879-1955) теории относительности.

Сказанное дает определённое основание согласиться со словами известного немецкого физика и философа науки К.Ф. Вайцзеккера (1912-2007) о том, что многие (по его выражению, большинство) из физических понятий «созданы философами, пришли в физику из философии»[5., С.115]. Во всяком случае, вышеприведённые факты, как думаю, достаточны, чтобы поставить под сомнение предубеждение, согласно которому физика должно всегда опасаться философии. Однако, несмотря на это по сей день, существуют физики, которые остались верными, брошенному И. Ньютоном более трёх столетия назад

кличу: "Физика берегись метафизики". При этом они, в отличие от великого английского учёного, исходят, как правило, из более или менее явных позитивистских позиций. Известно, например, как резко отрицательно относился в свое время к метафизике из-за её, якобы, антинаучного, а стало быть, и антифизического характера один из столпов позитивизма, австрийский физик и философ Э. Мах (1838-1916) [6]. Отрицает значение философии для физики и такой крупный специалист по физике элементарных частиц, как лауреат нобелевской премии С. Вайнберг (род. в 1933 г.). В VII главе своей недавно вышедшей в русском переводе книги "Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы", носившей симптоматичное название - "Против философии" он, в частности, отмечает буквально следующее. «Я знаю,- пишет он,- как относятся философы к любительским философским потугам ученых. Но я стремлюсь здесь изложить точку зрения не философа, а рядового специалиста, неиспорченного работающего ученого, который не видит в профессиональной философии никакой пользы. Не я один разделяю такие взгляды – мне не известен ни один ученый, сделавший заметный вклад в развитие физики в послевоенный период, работе которого существенно помогли бы труды философов. В предыдущей главе я упоминал о том, что Вигнер назвал «непостижимой эффективностью» математики. Здесь я хочу указать на другое в равной степени удивительное явление – непостижимую неэффективность философии. Даже если в прошлом философские доктрины и оказывали какое-то полезное воздействие на ученых, влияние этих доктрин затягивалось на слишком долгое время, принося в конце концов тем больше проблем, чем дольше эти доктрины оставались в употреблении»[7., С.133]. Однако, несмотря на это, он считает возможным всё же заявить, что: «Все сказанное совсем не означает отрицания ценности философии, основная часть которой не имеет никакого отношения к науке. Более того, я не собираюсь отрицать и ценность философии науки, которая в лучших своих образцах представляется мне приятным комментарием к истории научных открытий» [там же]. так, отрицая ценность философии для физики, С. Вайнберг готов, в лучшем случае, признать её ценность лишь в качестве приятного комментария к истории науки.

Упоминая обо всём этом, нельзя не заметить, как сегодня особо усердствуют в "борьбе" с философией и некоторые из наших физиков. Они вкупе с некоторыми представителями других естественных (и «неестественных») наук прямо-таки объявили "крестовой доход" против неё. Во-первых, пытаясь полностью ликвидировать кандидатский экзамен по философии, они всё же добились существенного изменения аспирантской философской дисциплины, как по объёму, так и по содержанию, и смогли свести её к "Истории и философии науки" [8]. Во-вторых, они добились существенного фактического сокращения в Госстандарте высшего образования и объёма дисциплины по философии. В-третьих, как приверженцы идеей о полной отчужденности между физикой и философией они всячески пытаются подчёркивать вредность или в лучшем случае бесполезность философии для физики. Однако справедливости ради необходимо упомянуть и о принципиальной позиции других наших учёных, в том числе и физиков, которые твёрдо встали на защиту философии и не давали ликвидировать её и отстояли её право на существование в качестве важной составляющей Федерального образовательного стандарта [там же].

В связи с этим необходимо заметить, что в отторжении части наших физиков (и учёных вообще) от философии отчасти виноваты некоторые наши философы. Дело в том, что благодаря их профессиональной деятельности наша философия стала воистину "всёядней". Только какие псевдонаучные и даже откровенно антинаучные идеи не приобретают в ней высокий философский смысл и становятся, таким образом, серьёзными философскими проблемами, достойными самого глубокого анализа. И в самом деле, многие работы (в том числе кандидатские и докторские диссертации) по философии у нас сегодня посвящаются антинаучным проблемам астрологии, эзотерики и им подобных форм, "обновлённого" современной научной терминологией обскурантизма, а также

таким сомнительным в научном отношении представлениям, как, например, идеи торсионного поля, биополя, биоэнергоинформатики, эниологии (аббревиатура "энио" расшифровывается как энергоинформиционный обмен) и другие квазинаучные понятия. Это, конечно, не могло не насторожить многих наших учёных и вызвать у них негативную, а то и прямо враждебную реакцию на подобного рода философские (или, точнее, квазифилософские) сочинения. При этом некоторые из этих учёных без какого-либо основания экстраполируют свою враждебность на область философии в целом, полагая, что философия по определению может причинить физике один только вред.

Сказанное отнюдь не означает, что отрицательное отношение к философии превалирует среди физиков. Как раз наоборот, большинство физиков признают существование органической связи между физикой и философией, рассматривая при этом философское знание как одно из важных условий развития самой физики. К ним относятся такие корифеи науки, как М. Планк, А. Эйнштейн, Н. Бор, М. Борн, Э. Шрёдингер, Луи де Бройль, В. Гейзенберг, П. Ланжевен, В. Бом и многие другие, которые фактически составляют "цвет" современной мировой физики. При этом некоторые из них сами занимались философскими вопросами, в частности, вопросами теории познания. И, чтобы не быть голословным сошлюсь здесь на высказывания двух из них, А. Эйнштейна и М. Борна.

«Без веры в то, - писал А. Эйнштейн, - что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло быть никакой науки. Эта вера навсегда останется основным мотивом всякого научного творчества»[9., С.543]. В другом месте он, в противоположность вышеприведённому взгляду С. Вайнберга, отмечает: «В наше время физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физиками предыдущих поколений. К этому физиков принуждают трудности их собственной науки»[10., С.248]. И поэтому «без «метафизики» обойтись нельзя»[там же, С.252]. Подтверждая это, он позднее подчёркивает, «что в настоящее время философские воззрения оказывают огромное влияние на физические взгляды»[11., С.327]. И далее читаем у него же, что: «наука без теории познания (насколько это мыслимо) становится примитивной и путаной».

А М. Борн (1882-1970), как бы, оппонируя И. Ньютону, достаточно отчётливо и категорично заявляет, что «физика, свободная от метафизических гипотез, невозможна». В полном соответствии с данной принципиальной позиции он, в частности, подчёркивал следующее: «Никакими хитростями не удаётся избежать вопроса о существовании объективного, независимого от наблюдателя мира, мира "по ту сторону" явлений»[12., С.124]. Следовательно, можно определённо сказать, что физика, согласно М. Борну, не может обойтись без философии, предметом которой является, по его мнению, «исследование общих черт структуры мира и наших методов проникновения в эту структуру»[13., С. 190]. А в последней своей книге, вышедшей в 1968 в Нью-Йорке под названием "Моя жизнь и взгляды" он подчёркивал, что «любой современный ученый-естественник, особенно каждый физик-теоретик, глубоко убежден, что его работа теснейшим образом переплетается с философией и что без серьезного знания философской литературы его работа будет впустую» [14., С.44]

г) Предмет философии физики

Итак, между физикой и философией, ориентирующейся на науку вообще и физику в частности и обобщающей её основные достижения, имеет место тесное взаимодействие. Данное взаимодействие охватывает собой весь комплекс тех проблем, которые представляют живой интерес для обеих познавательных сфер. Эти проблемы, как правило, возникают в пограничной области между философией и физикой. Они, как раз, и составляют предмет философии физики.

Философские проблемы физики можно разделять, по крайней мере, на три следующие категории: онтологические, гносеологические и аксиологические. К

онтологическим проблемам физики следует отнести все её понятия, теории, гипотезы и т.д., которые раскрывают физический аспект (измерение, содержание) таких философских категорий, как материя, движение, пространство, время, причинность, детерминизм и т.д. В свете этого можно полагать, что центральной онтологической проблемы философии физики выступает проблема физической реальности. Это значит, что онтология физики призвана исследовать физическую реальность и раскрывать её существенные характеристики в качестве фундаментального уровня структурной организации материального мира. Гносеологические проблемы физики охватывают собой все вопросы, касающиеся источника, структуры, методов, функций и т.д. физического знания. Среди данных проблем следует особо выделить вопросы о познаваемости физической реальности и её объективном статусе, о характере и структуре физической теории, о закономерностях конструирования этой теории и о её взаимоотношении с экспериментом. Наконец, аксиологические проблемы физики включают в себя все ценностные аспекты профессиональной и социальной деятельности физика. Сюда относятся морально-этические императивы и другие ценностные ориентиры или критерии, определяющие деятельность учёного-физика и, стало быть, регулирующие как взаимоотношения между самим членами физического научного сообщества, так и отношения этого последнего с обществом.

Указанные три категории философских проблем физики представляют собой три элемента единой структуры. Как составляющие философии физики они тесно взаимодействуют друг с другом. Так, например, от того, как конкретно решаются онтологические проблемы физики во многом зависят характер и содержание решения её гносеологических проблем. Вместе с тем имеет место и обратное влияние тех или иных гносеологических подходов, применяемых в философии физики на формирование определённых онтологических представлений в данной познавательной сфере. Можно прослеживать определённую взаимосвязь и между аксиологией физики, с одной стороны, и её онтологией и гносеологией, с другой. Всё это говорит о том, что философия физики выступает единой, целостной и, по мере возможности, непротиворечивой системой знания.

Выделение автором только три основных составляющих философии физики определило в конечном итоге структуру данного учебного пособия. Поэтому предлагаемая работа включают три раздела, которые посвящаются, соответственно, онтологии, гносеологии и аксиологии физики.

Литература и примечания

1. Выдвинутый английским философом науки К. Поппером (1902-1994) принцип фальсификационизма (от лат. falsus – ложь, ложный и facio – делать) гласит, что любую теорию (или какое-либо другое положение) следует признавать научной лишь в той же самой мере, в какой она допускает возможность своей фальсификации, т.е. опровержения.
2. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы. Коэволюционная стратегия. М., 1995.
3. Schleilen M.J. Schellings und Hegels Verhaltniss zur Naturwissenschaft. Leipzig, 1844.
4. Майер Р. Законы сохранения и превращения энергии. М., 1933.
5. Вайцзеккер К.Ф. Физика и философия // Вопросы философии, 1993, №3,
6. Мах Э. Познание и заблуждение. М.: БИНОМ (Лаборатория знаний) 2003.
7. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы". М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. См., например: Журнал "Власть", № 10(613) от 14. 03. 2005.
9. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики // Эйнштейн А. Собр. научных трудов в четырёх томах. Т IV.М., 1967
10. Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрана Рассела // Эйнштейн А. Собр. научных трудов в четырёх томах. Т IV М., 1967.

11. Эйнштейн А. Письмо Г. Сэмьюэлу от 13 октября 1950 г. // Эйнштейн А. Собр. научных трудов в четырёх томах. Т IV. М., 1967.
12. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М.: «Прогресс», 1973.
13. Борн М. Физика и метафизика // Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
14. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М.: «Прогресс», 1973.

Проблема информации в свете синергетического историцизма

С.В. Бусов

Вначале два теоретических положений самого общего характера.

Положение 1 (общефилософское). Информация представляет собой область реальности или некий фактор *X*, посредством которого системы определяют способ своего существования. Вне означенной реальности самоопределение невозможно. Так, камень, в отличие от клетки, не способен самоопределяться, поскольку не обладает способностью *кодировать* свое существование и определять его для себя как собственное существование. Посредством названной области реальности (фактора *X*) сообщество живых систем способно определять себя в качестве носителей какого-либо значения (информации).

Положение 2 (общенаучное). Информационная структура обладает рядом атрибутивных свойств: 1) способность к простому воспроизводству; 2) способность к расширенному воспроизводству, то есть умение размножаться, копировать свою конструкцию в сравнительно большом количестве экземпляров, создавая при этом пространство совместного существования; 3) способность усложняться или упрощаться в процессе эволюции (прогресс, регресс, идиоадаптация); 4) к информационным структурам применимы нелинейные зависимости, проявляющиеся как: а) неоднозначность (нелинейность, связанная с разветвлением старого качества на несколько новых в точке бифуркации); б) диспропорциональность следствия и причины (в отличие от “линейных” процессов, для которых характерна пропорциональность следствия причине). Так, малые воздействия на самоорганизующуюся систему могут приводить к очень большим последствиям (“мышь родит гору”), а большие — к совершенно незначительным (“гора родит мышь”); в) реактивность (воздействие результатов отбора на факторы этого отбора, т.е. существование обратной связи между результатами отбора и его факторами). Наконец, 5. способность кодировать и декодировать свои состояния в носителях, сохранять их во времени и транслировать в пространстве.

Способы существования информационных структур описаны синергетикой, в особенности, тем ее разделом, который используется при описании социальных структур. Так, феноменология социальных структур описывает общий признак всех социальных объектов, а именно, процессы иерархизации и деиерархизации. В общем случае иерархизация представляет собой последовательное объединение элементарных диссипативных (обменивающихся, открытых, буквально - рассеивающих энергию) структур в диссипативные структуры более высокого порядка; деиерархизация — последовательный распад диссипативных структур на более простые. В социуме это проявляется в виде периодического образования больших и малых групп (семьи, корпорации, сословия, классы, нации), суперэтносов, империй и их последующего распада. Более глубокий анализ процессов иерархизации показывает, что они могут протекать в разных направлениях, образуя иерархические системы разного типа. Аналогичная картина наблюдается и в случае деиерархизации: сложная диссипативная структура может распадаться на более простые также разными способами, в результате чего образуются элементарные диссипативные структуры. Иерархизация связана с образованием т.н. себе-подобных структур (фракталов), поэтому ее можно также именовать фрактализацией; соответственно деиерархизацию — дефрактализацией. Эта

терминология успешно используется В.П.Бранским в анализе различных путей эволюции современного общества [1].

Спектр направлений, в которых может протекать иерархизация или деиерархизация, определяется бифуркацией — разветвлением старого качества на конечное множество потенциально новых качеств или возможностей [2]. Бифуркация возникает в точках максимальной нестабильности, которые система неоднократно переживает в процессе своей эволюции. Причины нестабильности (неравновесности) коренятся в недрах процесса конструирования материальной реальности, ее бытия, если выражаться предельно общо. Идея нестабильности, согласно И.Пригожину, стала результатом ряда научных открытий. Во-первых, это открытие неравновесных структур, которые возникают как следствие необратимых процессов и в которых системные связи устанавливаются сами собой; во-вторых, вытекающая из открытия неравновесных структур идея конструктивной роли времени; и, наконец, появление новых идей относительно динамических, нестабильных систем, — идей, меняющих наше представление о детерминизме [3]. Переход социальной системы от одного состояния к другому требует выбора из множества возможных структур какой-то одной и пока такого выбора не произойдет, эволюция не сможет продолжить свое движение. Цепочка бифуркаций, или бифуркационный взрыв, таит в себе такие важные особенности: во-первых, относительно первый шаг выбора имеет фундаментальное значение для будущего системы, поскольку определяет все последующие шаги; во-вторых, определяется спектр аттракторов, в область влияния которых попадает данная система; в-третьих, последовательность выборов может увести самоорганизующуюся систему от исходного порядка (или хаоса), но также в некоторой степени вернуть ее снова в начальное состояние. Однако этого не произойдет при условии попадания в зону аттрактора, вследствие чего изменения в системе станут необратимыми. Понятие необратимости является важнейшим в описании тех процессов, которым наукой приписывается признак информационных. Остановимся подробней на соотношении понятий необратимости и информации.

По мнению И.Пригожина, из внутренней необратимости следуют случайность и неустойчивость [4], как ее производные. В термодинамике, по его словам, необратимость ведет к утрате системой памяти об ее прежних состояниях и возрастанию энтропии. Неравновесность присутствует на всех уровнях реальности. То же относится и к необратимости. «Необратимость существует на всех уровнях, – убеждают читателя И.Пригожин и И.Стенгерс в своей книге «Порядок из хаоса». – Она не может возникнуть, словно чудо, при переходе с одного уровня на другой» [5]. Материя с точки зрения современной науки, отмечают они, не есть нечто данное, она конструируется из более элементарного понятия «в терминах квантовых полей». В этом конструировании важная роль отводится термодинамическим понятиям (необратимость, энтропия). Ими актуализируется проблема соотношения фундаментальных законов физики, относящихся к микроскопическому и макроскопическому уровням природы. «На уровне макроскопических систем, - пишут И.Пригожин и И.Стенгерс, - первостепенное значение имеет второе начало (и связанное с ним понятие необратимости). …Мы стремимся показать, что в настоящее время открывается возможность выхода за рамки макроскопического уровня, и продемонстрировать, что означает необратимость на микроскопическом уровне»[6]. В.В.Казютинский и В.С.Степин подчеркивают важное значение открытия И.Пригожиным того, что необратимость на микроуровне неизбежно приводит к периодическим нарушениям и восстановлению упорядоченности (на макроуровне.- С.Б.) [7]. Это и подобные ему утверждения лежат в основании концепции универсального эволюционизма. Согласно данной концепции, на всех уровнях материи источником движения от хаоса к порядку служит неравновесность, приводящая открытые системы к самоорганизации, в результате которой возникает столь важная для возникновения жизни ветвь – усложнение материальных структур.

Вывод, который был бы уместен в связи с применением принципа необратимости и понятия информации в аспекте глобальной эволюции Вселенной, может быть следующим. Необратимость присуща всем уровням материальной действительности, однако, при ее описании термин информации может применяться лишь тогда, когда речь идет о живых системах, поскольку только им присуща активность во времени, т.е. способность памяти, или особой информационной процедуры, которая характеризуется воспроизведением своих прошлых состояний на основе «прочтения» сведений о них в виде неких кодовых значений. Такой «перфокартой» для всех живых систем на Земле является геном, в котором закодированы их структурные особенности. В условиях периодической активизации генетической памяти реализуется существование, или иначе говоря, осуществляется бытие организмов и их сообществ. Поэтому не будет преувеличением сказать, что жизнь может быть вполне адекватно описана в терминах информационного процесса.

Итак, на феноменологическом уровне (т.е. на уровне явлений) мы ознакомились с процессом выбора из спектра возможных бифуркационных структур (возможных путей дальнейшего развития) одной и определённым способом ее реализации. Подчеркнем при этом важный момент: выбор совершается из спектра возможных структур, а не из набора уже фактически имеющихся в наличии действительных структур [8]. Возможности существуют объективно. Если вероятность реализации одной из возможных структур равна единице, то речь идет о неизбежности; если вероятность реализации равна нулю, то речь идет о невозможности. В бифуркационном пространстве мы имеем дело лишь с вероятностью реализации, лежащей между нулем и единицей. Явление – это действительное проявление сущности объекта, ему отвечает латинское слово actus. Однако нельзя сводить явление только к действительности, оно содержит также и возможность (potentia). Социальное явление содержит богатый потенциал возможностей, которые определяются разного уровня условиями и причинами, как существенными, так и несущественными, как необходимыми, так и случайными. Сущность, в свою очередь, определяется лишь посредством исследования множества своих проявлений [9]. Она не наблюдаема непосредственно и открывается через наблюдаемое, внешнее, видимое, являемое (феноменальное). Потому феноменологический уровень анализа – это первый необходимый этап исследования любых объектов, в том числе таких сложных как общество, культура, человек. Таким образом, на этом уровне мы можем рассматривать только феномены, явления, наблюдаемые случаи, события, внешне характеризующие и выражающие искомую сущность – информацию. К этой области относится и аттрактор, то состояние, в котором реализуется избранная данной системой возможность ее дальнейшей эволюции.

На эссенциальном уровне (на уровне сущности) имеет место социальный отбор, то есть то, что лежит в фундаменте, в глубинной основе нашего выбора, а также в основе бифуркаций (бифуркационного взрыва). Факторами социального отбора являются тезаурус или сокровищница (то, из чего производится выбор; тезаурус наполняется возможностями посредством бифуркационного взрыва), детектор (тот, кто осуществляет выбор, выражающийся через соотношение сил в обществе) и селектор (руководящее правило, принцип, на основании которого осуществляется социальный выбор) [10]. Тезаурус (или набор возможных структур) всегда конечен. Тезаурус может быть бесконечным только в перспективе, потенциально, но не актуально. Почему набор возможностей должен быть конечен? Потому что он определяется конкретной закономерностью. Известно, что возможно существование лишь того явления, которое согласуется с каким-либо объективным законом (шире – с какой-либо необходимостью). Мы предполагаем конечную величину любой бифуркационной структуры, поскольку ее мощность определяется ограниченностью действия той или иной закономерности, выражающей, если говорить о живой системе, соотношение энергетических источников и энтропийных стоков. Другой пример – самолет органичен в возможностях воздушного

маневра законами гравитации, баллистики и пр. Следует определиться, что мы понимаем под необходимостью. Существует, по крайней мере, два ее общих значения: 1. необходимость как способ превращения возможности в действительность (Аристотель) и 2. необходимость как закономерность, ограничивающая число эволюционных возможностей системы (т.е. определяющая бифуркационный момент эволюции). Мы будем придерживаться второго понимания. Поэтому лучше говорить не о «познанной необходимости», а о «познанной закономерности». Отсюда следует, что информацию можно рассматривать как способность кодировать свое существование и определять его для себя и себе подобных как собственное существование в рамках ограниченного законом набора возможностей. Подчеркнем еще раз, что набор, из которого делается выбор, определяется закономерностью.

Таким образом, информация есть закодированная случайность в рамках действия определенной закономерности. «Информация есть случайный и запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных», - так считает Д.С.Чернавский [11]. Случайный выбор соответствует генерации (то есть спонтанному возникновению) информации. Слово «запомненный» относится Д.С.Чернавским к фиксации, схватыванию информации, ее кодированию и сохранению. Так, скажем, по отношению к закономерности в целом я несвободен, поскольку кодирование и запоминание ее проявлений жизненно необходимо, но я оказываюсь свободным (независимым) по отношению к каждой отдельной случайности, управляемой данной закономерностью, поскольку я могу каждую из них сознательно выбирать и запоминать (так происходит формирование привычек, тренировка и т.д.). В запоминании случайности всегда коренится неточность, ошибка. На количественном соотношении информации и энтропии, точности и ошибочности воспроизводства системы строили свои теории основоположники кибернетики. «Как количество информации в системе есть мера организованности системы, точно так же энтропия системы есть мера дезорганизованности системы; одно равно другому, взятому с обратным знаком», - писал Н.Винер [12]. Запоминание случайности, или ее кодирование, а тем более ее предвидение – это чрезвычайно высокий уровень знания законов, их действия в самых разных условиях.

Случайность, в конечном счете, есть форма проявления необходимости, и качественная эволюция запоминающего момента – вот единственный путь к максимальной устойчивости (адаптации). Случайность есть явление (событие), существующее «здесь и сейчас» в рамках той или иной необходимости (закономерности). Для случайности существование здесь и сейчас является определяющим. Этим она отличается от необходимости. Необходимость характеризуется условиями, при которых данное явление (событие) существует всегда. Случайность же при тех же условиях существует только «здесь и теперь», а не рядом или потом, ибо потом будет уже другая случайность, тогда как другой необходимости не может быть. Таким образом, свобода запоминания случайностей предполагает знание и запоминание закономерности в целом. Но, поскольку кодирование и сохранение информации не могут быть абсолютными, то и свобода и господство над обстоятельствами не могут быть абсолютными. Случайности – это явления изменчивого, текучего мира, потому их познание и запоминание должны быть гибкими. Здесь же определимся, что значит детерминизм и детерминация. Детерминизм есть учение о необходимой связи между явлениями мира. Он является основой учения о свободе запоминания, о случайности информационных процессов, так как мы уже уяснили, что ограниченный набор возможностей-случайностей для выбора всегда подчинен определенной закономерности (мы никогда не вырвемся из иерархии законов, управляющих ситуацией).

Мы приблизились к сущности социальных процессов, поскольку уяснили, что процесс кодирования случайностей подвержен свободному выбору, т.е. проявлениям свободной воли человека. В связи с этим имеет смысл хотя бы кратко рассмотреть

общественное производство, его функционирование и развитие, как основу социальных процессов. Общественное производство, собственно, и есть социальная самоорганизация с присущим ей механизмом отбора со всеми его факторами – тезаурусом, детектором и селектором, прекрасно описанными В.П.Бранским [13]. Тезаурус – результат «каскада» бифуркаций, ветвлений возможных путей эволюции системы, «идущих» из микроуровня, из зоны флуктуаций. В обществе тезаурус – основание свободы. В процессе конкретизации выясняется, что социальный тезаурус не может рассматриваться вне системы отбора, следовательно, свобода – структурный элемент самого механизма отбора. Но поскольку тезаурус возможностей непосредственно связан с субъектом, то свобода – уже предикат субъекта, т.е. фактор, определяющий сущность субъекта. Свобода исторична, как историчен субъект и его состояния, поскольку акт выбора исторически необратим и необратимо действие социального отбора. Детектор – это фактор, представляющий собой внутреннее взаимодействие элементов системы, это способ перехода к разным режимам эволюции, скажем, от режима быстрого роста, локализации процесса к режиму ослабления интенсивности процессов (LS- и HS -режимы) [14], это фактор согласования структур, которым присущи разные темпы, в единое целое.

Если перевести речь в плоскость эволюции общественного производства, то социальный отбор осуществляется на материале способов производства разных сфер и отраслей социальной жизни. Следовательно, тезаурус формируется из возможностей изменения этих способов производства. Детектор представляет собой сложное взаимодействие конкурирующих и кооперирующихся способов производства как внутри, так и вне сфер жизни, следствием чего является продукт. Однако детектор не сможет отобрать одну из множества возможностей производства искомого продукта, если не свяжется с селектором. Селектор – это фактор информационной природы, «перфокарта», с которой детектор «считывает» некий гештальт, руководящий принцип, образец, на основе которого отбирается та или иная возможность и реализуется в условиях данной среды. Важно подчеркнуть при этом, что для детектора важна не только форма селектора, например, удобство «считывания», но и ценность содержания, которая заключается в определении пути в направлении к максимальной устойчивости. «Неудачные выборы» элиминируются (устраняются) естественным отбором. «Удачные» (оставшиеся результаты) сохраняют значение в качестве некоего «принципа устойчивости», определяющего уровень «жесткости» перфокарты (генома). Так формируется «обратная связь», совершенствующая механизм отбора. Социальный селектор непосредственно связан с отбором удачных или неудачных способов производства (будем их называть «культурными геномами» [15]). Неудачные «культурные геномы» устраняются также как устраняются неудачные варианты биологических геномов через гибель их носителей – организмов. Удачные культурные геномы (вместе с их носителями – этносами и индивидами) сохраняются и служат «жесткой перфокартой», руководящим принципом, селектором для субъектов исторического процесса. Как соотносятся между собой геномы всех биологических видов и особей, так же примерно соотносятся и «культурные геномы» этносов и индивидов между собой. Селектор часто приобретает форму идеала, технологического образца, принципа действия, созданного на основе «удачных» способов производства в любой сфере деятельности.

Производство продукта (ресурса социальной системы) сопряжено как с хаотическим (случайным) соединением всегда конкретных предпосылок-возможностей, так и с «заданным заранее» спектром аттракторов (результатов). Грубо говоря, в производстве, как и в любой живой системе, процесс развития детерминирован и со стороны случайности (изменчивость), и со стороны необходимости (устойчивость). Скажем, уровень предпосылок, где происходят процессы распределения, обмена и потребления, характеризуется относительным хаосом, а уровень результата (собственно производство) – относительным порядком. Всегда случайный процесс соединения предпосылок, который представлен механизмом социального отбора, обусловлен, вместе с тем, границами

начальных условий, «заранее заданными функциями среды» [16], т.е. закономерностями взаимодействия (соединения) предпосылок и, в конечном счете, законами природы как поставщика естественных ресурсов, а также заранее заданным набором аттракторов – «жизненных ситуаций» [17]. В «поле» общественного производства всегда есть определенные «ямки»-аттракторы, куда «скатится» под воздействием той или иной бифуркации процесс производства конкретного продукта. Обществу характерно многократное чередование порядка и хаоса, как согласование процессов иерархизации и деиерархизации. Это находит свое выражение в понятии самоорганизованной критичности [18]. Процесс выхода системы на аттрактор связан с принципом подчинения. В общественном воспроизводстве подчинение означает, что существуют приоритеты воспроизводства того или иного продукта (хотя бы в смысле его количества и качества) в тех или иных условиях, особенно, в зависимости от «потребностей здесь и сейчас». Так, наши привычки суть проявление принципа подчинения. Привычка (детектор) проявляется как процесс бессознательного выбора такого «правила поведения» (селектор), которое приводит к часто повторяющейся ситуации (аттрактор). В привычках видна жесткая последовательность действий, их бессознательная иерархия, приоритетность. О приоритетах общественного производства петербургский социолог Л.М.Семашко пишет следующее: «Тетрасоциология различает два вида приоритетности сферных ресурсов: постоянную (субстанциональную, качественную) и временную (функциональную). Постоянная приоритетность определяется качеством или субстанцией ресурса, а временная — его переменной ролью на том или ином этапе функционирования, в той или иной жизненной ситуации. Виды приоритетности могут совпадать на каких-то этапах жизни общества и человека, а на каких-то не совпадать и порождать противоречия между ними. Какой же сферный ресурс является субстанционально приоритетным? Если мы сравним ресурсы между собой и зададим вопрос: равны ли они по своему значению, а значит, и по приоритетности, в жизни человека и общества, то вынуждены будем признать их неравенство, т. е. разную приоритетность. Среди них выделяется один ресурс, а именно люди (Л) — гуманитарный ресурс, который производит все ресурсы, в том числе себя, а другие ресурсы сами ничего не производят. Отсюда следует вывод: высшим субстанциональным приоритетом в жизни общества и человека обладают люди. Однако люди производят ресурсы не из себя, а с помощью всех ресурсов. Вторым по приоритетности является информационный ресурс (И), информация, носителем и производителем которой служит сознание человека. Третьим по приоритетности является организационный ресурс (О). Четвертыми по приоритетности являются вещи или материально-технические ресурсы (В). Без овеществления предыдущие ресурсы не имели бы самостоятельности, не выходили бы за пределы индивида» [19]. Сферные приоритеты есть результат действия принципа подчинения: не существует вечного трансцендентного закона, регулирующего с «железной необходимостью» порядок общественного производства. Такой порядок возникает как результат социального отбора. На первый взгляд может показаться, что выделение подобных иерархий из структуры общественного воспроизводства неправомерно. Действительно, нет никакой идеальной структуры, идеальной иерархии, нет идеальных ячеек, которые бы детерминировали потребление, производство, обмен и распределение ресурсов; не существует людей как таковых, вещей как таковых, информации как таковой, организации как таковой; все они – суть *функции* конкретных, исторически определенных людей, возможности их проявления. Но с другой стороны, все эти ресурсы качественно различны, поскольку несут совершенно разные, порой, прямо противоположные свойства. Следовательно, субстанциальные (качественные) отличия продуктов, их приоритеты, есть результат сделанного когда-то случайного выбора и *надолго* «запомненного». Воспроизводство качественных (субстанциальных) отличий основных ресурсов совершается на основе «долгоиграющей перфокарты». Это своеобразный «социальный геном», в котором закодированы фундаментальные значения, а именно, в какой последовательности воспроизводить

людей, идеи, организации и вещи, как в отдельности их производить, распределять, обменивать и потреблять и т.д. Наиболее адекватный путь познания механизма социального отбора, как сущности общественного воспроизводства (социальной самоорганизации) – это теория информации и синергетика. Не поняв сущности информации (идеального), вряд ли возможно осмыслить сущность социального. А само идеальное не понять без уяснения синергетической парадигмы [20].

Социальная *информация* – это реальность общественной жизни. Задача в том, чтобы уяснить, что она собой представляет. Изучение сущности информации (идеального) дает возможность формирования спектра привлекательных «жизненных ситуаций» и возможность избегать опасных, катастрофических аттракторов.

Литература и примечания

1. Синергетическая философия история / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского - Рязань: «Копи-Принт», 2009.
2. Бифуркация (от англ. fork – вилка) – развилка, разветвление путей; точка разветвления путей дальнейшей эволюции системы, управляется так называемыми *нелинейными* закономерностями.
3. Пригожин И. Философия нестабильности/ Вопросы философии. 1991. №6. С.48.
4. Неустойчивость и случайность учитываются лишь в конкретных их проявлениях, соответствующих определенным уровням сложности объекта. Здесь приложим философский принцип относительности всего конкретного (В.И.Свидерский).
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой.- М.: Прогресс, 1986. С.356. Там же. С.360-361.
6. Там же. С.360-361.
7. Казютинский В.В., Степин В.С. Междисциплинарный синтез и развитие современной научной картины мира/Вопросы философии. №4. 1988. С.31-42. С.35.
8. Так, придя в магазин, мы думаем, что выбираем платья, а на самом деле выбираем возможности нашей будущей жизни с избранным платьем.
9. Сущность – это область существования исследуемого объекта, которая не может считаться наблюдаемой (это гносеологический аспект определения), или та область существования объекта, которая определяется наиболее фундаментальными законами бытия.
10. См.: Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб.: Политехника, 2004. С. 24-26.
11. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. http://spkurdyumov.narod.ru/Chernavskiy/ch1.htm
12. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. С.56.
13. См.: Бранский В.П.. Теоретические основания социальной синергетики. Вопросы философии. №4. 2000. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума. - СПб.: Политехника, 2002.
14. О HS- и LS-режимах см.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. С.98-101.
15. Экстраполяция биологического термина в область социальной жизни служит лишь одним из объяснительных приемов действия селекторного механизма, не более того.
16. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. №2. С.111.
17. Аттракторы – не селекторы, не *образцовые* продукты общественного производства (сохраненные памятью поколений), а *ситуации*, возникающие в результате взаимодействия детектора и селектора, т.е. события общественного производства, имеющие *необратимый* характер.
18. Бак П., Чен К. Самоорганизованная критичность // В мире науки. 1991. №3, с.16-24.

19. См.: Семашко Л.М. и соавторы… Тетрасоциология: От социологического воображения через диалог к универсальным ценностям и гармонии. – Изд-во СПбГПУ, 2003. С.248-249.
20. См.: Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. Историческая динамика. Взгляд с позиций синергетики//Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 118-132: «Парадигма самоорганизации... В системах, находящихся вдали от положения равновесия, происходят процессы самоорганизации, приводящие к выделению из множества описывающих систему величин небольшого числа параметров порядка – ведущих переменных, к которым подстраиваются все прочие. Наибольшее внимание при построении этой парадигмы было уделено структурам – состояниям, возникающим в результате согласованного поведения большого числа частиц».

Возможности образовательных информационно-коммуникационных технологий в обучении студентов факультета ВиЗО дисциплинам гуманитарного цикла*

И.О. Ломова

Аннотация В статье рассматривается применение ИКТ в обучении студентов факультета ВиЗО. Автором делается вывод, что использование средств ИКТ позволяет факультету ВиЗО существенно повысить современную подготовку специалистов и сформировать их профессиональную компетенцию.

В современном вечернем и заочном обучении имеется тенденция к преобладанию студентов не работающих по специальности, или только начинающих трудовую деятельность. В связи с этим формирование профессиональной компетенции – задача вуза. Хотя нельзя не отметить, что студенты ВиЗО более мотивированы на получение качественного обучения, чем студенты дневного отделения, однако нехватка практических занятий и лояльность к посещению лекций делает это затруднительным. Поэтому, преподавателю как непосредственному участнику процесса образования необходимо по максимуму помочь студентам в освоении дисциплины и привлечь для этого все возможности интеллектуально-технических и дистанционных средств обучения. Причем не столько для контроля и оценки знаний, сколько для лучшего освоения материала. Отметим, что интеграция компьютерных и телекоммуникационных технологий не должна в этом случае привести к переходу на дистанционное образование, что чаще всего приводит к дистанцированию от образования, а рассматриваться как симбиоз с традиционной формой обучения, причем последняя должна превалировать.

При вечерней форме обучения, с существенно меньшим объемом лекционных и семинарских часов по гуманитарным дисциплин, можно компенсировать недостаток часов для практического освоения материала счет индивидуальных домашних заданий и заданий самоконтроля в электронном виде, которые студенты выполняют дома и отправляют преподавателю по электронной почте. К тому же, в соответствии с Федеральными законами №232-ФЗ и №309-ФЗ, и для выполнения решений Ученого совета университета от 27.05.08 и от 30.12.08 в университете должна проводится работа по разработке новых основных образовательных программ, в которые входят и стандарты ИКТ, реализующие требования федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) и обеспечивающих переход СПбГУ ИТМО с 1.09.2010 года на уровневое высшее профессиональное образование [1].

Проведенный опрос студентов 1-го курса факультета ВиЗО (группа 1890) показал, что 92% студентов хотели бы получать дополнительные материалы для обучения по курсу «Основы логической культуры» и выполнить задания самоконтроля в электронном виде. Опрос показал заинтересованность студентов в увеличении доли использования

инновационных технологий в обучении. Это позволило бы сократить время подготовки к экзамену или зачету за счет проверки знаний по готовым комплектам тестов или других заданий. Для такого варианта работы наиболее приемлемой является кейс-технология доставки материала в виде пакета с полным комплектом учебных материалов по каждой дисциплине. При этом используются как обычные учебные пособия, так и их электронные версии на различных носителях, а также виртуальные лаборатории или анимационные тренажеры. Компьютерные кейс-технологии - это комплектование специального набора учебно-методических материалов в соответствии с государственным стандартом специальности.

Однако в настоящее время в ИТМО кейс-технологии применяются только в дневном обучении и с ограниченным выбором заданий, одинаковым для всех. Студентам вечернего и заочных отделений необходимо предоставить тот же выбор учебных материалов, вопросов, учебной и дополнительной литературы. Преподавателю нужно разработать такую технологию обучения с учетом специфики предмета и особенностей контингента и определить ее эффективность на основе наблюдений, бесед со студентами.

Предоставление выбора современных методов обучения для студентов ВиЗО полезно, потому что способствует формированию профессиональной готовности, овладению системой знаний и умений и творческого их использования в профессиональной деятельности и самообразовании, формирует познавательный интерес к процессу обучения вообще и дисциплине в частности. К тому же позволяет при необходимости вернутся темам курса на протяжении всего учебного года. Все это, возможно, осуществить на практике с помощью кейс-технологий. На рисунке 1 представлен пример анимационного тренажера с помощью которого студент может составить логическую схему путем выбора нужного блока.

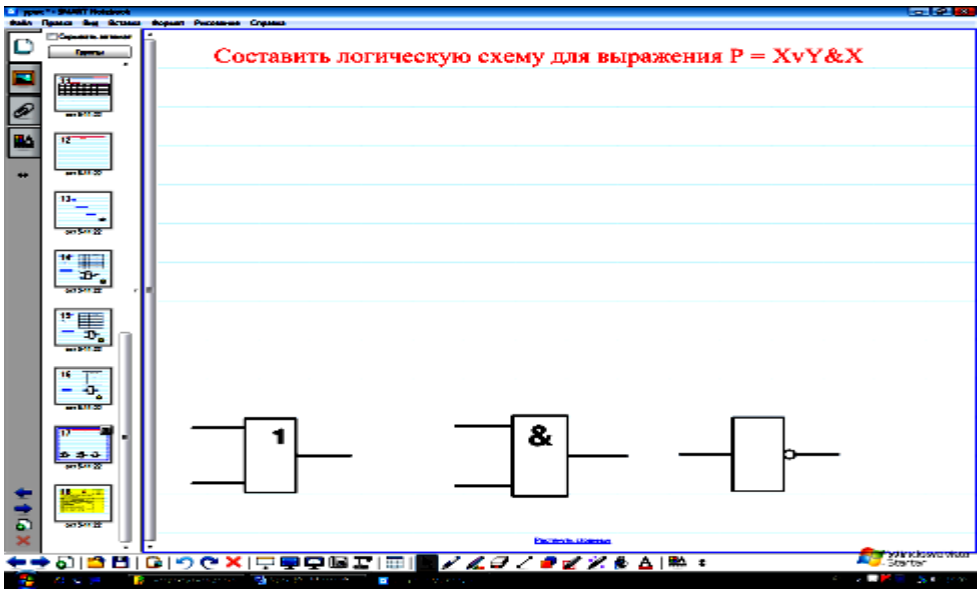

Рис. 1. Пример анимационного тренажера по теме «Сложные суждения».

Выполнение таких заданий дает возможность студенту дистанционно проверить и усовершенствовать свои знания, что особенно ценно в условиях нехватки времени на очное обучение студентов факультета ВиЗО.

Другой действенный метод обучения, который бы позволил увеличить эффективность восприятия лекционного материала – интеллект-карты (Mind-Maps). Это

методически оправданный подход для структурирования информации в визуальной форме с целью активного ее восприятия, эффективного запоминания и воспроизведения. Методика построения интеллект-карт была описана английским психологом Тони Бьюзеном и, начиная с середины семидесятых годов, этот способ объяснения и описания интеллектуальных задач становится все более и более популярным среди учащихся, преподавателей и научных работников [2]. Это новый способ структурирования информации, но не виде линейной схемы или классификационной таблицы, а виде «дерева» наполненного визуальными образами. В центре листа ставится тема задачи (вопрос к экзамену, тема лекции) от которой рисуются ветви «ключевых идей». В интеллект-карте нужно использовать рисунки и различные цвета для линий, так, по мнению Т. Бьюзена и его последователей мы воспринимаем визуальную информацию гораздо быстрее и проще. Интеллект-карты можно рисовать как вручную, так и с помощью компьютерных программ, самой популярной из которых является программа MindManager. В настоящее время множество образовательных центров проводят обучение преподавателей этому методу в рамках повышения квалификации. Интеллек-карты можно рассматривать не только как инструмент структурирования и запоминания учебного материала, но и как технологию развития логического мышления. Ниже представлена примерная структура интеллект-карты.

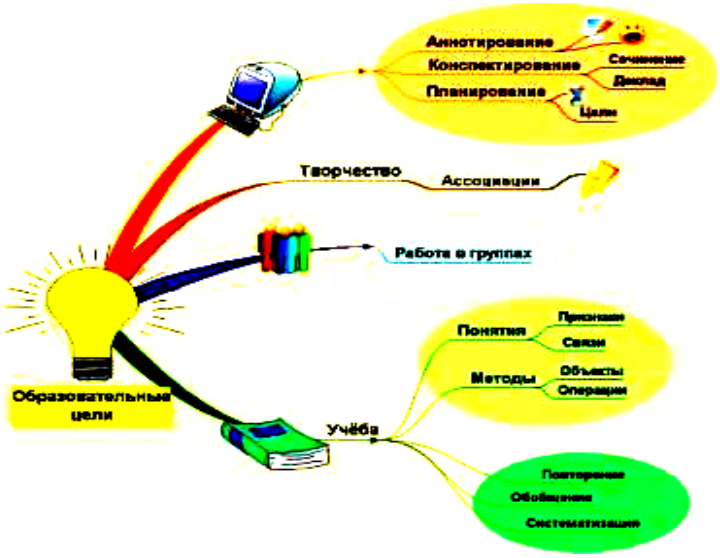

Рис. 2. Типовая схема интеллект-карты.

Такие типовые интеллект-карты могут применятся для написания сложных текстов, структура которых с самого начала неочевидна. Если такую карту создать в качестве краткого конспекта курса лекций, то сам процесс написания потом занимает гораздо меньше времени, так как становится понятно, что в итоге должно получиться. Преподаватель может составить интеллект-карту по каждой теме занятия и раздать студентам в качестве вспомогательного материала. Студенту в качестве рубежного контроля может быть дано задание самостоятельно составить интеллект-карту, например на тему по отечественной истории или по проблеме человека в философии. Во-первых, такое задание исключает возможность плагиата, во-вторых, содержит творческий компонент, в-третьих, активизирует логическое мышление.

Систематическое употребление различных ИКТ-технологий на занятиях приводит к целому ряду положительных результатов, таких как: повышение использования уровня наглядности, повышение производительности, установление межпредметных связей между дисциплинами, появляется возможность организации проектной деятельности студентов по созданию учебных программ под руководством преподавателя. Поскольку средства ИКТ становятся необходимой частью учебного процесса, так же как учебник или

лекция, то в скором времени их перестанут выделять в особую группу средств обучения. Для безболезненной адаптации студента и преподавателя в этом процессе необходимо начать активное внедрение «нестандартных» средств обучения таких, как: кейс-технологии, интеллект-карты, блоги, мультимедиа и веб-технологии.

Литература

1. Информационные материалы по выполнению инновационной образовательной программы [Электронный ресурс] . – СПб. – Режим доступа: http://npe.ifmo.ru/stat/23/polojenie.htm.
2. Бьюзен Т. Супермышление [Электронный ресурс]. http://najdi-sebja.ru/toni-byuzen.

Критика компьютерной педагогики (коммуникативный аспект)*

А.С. Милославов

В настоящее время применение информационных компьютерных технологий в учебном процессе стало повседневной практикой для многих образовательных учреждений. Такая ситуация нашла свое отражение в формировании нового термина «e-learning», в семантическое поле которого включают современные источники информации, прежде всего, Internet, обучающие виртуальные среды и другие разнообразные программные продукты, которые так или иначе, оказываются задействованными в процессе получения учащимся новых знаний.

Однако, не смотря на относительные успехи, достигнутые в сфере внедрения современных информационных технологий на различных уровнях системы образования, нередко встречается и серьезное сопротивление со стороны участников образовательного процесса включению в него вычислительных машин, снабженных соответствующими программными продуктами.

Объясняя причины этого сопротивления, сторонники активного внедрения систем «e-learnig» часто приводят достаточно «лукавое» утверждение, которое сводится к тому, что преподаватели часто оказываются неготовыми к успешному и эффективному применению современных технологий в учебном процессе, они не имеют полного представления о возможностях компьютерной техники, не владеют достаточными навыками работы с программным обеспечением, им сложно и непривычно осваивать новые формы и методы работы.

Возможно, такое объяснение можно было бы считать частично справедливым, если рассматривать его применительно к отечественному образованию. Действительно слабая техническая оснащенность многих отечественных учебных заведений, преклонный возраст значительного числа преподавателей, и, как следствие, невозможность, а иногда и нежелание осваивать новые технологии и включать их в образовательный процесс могут служить в некоторых случаях причиной рассматриваемой тенденции. Но можно ли считать такое объяснение достаточным?

Одним из аргументов, который наводит на мысль о недостаточности, приведенного объяснения, является то обстоятельство, что негативное отношение к интенсивному использованию компьютеров в образовании встречается не только в нашей, российской образовательной среде. Даже в наиболее развитых в информационном и технологическом отношении странах нередко появляются публикации, авторы которых предостерегают педагогическое сообщество от слишком сильного увлечения информационными технологиями в сфере образования. (По этому поводу, например, см.: [1], [2])

Представляется, что одной из причин существенных причин негативного отношения к внедрению современных информационных технологий в учебный процесс является трансформация традиционных педагогических коммуникативных практик. Действительно, образовательная деятельность, как и всякая другая деятельность, характеризуется с тремя составляющими: целью, и средствами, благодаря которым осуществляется достижение целей и результатом деятельности. И, если информационные технологии являются нейтральными относительно целей образовательной деятельности,

то средства достижения целей под влиянием компьютерных технологий трансформируются весьма существенно. Иначе говоря, внедрение новых технологий в образовательную деятельность затрагивает в первую очередь на коммуникативные процессы.

Существовавшее с древнейших времен отношение «преподаватель – учащийся» под воздействием развития современных информационных технологий преобразуется в более сложную конструкцию «преподаватель – система компьютерного обучения – учащийся». Появление «посредника» между обучаемым и обучающим несомненно изменяет не только средства общения преподавателя и ученика, но затрагивает как формальный, так и содержательные моменты процесса приобретения знаний. Дело в том, что технология представления и передачи информации отнюдь не безразлична как к форме, так и к содержанию коммуникации. Так, например, замена традиционного устного экзамена компьютерным тестированием нередко ориентирует ученика на запоминание отдельных сведений, находящих отражение в тестовых вопросах вместо стремления к системному пониманию проблем изучаемого курса. Указанная интенция ученика, в свою очередь, может наложить отпечаток и на деятельность преподавателя, как второго участника образовательного процесса.

Кроме того, следует заметить, что внедрение новых технических средств в сфере образования является причиной трансформации в организации образовательного процесса и институтов его осуществляющих. Но изменения в этих составляющих сферы образования, в свою очередь, также оказывают влияние на коммуникативные процессы. В качестве подтверждающего примера к сказанному укажем две взаимосвязанных тенденции, которые можно наблюдать сегодня в сфере создания средств «электронного обучения». Во-первых, осуществляется унификация компьютерных образовательных сред без учета содержательной специфики дисциплин и их места и функций в системе образования. (Данное обстоятельство естественным образом обусловлено экономической целесообразностью при производстве любого программного продукта, рассчитанного на массового пользователя). Во-вторых, создание компьютерных образовательных ресурсов часто отдается на откуп представителям индустрии информационных технологий, которые в силу своей профессиональной деятельности не всегда учитывают специфику коммуникативных практик, педагогических приемов и методов, характерных для других областей знания. «В результате, - справедливо отмечает В.А. Кутырев - образованию предлагается быть «калькой» с computer science (компьютерной науки)». [3., С.67]

Существенным является то, что содержание учебной дисциплины, а также ее цели и задачи в значительной мере должны были бы определять как предпочтительные принципы организации учебного процесса, так формы оптимальной коммуникации между преподавателем и учащимся. Но это не всегда учитывается при проектировании и разработке систем дистанционного обучения.

Заметим, что применение современных информационных технологий учебном процессе в настоящее время является объектом пристального внимания о стороны представителей различных областей знания. Различным аспектам проблемы (от психологических до сугубо технических) посвящены многочисленные монографии, журнальные публикации. Имеются международные научные организации, чья деятельность связана с изучением популяризацией идей компьютерного обучения в Интернет, развитию и исследованию систем «e-learning», например, Международный форум «Образовательные технологии и общество» (см.:[4]). Специалистами в области информационных технологий активно разрабатываются системы «искусственных интеллектуальных тьюторов» («auto tutor») [5]. Однако, подавляющее большинство опубликованных работ носит частный или сугубо технический характер. До сих пор не проводился серьезный философский анализ процессов коммуникации в образовании, изменяющихся под воздействием внедрения в образовательную практику систем «e-leaning».

В настоящей статье обсуждается ряд вопросов относительно того, к каким изменениям коммуникативных процессов приводит внедрение информационных технологий в образовании. Поскольку сфера образования имеет различные уровни, предполагающие различие в целях, средствах и методах обучения, автор статьи ограничивает обсуждаемые вопросы, уровнем своей профессиональной компетенции, а именно: высшим профессиональным образованием. Хотя, можно допустить, некоторые затрагиваемые проблемы, являются актуальными и для школьного обучения. Наконец, слово «критика» в названии работы не подразумевает негативного отношения автора к системам «e-leaning» вообще, но предполагает, что речь в статье пойдет о возможностях и границах применения современных информационных технологий для реализации коммуникативных процессов, осуществляемых в сфере образования.

Основной целью высшего профессионального образования является приобщение учащегося к науке, а также к тем сведениям, которые нужны специалисту в его профессиональной деятельности. Связи с этим, в качестве отправной точки для дальнейшего анализа проблемы, примем самое общее определение науки, как деятельности, направленной на получение знаний об объективной и субъективной реальности.

Исходя из этого определения, рассмотрим теперь вопрос о том, какие сведения должны передаваться в процессе образовательных коммуникативных практик.

Во-первых, в процессе коммуникации осуществляется трансляция знаний, относящихся изучаемой предметной области. Здесь присутствуют научные теории, гипотезы, сведения библиографического характера. Информация этого рода может быть представлена как устной речью, так и в форме текста, записанном на каком-либо языке. При этом нет существенной разницы, в каком виде существует текст: на страницах книги или на экране монитора.

Но стоит обратить внимание на то, что в текстовой форме традиционно в учебной литературе представляется лишь та информация, которую считают истинной для данной области знаний. Даже если в учебной литературе излагается содержание какой-либо современной научной гипотезы, такая информация носит характер уже полученного, завершенного результата, принятого и утвержденного авторитетом научного сообщества. Обратим внимание на то, что текст учебника почти никогда не содержит таких речевых оборотов как «возможно, что данное явление имеет следующее объяснение», «мне кажется, что данная утверждение неправильно, потому что…», «я сомневаюсь, в том что…» и т.п. Даже ссылка на «точку зрения автора(ов)» в учебном тексте встречается крайне редко. В учебных пособиях не принято критиковать труды своих коллег, авторитетных ученых и специалистов. Таким образом, текст учебника, записанный на бумаге или представленный на каком-либо цифровом носителе, представляет совокупность знаний о предметной области как закрытую завершенную систему.

В практике традиционного образования данная иллюзия завершенности научного знания может быть преодолена в ходе устного общения преподавателя и учащегося. Выступая перед аудиторией на семинарском занятии или на лекции, преподаватель имеет возможность высказать сомнение в чем-либо (в общепринятой теории, в работе авторитетного ученого и т.п.). В ходе семинара имеется возможность предложить учащимся для обсуждения в качестве «рабочей гипотезы» сведения недостоверные, плохо проверенные, какую-либо информацию «провокационного характера». Наконец, в случае устного общения гораздо чаще прибегают к речевым оборотам, в которых отражается точка зрения говорящего. Таким образом, может быть сформировано представление о научном знании как об развивающейся, трансформирующейся или, если угодно, открытой, системе, которая содержит в себе наряду с достоверными элементами, присутствуют гипотезы, догадки, сомнительные утверждения, критические замечания, в общем, такие элементы информации, которые обычно стараются не приводить в текстах учебников и учебных пособий.

В связи со сказанным выше нельзя признать правильной точку зрения Майка Сэндбота (Mike Sandbothe) представленную в работе [6], где указываются, так называемые, «предпосылки самопонимания традиционного образования». Среди прочего мы читаем: «учителя облекаются авторитетом администраторов знания с всеобщей компетенцией. Они играют роль живых энциклопедистов»[6., С. 53-54]. И далее: «Знание понимается как хранилище установленных фактов, состоящих в иерархически приспособленном контексте порядка и представленном парадигмально институтом библиотечной системы каталога» [там же]. Далее М. Сэндбот отмечает, что в связи с внедрением информационных технологий, и, прежде всего, Интернета, в образовательный процесс должен произойти пересмотр указанных предпосылок «самопонимания». Данное положение обосновывается тем, что Интернет является открытой системой, построенной по принципу «гипертекста», в связи с чем, учащийся может получать новые знания, путешествуя по информационному пространству сети, пользуясь гиперссылками и знакомясь с различными альтернативными концепциями, теориями, гипотезами и прочими элементами научного знания. Информация в Интернете не имеет той иерархической структуры, которая присуща традиционным учебным текстам и программам учебных дисциплин.

С последним утверждением, конечно, трудно не согласиться. Но означает ли это, что возможность знакомиться с альтернативными источниками информации, предоставляемая Интернетом, привносит что-то принципиально новое в учебный процесс?

Что касается формирования представления о науке, как открытой системе, то как было показано выше оно может быть сформировано в рамках традиционного обучения, благодаря применению устной коммуникации. Таким же путем осуществляется отказ от статуса преподавателя как «живого энциклопедиста» и «администратора знания с всеобщей компетенцией».

Что же касается открытости системы «Интернет – пользователь» (а информационное взаимодействие справедливо рассматривать как реализующееся в системе), то это свойство сети существует для пользователя лишь потенциально. Действительно, конкретный человек за конечный промежуток времени может ознакомиться лишь с ограниченным объемом информации. В свою очередь гиперссылки, присутствующие в документах, нередко указывают лишь на материалы концептуально близкие к тому документу, с которым знакомиться пользователь в настоящее время. Таким образом, сама возможность перехода от одного документа к другому и относительно легкая возможность доступа к разнообразной информации еще не являются гарантией того, что учащийся познакомится с альтернативными концепциями, теориями, гипотезами.

Итак, устное общение в гораздо большей степени позволяет сформировать у учащегося представление о научном знании как открытой системе. Указанное достоинство данной формы общения отмечают и авторы работы «Роль различных средств общения в проектировании обучающих сред». В частности они пишут: «Непосредственное общение включает в себя множество видов взаимодействия между говорящими и слушателями. Из-за такого взаимодействия высокого диапазона непосредственное общение очень хорошо для сложных и неоднозначных сообщений - даже таких сообщений, в которых говорящий не уверен. Согласованность содержания достигается через взаимодействие между оратором и слушателями, например, вопросы, заинтересованные взгляды, аргументы и т.п.» [7., P.148].

Следует отметить, что цитируемая работа является одним из немногих научных трудов, в которых осуществляется системный сравнительный анализ различных средств коммуникации, применяемых в процессе обучения.

А. Коллинз, П. Невилль, и К. Билячик точно и правильно, на наш взгляд, определяют проблему проектирования средств обучения: «Будучи разработчиками обучающих сред, мы должны серьезно обдумать распространение данного средства. Что же определяет, осуществлять ли общение через электронную почту, посредством мультимедийного

представления, на бумаге, либо в устной форме? Как средство становится доступно нам? Каждое из новых средств имеет свои допустимости и ограничения. Один из принципов создания нами обучающих сред - это «Использовать лучшее, что может дать каждое средство» [7., P.148]. Допустимость применения того или иного средства общения, по мнению этих авторов должна учитывать не только виды информации, но и способы представления содержания, а также тот эффект, который производится на аудиторию.

Далее выделяются четыре основных группы параметров, относительно которых проводится сравнительный анализ средств передачи обучающей информации. К этим группам относятся: 1) параметры передачи; 2) параметры записи: 3) параметры производства и 4) социальные параметры.

Каждая группа может включать в себя различное количество сравнительных характеристик (параметров). Так, например, группа «передачи информации» состоит из семи параметров: диапазон, взаимодействие, число получателей, согласованность содержания, контроль, синхронность, расположение. В свою очередь, социальные параметры сведены к четырем: вовлечение/эмоциональная дистанция, видимость автора, доверительность, изоляция/общность.

Далее в тексте указанной работы различные средства обучения (устная речь, видео-материалы, тексты, компьютерные программы и т.д.) сравниваются относительно сформулированных характеристик.

Как было отмечено ранее, А. Коллинз со своими коллегами достаточно подробно и аккуратно сравнивают различные «средства общения», которые могут быть задействованы в учебном процессе. Вывод, к которому они приходят в результате своего исследования состоит в том, что применение информационных технологий в образовании должно предполагать создание так называемых обучающих сред, которые включают в себя медийные элементы, обучающие программы, разнообразные Интернет-ресурсы.

Но, к сожалению, данное исследование обладает, на наш взгляд, одним существенным недостатком. Ее авторы почти не уделяют внимания механизму «обратной связи» как необходимой составляющей образовательного процесса. Иначе говоря, остаются без внимания такие процессы коммуникации, которые осуществляют трансляцию информации от обучаемого к преподавателю. Предполагается ли, что контроль над освоением знаний должен происходить в традиционной форме устного или письменного опроса или же для этого следует прибегать компьютерным формам тестирования? На этот вопрос авторы статьи ответа не дают.

Однако, ответ на указанный вопрос представляется крайне важным по следующей причине. Хорошо известно, что продуктом научной деятельности являются не только знания о какой-либо предметной области. В результате как научной, так и инженерной работы появляются новые методы исследования и конструирования, приборы. Наука, как социальный институт формирует свой язык, который хотя и оформляется на базе естественного языка, но все-таки имеет свои, отличные от естественно-языковых нормы. Наконец, результатом развития науки явился особый тип рациональности, который транслируется в настоящее время во многие сферы жизни, в том числе, и в инженерно-практическую деятельность. Элементом данного типа рациональности являются, например, нормы, предъявляемые к научной аргументации, принципы исследования научных проблем и т.д.

Все перечисленное также в большей или меньшей степени транслируется в ходе образовательных коммуникативных практик. При этом, в контексте обсуждаемых здесь вопросов, обращают на себя два обстоятельства.

Во-первых, не все «продукты» развития науки передаются от преподавателя к студенту явно, в виде правил, зафиксированных в текстовой форме, но осваиваются учащимися в ходе общения с преподавателем, например, на основе подражания личному примеру. И дело здесь даже не в том, что преподаватель что-то желает «утаить» от своих учеников. Просто в интеллектуальном багаже любого специалиста присутствую не всегда

хорошо осознаваемые приемы и правила, которые он эффективно применяет в ходе решения проблем. Наличие «неявного знания» - факт, хорошо знакомый в компьютерных науках. Действительно, одной из серьезных проблем, при создании «экспертных систем» является проблема извлечения такого знания из интеллектуального багажа человека-эксперта в некоторой области. Более подробно об этом аспекте научно-практической деятельности, а также о возможностях и проблемах освоения «экспертного опыта» с применением компьютерных технологий, читатель может ознакомиться по работе [8].

Представляется очевидным, что и процессы освоения учащимся методов решения задач, норм и правил научно-практической работы проверяются преподавателем опосредованно, через прочтение текстов письменных работ, путем наблюдения за выступлением студента. на семинарском занятии и т.п. Все это соотносится с личным опытом преподавателя и получает соответствующую оценку.

Но, например, то, насколько студент овладел культурой научной дискуссии невозможно проверить путем тестирования, сколько бы тестовых вопросов не было предложено учащемуся. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении компьютерные программы не могут в достаточной для решения этой задачи степени понимать естественный язык.

Вторая причина, в связи с которой можно говорить о проблематичности применения информационных технологий при реализации механизма «обратной связи» в учебном процессе состоит в том, что наиболее распространенным приемом проверки знаний учащегося в системах «e-learning» в настоящее время является тестирование. Проверка знаний учащихся на основе тестовых вопросов, конечно, имеет право на существование. Но при этом надо помнить, что вопрос, обращенный к учащемуся и сформулированный в виде теста, является языковой структурой с «жестко ограниченной семантикой», как и большая часть учебных текстов. В свою очередь, любая научная или творческая инженерно-практическая работа в большей или меньшей степени – это порождение новых (конструирование) текстов. Заметим, что термин «текст» здесь стоит понимать достаточно широко, включая компьютерные программы, технические схемы, вывод математических формул. И, новаторское решение какой-либо научной или инженерной проблемы с такой точки зрения может пониматься как трансформация смыслового поля традиционных синтаксических и/или семантических конструкций, существующих в некоторой области знаний.

В свою очередь освоить навык порождения новых текстов, в можно только осуществляя данную интеллектуальную и языковую деятельность. Точно также, освоить какой-либо язык можно, только пытаясь разговаривать на этом языке. Очевидно, что традиционные формы проверки знаний – устный ответ студента, создание письменного текста – способствуют приобретению рассмотренного навыка в гораздо большей степени, чем ответы на вопросы тестовых заданий. К тому же, следует помнить и о том, что учащиеся чаще всего обладают своеобразной «интенсиональностью», направленностью сознания на такое освоение материала, которое соответствует формам контроля знаний.

Наконец, обратим внимание на еще одну проблему, связанную с широким внедрением компьютерных технологий в сфере образования. Ратуя за повсеместное внедрение современных информационных инструментов, необходимо помнить о том, что наука и инженерная практика являются социальными институтами, которые предполагают и процессы межличностной коммуникации между субъектами деятельности. Освоение навыков такой коммуникации, включение человека в сферу межличностного общения ученых также осуществляется в процессе образования. Однако, как отмечается в некоторых работах (см. напр.:[9]), широкое внедрение информационных технологий в образовании может способствовать возникновению «отчуждения» между субъектами образовательного процесса, и, следовательно, между субъектами научной и инженерно-технической коммуникации.

Подведем некоторый итог сказанного выше. Хотя современные информационные технологии стали в настоящее время неотъемлемой составляющей учебного процесса, их дальнейшая экспансия компьютерных наук в сферу образования может привести к существенным трансформациям традиционных для этой сферы коммуникативных практик. Особое опасение в связи с этим вызывает тот факт, что многие аспекты образовательной коммуникации, реализующиеся в традиционной образовательной деятельности и исчезающие под воздействием внедрения компьютерных технологий, являются существенными для дальнейшей работы ученого или инженера. В связи с данным обстоятельством применение компьютерных технологий в учебном процессе можно рассматривать лишь как вспомогательное средство осуществления образовательной деятельности.

Литература

1. http://www.theatlantic.com/past/docs/issues/97jul/computer.htm
2. http://www.computerra.ru/focus/320094/
3. Кутырев В.А. Образование или программирование? // Философия образования № 2 (27) 2009 С.64 – 70
4. http://ifets.ieee.org/russian/
5. Person N.K., Graesser A.G. ,Kreuz R.J, Pomeroy V., and ets.,Simulating Human Tutor Dialog Moves in AutoTutor // International Journal of Artificial Intelligence in Education (2001), 12, p. 23-39.(Русский перевод этой статьи см [4])
6. Sandbothe M. Media Philosophy and Media Education in the Age of the Internet // Journal of Philosophy of Education, 2000. Vol.34, No.1., P. 53-69.
7. Kollins A., Neville P., Bielaczyc K. The Role of Different Media in Designing Learning Environments // International Journal of Artificial Intelligence in Education (2000), 11, 144-162 (Русский перевод этой статьи см [4])
8. Ларичев О.И., Нарыжный Е.В. Компьютерное обучение процедурным знаниям // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук / отв. Ред. Б.М. Величковский, В.Д Соловьев. М.: Наука, 2008. С. 235-251.
9. Тимченко Л.Л. Проблема отчуждения в российском образовании // Философия образования №1 (26) 2009. С. 19-26

Феноменология Э.Гуссерля в контексте проблемы идеального

С.И. Николаева

Одна из концепций идеального, артикулированная российским (тогда еще советским философом М.Лифшицом (1905-1983), проявляет удивительное сходство методологических подходов с феноменологическим проектом немецкого мыслителя Э.Гуссерля. М. Лифшиц ставит проблему «идеальной выразительной способности отдельных, редко встречающихся человеку совершенных предметов»[1., С. 242]. Эти объекты приобретают статус эталонных объектов, объектов, которые могут стать руководством к действию человека. В реальности Лифшиц выделяет ряды таких предметов, которые выстроены по принципу увеличения какого-либо качества, в них крайние в ряду последовательности предметы обладают большей степенью совершенства, чем иные. К примеру, кристаллы, в одном ряду могут иметь большую степень совершенства, быть без примесей, а также обладать природной огранкой среди других с менее совершенными указанными качествами. Еще один пример: объекты, расположенные в порядке возрастания твердости, на крайнем конце которой стоит алмаз. Такая последовательность дает руководство к действию, как использовать для резки одних материалов другие. Среди природных веществ имеются вещества, которые обладают совершенным одним качеством, выделяемым посредством органов чувств. Это совершенство не относится к совершенству предмета как целого. В контексте данного

вида идеального мы имеем не реальность общего. Общее – это образ в сознании, отличающийся от предмета, но не чувственно конкретная данность. В аналогичном ключе рассуждал и Гуссерль, когда говорил, что сомневается в том, что отдельные чувственные свойства существуют сами по себе.

Здесь налицо преемственность с феноменологическим подходом Гуссерля: стремлением Гуссерля найти эйдетические сущности, абсолютно чистые понятия. Лифшиц интерпретирует существование эталонных предметов как реальность чуственно-сверхчувстенного в предметах, в результате чего в них выделяется совершенная часть. Здесь большое место приобретает чувственная данность совершенного, но только одного качества предмета, который мы выделяем чувственным образом, но не реальность общего. Для Гуссерля важно было «усмотрение» сущности в предмете, но не совпадение предмета с чистой сущностью. «Дело феноменологии в показательном виде предъявлять взору чистые события сознания, доводить их до полной ясности, упражняться в их анализе, постижении их сущности пределах такой ясности, преследовать доступные ясному усмотрению сущностные взаимосвязи, то, что было усмотрено выражать в точных понятийных выражениях, смысл которого предписывается исключительно узренным, то есть тем, что вообще ясно усмотрено»[2., С.140]. Когда мы говорим о реальности существования идеального, то оно реально существует как образах, но не как реальная вещь, с этим согласен и Гуссерль.

Интересно замечание К.Н.Любутина и Д.В.Пивоварова, крупнейших исследователей концепций идеального. Они пишут о материальной копии в связи с совершенными предметами Лифшица. Они сравнивают совершенную часть предмета с демокритовскими эйдосами, которые представляли из себя материальные копии предметов, обладающие совершенными свойствами предметов, которые помещаются при познании предмета в голову человека. «..материальной копией исследуемого предмета (предметной области) выступает ее особая, совершенная часть, обладающая способностью объективной потенциальной репрезентативности по отношению к субъекту»[1., С.241]. Замечание Любутина и Пивоварова о связи концепции идеального с теорией Демокрита вполне эвристично. Тем не менее, вряд ли эти копии или репрезентанты являются материальными, Они, конечно же, идеальны, хотя и редуцируются из чувственных источников, предметов, которые явлены в чувственном виде. Сущности в концепции идеального Лифшица и сущности концепции Э.Гуссерля перекликаются в своих интенциях, хотя при содержательной общности имеет место терминологические отличия. Тем не менее, вопрос не в кодировке, определяющейся терминологией. В основе различных моделей рассмотрения находится родственный смысл, лежащий за пределами частной терминологической специфики языка.

Источником взглядов на идеальное другого российского автора, Э.В. Ильенкова, (1924-1979) послужили взгляды Гегеля и Маркса, которые также продолжают затронутую тему о чистоте сущности, В данном случае сущность циклически воспроизводится как процесс. Гегель пишет в «Науке Логики»: «…идеальность есть отрицание реального, но притом такое, что последнее в то же время сохраняется»(Цит. по [1. С.232]. Гегель, разрабатывая понятие идеального использовал два термина: отличающихся по содержательности Ideale и Ideele. Концепция Лифшица совпадает с концепцией Гегеля в смысле сущности как Ideale, чувственно зримой сущности, тогда как концепция Ильенкова затрагивает второй смысл идеального, Ideele.

Гегель пишет: «Ideale имеет более определенное значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideele»[3., С. 215]. Для Гегеля Ideale как прекрасное имеет значение чувственной явленности сущности совершенного предмета искусства. Оно может быть выражено в чувственной форме идеалами, которые проявляются в определенном субстрате. В этом случае идеал становится чувственно конкретен.

Гегелевское представление о чувственной проявленности идеального может быть экстраполировано на чувственную явленность реализованных жизненный целей в виде

поступков человека. В таком случае также имеет место осуществление чувственной явленности идеального. Но у Гегеля проявленность бытия вовне в виде поступка называется другим термином Ideele. Всё, что касается действия уже не является простым усмотрением сущности. В человеческом поступке проявляется логическая невыразимость. Здесь происходит как бы проявление в одном ряду бытия человека и бытия вовне человека. Две реальности человеческая и природная объединяются в единое целое, получившие название "снятое", не зависящее от субъекта и субъективности, а определяемое только эпохой, длительным образом сохраняющим неизменность характера их взаимодействия. М. Мамардашвили в своей книге «Классический и неклассический идеал рациональности» писал в связи с особенностью современного типа мышления: ««…такой ученый, как фон Нейман, в своей попытке объяснить, откуда появляются вероятностные значения и неопределенности в физической теории, связывал появление этих вероятностных значений и неопределенностей с тем фактом, что теория (физическая теория) имеет дело с явлениями, которые начинаются в цепи природы, а кончаются в совершенно неясном для нас завершающем ее звене, будучи зарегистрированы нашими аппаратами отражения и осознанием нами этих состояний» [4., С.4].

Особенность восприятия человека современной эпохи состоит в восприятии «неметричности» этого мира. Это характерно для современного неклассического типа рациональности: субъект пытается в образах сознания отразить по-своему строгие законы, которые не то, чтобы не разумны, но скорее подвергаются изучению со стороны образа действия, чем со стороны образа предмета.

Поэтому более характерный для неклассического этапа рациональности именно второй вид идеального – это Ideale, котором происходит взаимодействие с реальным, причем реальное не исчезает, а снимается с сохранением. Человек, взаимодействуя с реальными объектами мира, осуществляет постижение этого не-метрического внешнего бытия и постигает его через способы освоения внешнего мира, постигая в снятом виде это реальное. Противоположностью категории идеальное в таком случае становится не материальное, а реальное бытие, с которым еще не произошло взаимодействие.

Рассмотрим, как подходит к идеальному Э.В.Ильенков. Ильенков вообще рассматривает идеальное по максимально близкой программе к Гегелю. Он не отрывает идеальное как способ освоения человеком не-метрического мира с процессом взаимодействия с этим миром. Он придерживается гегелевской программы: «Голый результат есть труп» Для Ильенкова важна подвижность процесса взаимодействия с миром, в котором и проявляется сам феномен идеального. Для Ильенкова важно, чтобы этот процесс вечно возобновлялся, тогда будет существовать и идеальное. В случае затухания процесса снятия, как бы затухает и само идеальное. Читаем в Философской Энциклопедии 1962 года издания в статье Идеальное: «Форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда, «снимается» в субъективной форме предметной деятельности, последняя же предметно фиксируется в субъекте в идее механизмов высшей нервной деятельности. А затем обратная очередь тех же метаморфоз – словесно выраженное представление превращается в дело, а через дело – в форму внешней чувственно созерцаемой вещи, в вещи эти два встречных ряда метаморфоз реально замкнуты на цикл: вещь – дело – слово – дело- вещь. В этом постоянно возобновляющемся циклическом движении только и существует идеальное, идеальный образ вещи»[5] Подобного рода рассмотрение идеального как функции деятельности вызывал критику ряда философов. В частности, Спиркин, написал в противовес Ильенкову, что Ильенков слишком ограничивает сознание, ограничив его функцией деятельности. Спиркин критикует Ильенкова тем, что утверждает: «Человек мыслит не деятельностью, а мозгом»[6., С. 65]. Пафос спорящих философов понятен: со стороны оппонента Ильенкова необходимо утвердить материализм любыми способами. Ибо если признать, что идеальное создается деятельностью и это является циклическим процессом, то нужно признать, что происходят вполне закономерные процессы между материей и

идеальным. Идеальное – это способ обмена как закономерность существования человека и внешнего мира. Идеальное так же важно, как и материальное, и нет нужды быть столь воинствующим материалистом, как требовала догматическая советская система.

Неприятие идей Ильенкова долгое время были следствием сугубо идеологизированного характера развития философии, которая из ранга объясняющей процессы в мире перешла скорее в обосновывающую и оправдывающую реальность, стала поистине эпифеноменом существующей реальности, а не методом объяснения её.

Постепенно после раскрепощения российской философии возвращается в нее и представление об идеальном её правомерном значении. Н.С.Рыбаков, к примеру , пишет о различного вида идеальном (следуя Гегелю). Виды идеального, как пишет Рыбаков, могут быть на разных уровнях: «…сами предметы, вещи, обязательно представляющие другие вещи, в социуме – это схемы практики и формы преобразованных вещей, сознании это мозг, с помощью которого воссоздаются идеальные образы эталонных предметов, схем практики и самих форм мысли обо всем этом»[7., С.244]. А.И.Лисин также издает фундаментальный труд о проявлении идеального на всех ступенях развития знания и в природе и в социуме [8].

В трудах Э.Гуссерля производится исследование идеального на уровне субъекта. Гуссерль изображает идеальное в качестве постоянно воспроизводящегося процесса трансцендентальной редукции, достижения чистоты трансцендентального Я. Каждый раз обращение к внутренним глубинам чистоты трансцендентального субъекта проистекает на основании редуцирования новых объектов чувственного восприятия. Акцент Гуссерля на восприятии вещи как таковой - это дань австрийской традиции от своего учителя Больцано. Редукция Гуссерля производится по отношению к чувственному восприятию вещей, от которых Гуссерль отталкивается для самоопределения трансцендентального субъекта. Причем здесь важно не полное удаление чувственного восприятия вещи, а обретение вещи как обязательной составной части циклического процесса редуцирования, ее снятия, (читай: при сохранении) в результате обретения трансцендентальным субъектом чистоты. Вещь необходима вновь и вновь для Гуссерля как необходимая циклическая часть самосохранения и обретением чистой сущности.

Для Ильенкова в обосновании сознания важен деятельностный аспект в результате чего сознание определяется деятельностью субъекта (материальным фактором). Как работник идеологической сферы в бывшем СССР, Ильенков строго следует партийному заказу на материалистические основы разрабатываемой концепции. Но он не смог удержаться в рамках требуемого заказа, «идеальное» у Ильенкова не могло удержаться в человеческой голове, ибо как универсальное свойство вещей идеальное существует и до человека [9]и в человеческой голове и в социуме. Социальный характер идеального у Ильенкова предусматривает, что деятельность субъекта (идеального) не обусловлена субъективными свойствами человека, а гарантируется формами деятельности, которые характерны для субъекта социального взаимодействия на продолжительном отрезке исторического времени.

Гуссерль также обосновывает содержание сознания некоторыми привычными действиями субъекта (его хабитуальностью), то есть диктуются сложившимися моделями поведения, характерными для данного общества, а не только для отдельного и индивида. Хотя, конечно, следует сказать о меньшей степени социализированности гуссерлевской философии по сравнению с работами Ильенкова.

Второй аспект, проявляющейся в связи с изучением проблемы идеального, в сравнении Гуссерля и российской традиции. Для российской философии характерно, как и для мировых процессов развития философии, замена классического типа рациональности неклассическим типом рациональности. Что характерно для неклассического этапа: выделение четкого ядра устойчивости знания, внимание к чистым структурам субъекта.

Именно эти черты современной неклассической картины мира и сближают Гуссерля с представителями российской философской школы Лифшицем и Ильенковым.

Параллели между разработкой проблемы идеального в российской традиции и в исследовании Гуссерля можно было бы продолжать и дальше, но это выходит за рамки данной статьи.

Литература и примечания

1. Любутин К.Н.,Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: Изд. Урал. Ун-та, 1993, с. 242.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии . М., 1999, с. 140
3. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. Т. 1, М., 1970
4. Мамардашвили М.. Классический и неклассический идеал рациональности. Тбилиси, 1984, с. 4
5. Философская Энциклопедия. ., 1962. Т.2, Статья : ИДЕАЛЬНОЕ. Ильенков Э.В., с. 222.
6. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972, с. 65
7. Рыбаков Н.С. Факт. Бытие , Познание/Рос АН – Екатеринбург. Наука. Урал. Изд фирма, 1994, с. 244
8. Лисин А.И. Идеальность. М., 1999..
9. Идеальное является универсальной формой существования объектов в мире, человека и социума. Подробнее : исследование Пивоварова и Любутина, в котором идеальное обосновывается в качестве непустого результата взаимодействия между объектами природы, субъектами и социальными взаимодействиями.

Учение о силлогизме Аристотеля и в индийской логике школы Ньяя.

И.В. Новолодская

Открытие силлогизма по праву считается заслугой Аристотеля. Для него силлогизм есть, прежде всего, средство доказывания объективной истины, а не только орудие убеждения, удобное для ведения спора. Такое понимание возможностей силлогизма определяет центральную задачу его логической программы – найти достойное средство для доказательства истины.

Силлогизму как связи терминов посвящена первая книга, а силлогизму как связи следований – вторая книга «Первой Аналитики».

Изобретение Стагирита высоко оценил Г.Лейбниц. По мнению немецкого философа и логика XVII в., «изобретение силлогистической формы есть одно из прекраснейших и даже важнейших открытий человеческого духа. Это своего рода универсальная математика, все значение которой еще недостаточно понято. Можно сказать, что в ней содержится искусство непогрешимости, если уметь правильно пользоваться ею». [2, 423].

В «Органоне» Аристотелем даются следующие определения понятия «силлогизм».

1. «Силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть». Под [выражением] «в силу того, что положенное есть» я разумею, что это отличное вытекает благодаря этому, а под [выражением] «вытекает благодаря этому» - что для возникновения необходимости не требуется постороннего термина. Совершенным я называю силлогизм, который для выявления необходимости не нуждается ни в чем другом, кроме того, что принято, несовершенным же – силлогизм, который нуждается [для этого] в чем-то одном или многом, что хотя и необходимо через данные термины, но через [данные] посылки не получено». [1, 120].

Он предлагает и более узкое определение силлогизма, как умозаключения, в котором один из терминов находится в утвердительной посылке и один должен быть взят во всем объеме, ибо без общей посылки правильный силлогизм не может иметь место. Доказательство у него тоже есть силлогизм, но силлогизм есть нечто более общее. Стагирит объясняет это тем, что доказательство является некоторого рода силлогизмом, но не всякий силлогизм есть доказательство.

Таким образом, силлогизм представляет собой отношение необходимого следования между данными предположениями и заключением, которое определяется так.

1). Данные предположения полностью определяют заключение в следующем смысле: заключение может с необходимостью следовать из посылок, когда оно не нуждается ни в чем, кроме предложенного в самих посылках;

2). Заключение отличается от посылок.

Такое определение силлогизма содержит важное уточнение: заключение следует из посылок с необходимостью. Для Аристотеля «возможность» предполагает и то, что может быть иначе, а вот «необходимость» у него, как противоречащее возможному, есть только то, что не может быть иначе. Так как каждое суждение у него является либо истинным, либо ложным, - значит, оно является одним из членов противоречия. В этом случае, логическая необходимость состоит в том, что принимается один, и только один, из членов противоречия, а другой признается невозможным или недопустимым.

Итак, силлогизм будет правильным в том случае, когда его заключение «вытекает с необходимостью» из его посылок. «Если при наличии А необходимо есть Б, то ... если А истинно, необходимо истинно и Б». [1, 205]. В противном случае, т.е. если «заключение не возникае с необходимостью», - оно мнимое. Но в случае, когда «заключение ложно, то необходимо, чтобы те [посылки], из которых состоит рассуждение, были ложными, - или все, или некоторые». [1, 215].

Так рассуждает античный классик Аристотель, основатель науки Логики. И, кажется, нет ему конкурентов в древнем, да и не только в древнем мире. Восточные мыслители с их незаинтересованностью в рациональных практиках постижения универсума не могли претендовать на какие-либо дивиденды в этой области, не говоря уже о причастности к открытиям в области силлогистики. И, тем не менее, у них, оказывается, имелись свои достижения в построении логических рассуждений.

Нечто похожее с наработками Стагирита обнаруживается при анализе построения рассуждений в логической системе школы Ньяя, основанной Готамой (ок.II в.до н.э.).

Большинство исследователей сходится во мнении, что возникновением учения о силлогизме индусы обязаны Аристотелю. Так, Радхакришнан ссылается на замечание доктора Видьябхушана: «Нет ничего невозможного в том, что знание логики Аристотеля проникло в Таксилу через Александрию, Сирию и другие страны. Я склонен думать, что учение о силлогизме развилось не из учения индийской логики о выводе, но что индийский логик обязан идеей силлогизма влиянию Аристотеля» [4, 67]. Правда, пока имеются лишь косвенные свидетельства греческого влияния на развитие индийской логики.

С другой же стороны, существуют упоминания о силлогистических типах умозаключений ещё в доаристотелевских сочинениях индуистских и буддистских мыслителей, что затрудняет ответ на вопрос о первооткрывателе силлогизма. Но каков бы ни был этот ответ, нельзя не признать, что индийский силлогизм имеет ряд специфических особенностей, отличающих его от привычного для нас аристотелевского силлогизма. И, в то же время, у них есть бесспорное сходство. Для иллюстрации этого положения сравним два варианта известных силлогизмов: аристотелевского и индийского.

Возьмем правильный силлогизм Аристотеля:

Все люди (M) – живые существа (P).

Сократ (S) – человек (M).

Сократ (S) – живое существо (P).

А вот так выглядит самый известный вариант индийского силлогизма:

Холм в огне.

Потому, что он (холм) дымится.

Всё, что огненно, дымится, как например кухонный очаг.

Это холм.

[Следовательно], холм в огне. [4, 65]

Если использовать аристотелевский пример с Сократом в контексте индийского силлогизма, то известное рассуждение будет выглядеть следующим образом.

Сократ (S) – живое существо (P).

Потому, что Сократ (S) – человек (M).

Все люди (M) – живые существа (P), как например Хризипп.

Это (Сократ) (S)– человек (P).

[Следовательно], Сократ (S)– живое существо (P).

Сравнительный анализ позволяет заметить, что вывод получился в обоих случаях одинаковым, что нельзя сказать о форме умозаключений. Форма этих рассуждений - разная. Для иллюстрации особенностей каждого варианта рассмотрим их структуру и составляющие элементы.

Так, у Аристотеля силлогизм состоит из:

- субъекта (S) – «того, о чём говорится» («Сократ»);
- предиката (P) – «того, что говорится (о субъекте)» («живое существо»);
- среднего термина (M) – «то, посредством чего выводится истинность предиката о субъекте» («человек»).

Все эти составляющие мы видим и в индийском силлогизме, однако, последователи Готамы членят силлогизм иным образом.

1. «Сократ – живое существо» (ПРАТИДЖНЯ - *суждение*) – это тезис, который необходимо доказать (т.е. гипотеза или допущение).

Суждение имеет два члена:

а) субъект (ПАКША/ДХАРМИН) и

б) предикат (САДХЬЯ/ДХАРМА/АНУМЕЯ). (У каждого члена суждения, как видно из названий, имеются разные языковые аналоги).

Субъект и предикат понимаются так же, как и в аристотелевской традиции. Связка же признается лишь речевым компонентом и не имеет значения для вывода. К суждениям предъявляются следующие требования.

- они не должны противоречить прямому восприятию или письменному свидетельству (свидетельству писания), твердо установленным истинам, или субъективному убеждению говорящего;
- для тезиса не годятся: непонятные, противоречащие самим себе суждения; либо суждения самоочевидные и не требующие доказательства.
- тезис не должен содержать незнакомых терминов.

2. «Потому, что Сократ - человек» (ХЕТУ - *основание*). Основание делает меньший термин субъектом заключения (ПАКШАДХАРМАТА). Выходит, что основание является разрешающим условием для приписывания субъекту предиката.

3. «Все люди – живые существа, как например Хризипп» (УДАХАРАНА - поясняющий *пример*).

Радхакришнан отмечает, что подобные примеры приводятся Готамой и Ватсьяяной [4, 73]. У них это скорее демонстрация случаев сходства в признаках или свойствах, имеющихся у предметов и индивидов. Такие примеры подразумевали умозаключения, в которых из частного выводится частное же. Возможно, именно поэтому таким рассуждениям отводилась лишь вспомогательная роль. В основном примеры приводились для собеседников в качестве иллюстраций. Позже приверженцы данной школы (в первую очередь Дигнага и Дхармакирти) пришли к выводу, что такого рода умозаключения нельзя назвать логическими, так как для логического вывода необходимо, чтобы поясняющий пример иллюстрировал не отдельный случай, а общее правило.

4. «Это (Сократ) - человек» (УПАНАЯ - *применение*). Применение фиксирует присутствие или отсутствие носителя обозначаемого предикатом признака. В случае присутствия субъекта, применение – утвердительно, иначе – отрицательно.

5. «Сократ – живое существо» (НИГАМАНА - *заключение*). Заключение отражает обоснованность или необоснованность предположения, заявленного в тезисе. Здесь

наблюдается явное расхождение с аристотелевской традицией. Аристотель требовал, чтобы заключение отличалось от посылок. У индусов же тезис и заключение, пусть только формально, но совпадают.

Следует отметить ещё одну особенность: некоторые индийские логики полагали, что силлогизм состоит из десяти членов. Помимо выше перечисленных они добавляли следующие члены:

- «ДЖИДНЯСА» - желание узнать точную истину суждения. (Например, является ли холм огненным во всех своих частях или только в некоторых). Без этого желания познание невозможно, хотя логическим инструментом его назвать нельзя.

- «САНШАЯ» - сомнение в отношении основания. (Не является ли то, что мы принимаем за дым, только паром, а то, что мы принимаем за человека, только манекеном).

- «ШАКЬЯПРАПТИ» - способность примера гарантировать заключение. (Всегда ли дым сопутствует огню, так как в раскалённом добела железном шаре его нет).

- «ПРАЙОДЖАНА» - цель вывода.

- «САНШАЯВЬЮДАСА» - устранение всех сомнений относительно связи среднего термина с большим и его присутствия в меньшем.

Ватсьяяна, по свидетельству Радхакришнана, отмечал дополнительную, или вспомогательную (т.е. второстепенную) роль этих пяти членов силлогизма, так как для доказательства они не нужны, хотя и способствуют ясности нашего познания. Позже индусы откажутся не только от этих пяти членов силлогизма, но и еще от двух, так как, по их мнению, заключение повторяет тезис, а применение дублирует основание.

Трехчленный силлогизм приписывается Нагарджуне. В его «Упаякаушалья-сутре» [4, 79] говорится, что заключение выводится через основание и утвердительный (или отрицательный) пример.

Ватсьяяна и Уддьйотакара не признавали попыток обойтись без последних двух членов силлогизма. Хотя они согласны с тем, что заключение повторяет суждение, а применение представляет собой соединение основания и примера. Тем не менее, оба они полезны, например, в спорах. Заключение и применение подтверждают основание и устанавливают истинность суждения [4, 79].

Пятичленный силлогизм признается полезным для убеждения других, тогда как для собственного убеждения достаточно и трехчленного силлогизма. Считается, что трехчленный силлогизм имеет дело с выводом как процессом мышления и относится к науке открытия, а пятичленный имеет дело с доказательством (это различие упоминают Готама и Канада) [4, 78].

Интересен и анализ решения вопроса о распределенности среднего термина у Стагирита и логиков Ньяя.

У Аристотеля этот вопрос рассматривается при анализе операции «обращение посылок» во 2-й и 3-ей главе 1-й книги «Первой Аналитики».

Он дает здесь следующее объяснение операции обращения посылок. «Посылка есть высказывание, утверждающее или отрицающее что-нибудь о чем-нибудь» [1, 119].

Само высказывание (посылку) Стагирит относит к таким видам, как: общее, частное и неопределенное. Общее высказывание (суждение) – такое, когда А присуще всем, или не присуще ни одному Б. Частное – если А присуще, или не присуще некоторым Б. Неопределенным высказывание будет в том случае, когда нечто присуще, или не присуще другому, без указания его присущности всему другому. Одни посылки утвердительные, другие – отрицательные. Посылка о присущем, если она общеотрицательная, необходимо обратима в отношении своих терминов. Общеутвердительная посылка, хотя и необходимо обратима, но не в общую, а в частную. Из частных посылок, утвердительная необходимо обратима в частную же, а отрицательная – необходимо не обратима.[1, 121].

Термином он обозначает структурные элементы суждения: «то, что приписывается, и то, чему приписывается», сказуемое и подлежащее.

Введя основные определения структурных элементов суждения, Аристотель подробно останавливается на анализе операции обращения. Эта логическая процедура, как известно, лежит в основании образования непосредственных умозаключений. Для Стагирита процесс обращения посылок есть демонстрация необходимости того, что истинность высказывания о сказуемом исходного суждения следует из истинности высказывания о подлежащем этого суждения. Такая необходимость имеется в простом обращении общеотрицательной и частноутвердительной посылок. А так же в частном обращении («обращении с ограничением» в современном его обозначении) – для общеутвердительных посылок. Для общеутвердительных посылок схема будет выглядеть так: «Если А присуще всем Б, то и Б присуще некоторым А».

Что касается частноотрицательных посылок, то обращение в них не необходимо. Аристотель для подтверждения этого положения приводит пример: «если некоторым живым существам не присуще быть людьми, то отсюда не следует, что некоторым людям не присуще быть живыми существами».

Обращение посылок о необходимом (аподиктических) и возможном (проблематических) рассматривается им в 17 главе первой книги «Первой Аналитики». Здесь ситуация выглядит следующим образом. Обращение аподиктических не имеет никаких различий по сравнению с обращением простых посылок. Обращение проблематических посылок имеет ту особенность, что общеотрицательная посылка о возможном необратима. «Например, если А возможно не присуще ни одному Б, то не необходимо, чтобы и Б возможно не было присуще ни одному А». Так, «белое возможно не присуще ни одному человеку (потому что оно возможно также и присуще), но сказать, что человек возможно не присущ ничему белому, - неправильно» [1, 156].

Следует отметить, что схема построения посылки у Аристотеля несколько отличается от той, что сегодня используется в традиционной логике. Сегодня она записывается так: S есть (или не есть) P. У автора «Аналитик» схема такая: «Б присуще (не присуще) А», т.е. у него на первом месте стоит предикат (сказуемое), а на втором – субъект (подлежащее). Термин «присуще» означает объективное отношение той или иной определенности сказуемого к ее носителю – подлежащему. Общеутвердительная посылка принимает у него вид: «Б присуще всякому А». Общеотрицательная – «Б не присуще ни одному А». Частноутвердительная – «Некоторые Б присущи некоторому А», а частноотрицательная: «Некоторые Б не присущи некоторым А».

В своем логическом учении помимо правил силлогизма Аристотель открыл и исследовал аналитические возможности трех фигур силлогизма и установил для каждой из них свои специфические правила и модусы. (Четвертую фигуру с ее пятью модусами изложил его ученик Теофраст, но включил ее модусы в первую фигуру).

Выводы по каждому модусу из трех фигур согласуются с необходимостью соблюдения принципа распределенности среднего термина. Для Стагирита средний термин есть то, посредством чего рождается силлогизм. Средний термин является общим для обеих посылок, отражая отношения между большим и меньшим терминами, но при этом он отсутствует в заключении.

Современные исследователи творчества Аристотеля считают, что его подход к силлогизму не исключал выявления им и четвертой фигуры. Как показывают тексты «Первой Аналитики», он знал такие модусы четвертой фигуры, которые средневековыми мыслителями были названы Fesapo и Fresison. Но не ставил перед собой задачу рассмотреть эту фигуру с такой же тщательностью, как первые три фигуры. По-видимому, он предвидел ее не столь значительные аналитические возможности для процесса познания.

Логики школы Ньяя относительно вопроса о распределенности среднего термина (ЛИНГА) придерживались следующих положений.

- Средний термин должен полностью включать объем меньшего термина;

- Все вещи, обозначаемые средним термином, должны быть однородными с вещами обозначаемыми большим термином;

- Ни одна из разнородных вещей не должна быть перенесена из большего термина в средний [4, 65].

Дигнага настаивает на том, что средний термин должен быть универсальным образом связан с большим термином. Уддьйотакара говорит о необходимости наличия всеобщей связи между большим и средним термином. Всеобщая связь в его понимании выглядит так: если есть больший термин, должен быть и средний, если нет большего, то не должно быть и среднего.

Что касается фигур и модусов силлогизма, то следует отметить, что индийские логики фактически пользовались только модусом Barbara I фигуры. Аристотель же считал совершенными все 4 модуса I фигуры. Модусы Darii и Ferio, индусы отвергали, так как в этих модусах заключение всегда получается частным. Радхакришнан в 202 сноске приводит пример Дхармакирти:

Все объекты, присутствующие здесь и сейчас, воспринимаются.

Кувшин не воспринимается.

Следовательно, кувшин не присутствует здесь и сейчас.

Это модус Camestres I фигуры, он тоже использовался индийскими логиками. Однако главным модусом ими считался именно Barbara, так как утвердительные и отрицательные (общие) суждения признавались предполагающими друг друга, поэтому Camestres отдельно даже не выделялся.

Еще одним весомым расхождением индийского силлогизма с аристотелевским является то, что первый опирается на чувственный опыт (ощущение), как на необходимое основание.

Таким образом, аналитические приоритеты аристотелевской силлогистики не вызывают сомнения. Но то, что сумели сделать логики школы Ньяя в контексте развития ортодоксальной древнеиндийской философии вызывает несомненный интерес. Сегодня становится очевидным, что возможности силлогистики были серьезно оценены и восточными мыслителями. Это имеет немаловажное значение для наведения культурных мостов между Востоком и Западом. И логике в этом ответственном мероприятии будет принадлежать особая роль.

Литература

1. Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме. М – Л., 1936.

2. Аристотель. Первая Аналитика. Соч.в 4-х т.т.,Т.2., М., 1978.

3. Маковельский А.О. История логики. М., 1967.

4. Радхакришнан С. Индийская философия. Соч. в 2-х т.т., Т.2., СПб., 1994.

5. Щербатской Ф.И. Теория познания и логика в учении позднейших буддистов. Ч.2. СПб., 1995.

Достоевский и автономная этика

О.В. Панкратьев

Аннотация В статье осуществляется исследование возможностей построения автономной этики. На примере творчества Ф.М. Достоевского выявляются анализируются трудности и противоречия традиционных подходов к построению этических систем, которые были реализованы в истории философской мысли.

Идея автономной этики представляет собой одну из тех истин, очевидность которых не способствует их философскому осмыслению. Мало того, само по себе понятие «этики» ассоциируется больше не с мыслью, а с действием, на что указывал уже Аристотель, а затем и Кант, утверждавший, что «для знания того, что надлежит делать, чтобы быть честным и порядочным, и даже чтобы быть мудрым и добродетельным, нет необходимости ни в какой науке или философии», и «дабы моя воля была нравственно

благой, мне не требуется никакой простирающейся вдаль остроты ума» [1., С.240-241]. Если забыть, что данные слова принадлежат автору нескольких фундаментальных работ по этике, то можно подумать, что они принадлежат кому угодно, но только не философу, в чьих размышлениях этическая проблематика занимала отнюдь не последнее место. Но, в том-то и дело, что не последнее. Философия Нового времени, хотя и включает этику в список своих ключевых тем, все же не мыслит ее в качестве главной, отдавая бесспорное первенство теории познания. Гносеология становится здесь не просто основным разделом философии, а самой философией по преимуществу. Мыслитель, отдающий, пусть и робкий, приоритет этической проблематике, при данном раскладе автоматически записывается в разряд «моралистов», т.е. еще не совсем философов. Гносеологический характер новоевропейской мысли состоит вовсе не в том, что она не ставит этические вопросы, а в том, что эти вопросы не являются для нее решающими по сравнению с вопросами гносеологическими, ответы на которые являются общеобязательными не только с точки зрения гносеологии, но и этики. Этика Спинозы с ее «геометрическими доказательствами» тому явное подтверждение. Только получив благословение царицы Гносеологии, философ Нового времени может проникнуть в область этического, не имея права поставить под сомнение хотя бы одно из ее положений, если даже оно не будет (хотя бы гипотетически) удовлетворять его этическим построениям. Действительно, какое право имеет этика вторгаться в область чистого знания, если оно, в том числе, очищено и от нее, удовлетворяя требованиям научной объективности? Знание живет по своим законам, а этика должна жить по своим. Кантовская идея автономной этики неявно подразумевает идею автономного знания, которое самовольно определило разделяющую их границу, не спрашивая на то никакого разрешения. «Критика чистого разума» предшествует «Критике практического разума» не столько по времени, сколько по смыслу: только после того, как наше познание скажет себе, что оно может познавать, а что не может, автономная воля имеет право решать, что она может волить, а что нет. Автономная воля, существуя за пределами возможностей нашего знания, вместе с тем, не может преодолеть эти возможности, поскольку находится за пределами их территории. Автономная этика, таким образом, получает отведенное ей гносеологией место и не касается тех вопросов, которые находятся в ведении знания. Законы природы, как и законы рассудка (а для Канта, по сути, это одно и тоже) для автономной этики незыблемы и неприкосновенны. Любая попытка дать этим законам этическую оценку будет считаться неправомерной. Этика, как и гносеология должны покоиться в границах отведенных им автономий. Однако ни в каком-нибудь философском трактате, а в «Записках из подполья» Достоевского мы встречаемся с удивительным примером того, как этика, вторгаясь в область знания, ставит перед нами вопросы, которые не умещаются ни в рамки сугубо этической, ни сугубо гносеологической проблематики. Конечно, можно заметить, что Достоевский писатель и ему позволено больше, чем «профессиональному философу». Тем хуже для второго…

Уже первые слова героя «Записок» настраивает на соответствующий лад: «Я человек больной. Я злой человек»[2, Т. 5, С. 99]. Как можно физическое состояние увязывать, а то и отождествлять с нравственной характеристикой? Для автономной этики это абсолютно неприемлемо. И, тем не менее, мы спокойно можем говорить о нравственном и физическом зле, или о моральном и физическом ущербе, даже не обращая внимания на то, что говорим вроде бы о совершенно разных вещах. Сам язык, не считаясь с автономной этикой, совершает этот противозаконный синтез. Отождествление же зла с болезнью совсем не внове для христианского учения о первородном грехе, тем более в его православной версии. Не случайно, комментируя данные слова, Лев Шестов заметил, что так говорят о себе святые [3., С. 37]. Святой – это, прежде всего, человек кающийся, чье острое сознание греха является обратной стороной действующей в нем благодати. Святой – самый грешный из всех грешников только потому, что он это понимает – таков парадокс христианского понимания святости. По этому поводу Григорий Померанц справедливо

замечает: «Бог и грех нераздельны. В бездне Бога открывается взгляд на бездну греха. А в бездне греха рождается тоска по Богу. Чувство жизни, которое раскрывает Достоевский, – именно это» [4., С. 148]. Подпольный человек как раз и наделен этим острым сознанием бездны греха, но это сознание замкнуто само на себя, оно не подразумевает действия благодати, и, возможно, именно поэтому губительно для героя (антигероя) «Записок». Сознание болезни здесь – это, прежде всего, болезнь сознания: «много сознания это всегда болезнь». Это болезненное и безблагодатное сознание греха найдет своего продолжение в атеистическом экзистенциализме Сартра и, прежде всего, в его романе «Тошнота». В любом случае, надо признать, что хотя «Записки из подполья» и не обращаются напрямую к христианской тематике, но зато они идут в самую глубь христианской проблематики греха и, возможно, именно благодаря своей тематической анонимности.

Исповедь героя «Записок» и есть ничто иное, как последовательное раскрытие своеобразной «диалектики» осознания греха со своим тезисом, антитезисом и синтезом. Объявив себя злым и больным, подпольный человек тут же признается, что и злым-то никогда не был, а, так «воробьев пугает» и, что, вообще, он «не только злым, но даже ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, не насекомым» [2, т. 5, с. 100]. Мало того, добавляет он, «умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак» [там же]. Данное признание, с одной стороны, предваряет экзистенциалистское представление о фундаментальной неопределимости человеческого существования как собственной свободы, а с другой, углубляет представление о грехе, как о том, что ускользает от оценок светской автономной этики, соотносящей человека, прежде всего, с его поступками, хотя и обусловленными его волей. Достоевский как бы ставит перед нами вопрос: о каком добре и зле можно говорить применительно к среднему человеку, чье существование (да еще в качестве чиновника!) не представляет собой ничего, что бы могло его охарактеризовать всерьез как «злого» или «доброго», «хорошего» или «плохого»? По-настоящему, всем этим может быть только Герой с большой буквы, человек действующий (Раскольников!), но уж точно не заурядный чиновник, «человек-мышь». Но подпольный человек и не собирается отождествлять себя с действием или с поступком, поскольку он не столько действует, сколько «усиленно сознает». Он даже отомстить за себя не может, теряясь в причинно-следственных связях. Там, где нужно быть этиком, он выступает в роли объективного мыслителя, отказываясь от субъективных оценочных суждений, и, располагаясь, тем самым, перед лицом объективной реальности по ту сторону добра и зла. Но это не значит, что герой «Записок» просто становится замкнутым на познании гносеологом и начинает смотреть на все происходящее (в том числе и на свое сознание) непредвзятым взглядом ученого. Проблема как раз в том, что уже внутри гносеологической установки, подобно опухоли, в нем начинает пробуждаться этическое самосознание, связанное не с тем, что он совершил или может совершить, а как раз с тем, что он совершить не может. Ключевой посыл кантовской этики «должен, значит можешь!» здесь не действует. Этика подполья – этика невозможного и нравственное сознание подпольного человека – сознание невозможного, перед которым меркнут все нравственные идеалы: «чем больше я сознавал о добре и всем этом прекрасном и высоком, тем глубже я опускался в мою тину, и тем способнее был совершенно завязнуть в ней» [там же, С. 102]. Все самые «неприглядные деяния» совершаются здесь именно в момент осознания «всего прекрасного и высокого», как бы назло ему, что дало повод Шестову видеть в «Записках из подполья» своеобразную месть Достоевского своим прежним, гуманистическим идеалам [3., с. 225], «сковывающим» и «принижающим» его, как арестантские кандалы, уже тогда, когда он оказался на свободе [5., С. 30]. Однако за этими признаниями стоит и нечто большее, чем месть, хотя сам герой «Записок» не раз употребляет это слово. Речь здесь идет о новом – третьем витке раскрытия проблематики греха и его осознания. Мелкотравчатость зла, его нормальность и безобидность как раз и

оборачиваются той тиной, в которой вязнет человек-мышь: «Но главная черта была в том, что все это как будто не случайно во мне было, а как будто ему и следовало так быть. Как будто это было мое самое нормальное состояние, а отнюдь не болезнь и не порча, так что у меня, наконец, и охота пропала бороться с этой порчей» [2., Т. 5, С. 102]. Сила греха в его нормальной обыденности и пошлости. Не случайно Черт, явившийся Ивану Карамазову, именно «глуп и пошл». И самое примечательное, что этой нормальности пошлого не противоречит основной категорический императив автономной этики Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства» [6., С. 147]. Разве все нормальное и обыденное не претендует на роль этого самого законодательства? Разве автономная этика с ее общеобязательностью не тонет во всеобщей пошлости всего «нормального»? То, что Хайдеггер определит как Das Man, где все говорят от имени всех, но никто от своего собственного, разве уже не определялось Достоевским как «всемство»? И разве не в этом «всемстве» каждый способен найти себе оправдание перед требованием категорического императива? Кант, перенеся критерии объективного научного знания в этику, делая упор на общезначимости моральных требований, сделал, тем самым, крайне уязвимой собственную идею автономной воли. Его категорический императив обращен ко всем и ни к кому в отдельности, но именно поэтому, в какой-то момент он может заговорить (и заговорил) от имени «всех», будь то народ, партия и т.д. Получается, что этика Канта применительно к отдельному человеку и его совести глубоко безответственна. Не случайно, тот же Хайдеггер обратиться к голосу совести, в котором именно человеческая самость взывает к самой себе, вырываясь из-под власти безличного Das Man. Но у человека подполья есть свой камень за пазухой, способный сразить категорический императив сильнее любой философской аргументации. Развивая свою странную исповедь, наш подпольщик, вместо того, чтобы покаяться и последовать за велениями кантовского долга, вдруг начинает говорить о наслаждении: «…до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки не воротишь, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец – в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том» [2., Т.5, С. 102]. Подобный, явно мазохистский пассаж мог быть отнесен к ведомству Зигмунда Фрейда, который любил писать о Достоевском, но уже следующее предложение дает нам понять, что сказанное выходит далеко за пределы психоанализа: «Я вам объясню: наслаждение тут было от слишком яркого сознания своего унижения; от того, что уже сам чувствуешь, что до последней стены дошел; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком; что даже если бы оставалось еще время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться…» [там же]. Что это за странное amor fati, где гедонистический мазохизм оборачивается неистовым стоицизмом, выраженным в гносеологических терминах: «А главное, что все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов, а следственно, тут не только не переделаешься, да и просто ничего не поделаешь. Выходит, например, вследствие усиленного сознания: прав, что подлец, как будто это подлецу утешение, коль он уже сам ощущает, что он действительно подлец» [там же]. Именно там, где надо бы прислушаться к категорическому императиву и поступать так, как все должны поступать, подпольный человек начинает говорить о законах сознания, а следовательно, о необходимости, и, что самое удивительное, о наслаждении, испытываемом от этой необходимости. Там, где нужно отключить теоретический разум и включить разум практический, перейдя из мира необходимости в мир свободы, как из одной комнаты в другую, герой «Записок» как бы сталкивает два этих царства лбами, не понимая, чем

свобода отличается от необходимости, если он хочет быть тем, чем не может не быть. Выясняется, что в глубине необходимости как того, что уже невозможно изменить, лежит согласие на эту необходимость, выдающее себя в наслаждении, и что, вопреки известному тезису, необходимость в глубине своей оказывается непознанной свободой. Стоило гносеологии поглотить этику, как тут же этика изнутри разъела гносеологию, и мы в лице «Записок из подполья» Достоевского получили яркий пример анатомии греха, не ведающий различий между свободой и необходимостью (подобно лютеровскому «рабству воли»), но, вместе с тем, углубляющий наше представление о свободе. Этот синтез несовместимого, свободы и необходимости совершается посредством наслаждения: подпольный человек не может быть другим, но от невозможности быть другим он испытывает какое-то странное наслаждение, которое даже не просто являет собой внутреннее согласие на эту невозможность, но упорствует в этой невозможности. Ницше, в одном из фрагментов, посвященных «вечному возвращению», как раз затрагивает эту тему, говоря о том, что любое существование оправданно, если оно готово «жить заново» [7., С.125]. Даже трусость, лень, как комментирует данный отрывок Жиль Делез, становятся «чем-то иным, нежели лень и трусость: активными силами, могуществом утверждения» [7., С.54]. Но подпольному человеку не нужна идея «вечного возвращения», чтобы оправдать свое никчемное существование, поскольку этим оправданием для него является наслаждение. Самое удивительное, что именно наслаждение заставляет героя записок взять на себя ответственность за свое существование, даже вопреки той фаталистической позиции, которую он в отношении него занимает. Вот почему «сок этого странного наслаждения» составляет еще и раскаяние [2., С.106]. Даже если подпольный человек не может быть другим, он получает удовольствие от того, чем является и кается в этом. Раскаяние от получаемого удовольствия, включенное в само это удовольствие, несопоставимо глубже раскаяния в совершенном поступке, поскольку касается непосредственно воли. Если для Канта выражением свободы был безличный долг, то для подпольного человека – постыдное, но именно поэтому интимно-личное наслаждение. Здесь важно не то, что человек делает, а то от чего он получает удовольствие, которое, по сути, является им самим. В данном случае «Записки из подполья» куда ближе духу «Никомаховой этики», делающей акцент «на правильных» удовольствиях, формирующих добродетельного человека, нежели «Критике практического разума», открещивающейся от любых удовольствий, если речь идет о моральном поступке. Причем, наслаждение здесь не просто полагает ответственность там, где ее вроде бы не должно быть, но и беспредельно расширяет ее сферу. Если для Канта сфера ответственности не выходила за пределы человеческих поступков, причем, в их ноуменальном измерении, подразумевающем причинность свободы, то в «Записках» ответственность за происходящее, в конечном итоге, это как раз ответственность за то, что происходит с необходимостью и без нашей воли, т.е. это ответственность не за поступки, а за все происходящее. Безвольность подпольного человека парадоксальным образом связана с ощущением ответственности за все, что не связано с его волей, в том числе и за самого себя, причем, именно потому, что он не может стать другим. Необходимость с ее законами неожиданно становится объектом этических оценок. Слабость подпольного человека вдруг становится свидетельством его непонятной внутренней силы, восходящей к известным словам ап. Павла: «сила Моя в немощи свершается» (2 Кор. 12:9). Противопоставляя себя «людям с крепкими нервами», «непонимающим известной утонченности наслаждений», герой «Записок», сам того не ведая, дает, возможно, самую меткую характеристику человеку и философии Нового времени: «Эти господа при иных казусах, например, хотя и ревут, как быки, во все горло, хоть это, положим, и приносит им величайшую честь, но перед невозможностью они тотчас смиряются» [2., Т.5 С.105]. Уповающий только на свои собственные силы и, умеющий их рассчитывать (а речь идет, прежде всего, о знании как силе), человек Нового времени смиряется с тем, что эти силы превосходит. Вырождение философии в гносеологию, столь знаковое для

новоевропейской философии, по сути, и было ничем иным, как смирением силы знания перед силой необходимости, т.е. закона. Известная сентенция «хочешь властвовать, учись подчиняться» наилучшим образом характеризует именно эту установку новоевропейского сознания. Власть связана с подчинением, которое, в свою очередь, неотделимо от расчета и мобилизации силы. Тоталитаризм с его аппаратом подчинения – только следствие данной установки. Познание для новоевропейской мысли – не просто смирение перед законом, фатумом, или судьбой, а смирение, исходящее из учета собственных возможностей, подобно хитрости Одиссея, приказавшего связать себя, дабы насладиться пением сирен. Не случайно этот жест Адорно и Хоркхаймер рассматривали как прообраз европейской, а лучше сказать «новоевропейской» рациональности, или того, что они называли «Просвещением»: «Все буржуазное Просвещение едино в требовании трезвости, чувства реальности, правильной оценки соотношения сил» [9., С.78]. Философы Нового времени заняты не просто познанием, а именно трезвой оценкой его возможностей. «Что мы можем познать, а что нет?» – вот главный вопрос гносеологии, где мысль смиряется даже не просто перед собой, а перед своим представлением о себе. Это смирение мысли перед своим представлением о себе, равно как перед законом и фактом становится новой этикой, основанной на слепой вере в науку. Рассуждения подпольного человека о «стене» посягают на основы этой веры, отождествляющей науку и этику, т.е. научную объективность с человеческой совестью. Вот почему «люди с крепкими нервами» пасуют перед этой стеной: «Стена имеет для них что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое…» [2., Т.5, С.104] Стена – это власть необходимости, очевидности, факта и закона, ставшего фактом, перед которым «новый» человек Нового времени смиряется, как перед нравственным долгом, даже, не задумываясь над тем, к чему может привести его это смирение: «Невозможность – значит каменная стена? Какая каменная стена? Ну, разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика. Уж как докажут тебе, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть. Уж как докажут тебе, что, в сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных и что в этом результате разрешатся под конец все так называемые добродетели… так уж так и принимай, нечего делать-то, потому дважды два – математика. Попробуйте возразить» [там же, С. 105]. История 20-го века не поскупилась на примеры, где идеология сциентизма, сливаясь с фашистской или коммунистической мифологией, оборачивалась самыми страшными преступлениями против человечества. Любая попытка посмотреть на этику непредвзятым взглядом ученого, свободным от субъективных оценок, по сути, была ничем иным, как убийством нравственного самосознания. И в основе всего этого лежало почти религиозное смирение перед фактом. Но что такое факт, как ни элемент замкнутой на себе научной картины мира («и в каменной-то стене как будто сам виноват!»), непроницаемой для всего, что выходит за ее рамки? Бог, совесть, смысл – все это становится жертвой пресловутой «бритвы Оккама», как что-то совершенно ненужное для *интересов дела* научного познания. Слова Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых», адресованные своему узнику – Христу, доводят данную установку до своего логического конца: «Знаешь ли ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а есть только голодные» [9., С.30]. «Премудрость», рассматриваемая заодно с наукой, как раз и являет собой, не знающую никаких границ и автономий, идеологию сциентизма, вытесняющую нравственное самосознание. Автономная этика, хотя и автономна по отношению к вере, но совершенно не автономна по отношению к научной картине мира. Не случайно, бунт Ивана Каромазова против установленной Богом «гармонии», допускающей страдания детей, заканчивается бунтом Великого инквизитора против принесенной Христом свободы и смирением перед бессмысленностью существования: «Тихо умрут они, тихо угаснут и за гробом обрящут лишь смерть» [там же, С.36]. Именно Великий инквизитор становится у Достоевского главным антиподом подпольного человека, разрешающим все

вопросы человеческого существования своим обращением к «бесспорности» и «всеобщности», т.е. к идеалам научной объективности: «Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее перед ним преклонение» [там же, С.31]. Там, где реальность становится непрозрачной для собственной глубины, где критерием познания становится научное познание, и прерогатива на истину остается именно за ним, сама истина начинает отождествляться со всеобщностью, не терпящей никаких возражений. Истина начинает мыслиться как принуждение к истине, безразличное к нашим «субъективным» оценкам. Автономная этика мыслит это принуждение как долг, вытесняющий своей всеобщностью одинокий голос человеческой совести. Там, где теряется внутреннее понимание того, что есть добро, и что есть зло, всеобщность моральных суждений становится единственным средством спастись от релятивизма в самой морали. Подобно тому, как изнанкой рационализма является иррационализм, имморализм является изнанкой (постоянной угрозой) морализма. Не случайно, Великий инквизитор отождествляет свободу с анархией, отказываясь от нее во имя порядка. Но и подпольный человек понимает свободу как анархию («по своей глупой воле пожить»), оставаясь в пределах все еще картинных, искусственных рационалистических противопоставлений. Вот почему героя «Записок» можно назвать как «имморалистом», так и «иррационалистом», упустив из виду подлинную глубину его бунта, выходящего за пределы просто «каприза». Бунт здесь не бунт против морали и разума, а бунт против рационалистической картины того и другого. Причем, всерьез за пределы этой «картины» подпольный человек выходит именно там, где говорит о страдании как той невыгодной выгоде, которая оказывается «выгоднее любой выгоды». Действительно, страдание и, прежде всего, физическое никак не вписывается в рамки автономной этики, замкнутой на оценке человеческих поступков. Страдание не знает границ между сферой природы и сферой свободы. Человек страдает и умирает весь целиком, и автономная этика ничего с этим поделать не может. Иван Карамазов, оставаясь в пределах автономной этики, отказывается «познавать это чертово добро и зло» именно по причине страданий детей, причиненных им взрослыми. При этом он не дает моральной оценки страданиям больших, поскольку «те яблоки съели, и черт с ними» [там же, с. 19]. В голове Ивана страдания взрослых мыслятся как что-то само собой разумеющееся, выходящее за пределы морально-этических оценок по причине своей естественности. Он, словно по Канту, четко разделяет сферу природы и сферу свободы, как бы забывая, что те же дети, подобно взрослым, страдают и умирают от болезней, которые, несмотря на свою естественность, так же подпадают под этическую оценку. Иван мыслит категориями всеобщности: страдания детей для него исключительны и именно поэтому неестественны, тогда как страдания взрослых повсеместны, всеобщи и потому естественны и объективны. Для подпольного же человека именно естественное, объективное, очевидное (2х2=4), т.е. стена подлежит моральной оценке («о, нелепость нелепостей!»), выражающейся в качестве бунта, направленного как на природную необходимость, так и на законы сознания: «Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и эти дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я и не примирюсь с ней потому только, что у меня каменная стена и у меня сил не хватило» [2., Т.5, С.106]. Сам же этот бунт, разрушение каменной стены для подпольного человека и есть страдание, от которого он не может отречься как от своего собственного сознания: «Страдание – да ведь это единственная причина сознания» [там же, С. 119]. Но сознание это уже никак не вписывается в рамки гносеологии, занимающейся *сознанием для сознания*. Это сознание возвышается над очевидностью «дважды два» как человеческий разум у Паскаля над убивающей этот разум природой: «После дважды двух уж, разумеется, ничего не останется, не только делать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будет, это – заткнуть свои пять чувств и погрузиться в созерцание. Ну, а при сознании хоть и тот же результат выходит, то есть тоже нечего

будет делать, но, по крайней мере, самого себя иногда можно посечь, а это все-таки подживляет [там же]. Примечательно, что именно созерцание становится в «Записках» антитезой страдающего сознания. Причем, созерцание здесь подразумевается не в смысле философии Платона, а в смысле философии (гносеологии!) Канта, вносящей в созерцание элемент эмпирической принудительности (трансцендетальная эстетика), непроницаемой как для познания, так и для смысла. Смысл открывается только для страдающего сознания.

Христос вне истины или истина вне Христа? – в этой дилемме, высказанной Достоевским в своем знаменитом письме Фонвизиной [2, Т.28, С.176], скрывается и другое противопоставление: истина на кресте, т.е. истина, открывающаяся в страданиях, экзистенциальная истина (смысл) или истина без креста – безличная, объективная истина. Автономная, светская этика слепа именно к первой истине, как и к смыслу страданий вообще. Именно поэтому она с трудом переносит мысль о страданиях, пытаясь о них как можно быстрее забыть. И этому способствует отделение познания от воли, выраженное в разделении этической и гносеологической проблематики. Автономная этика не имеет права ставить под вопрос то, что не связано с человеческой волей. Страдание, если оно не причинено кем-то, оказывается для нее по ту сторону добра и зла и воспринимается как что-то естественное, но абсолютно бессмысленное. Напротив, ощущение смысла страданий подразумевает их неестественность, исключительность по отношению к нашему существованию. Страдание и смерть обретают свой подлинный смысл лишь там, где мыслятся в качестве особого божественного установления, кары, напоминающей человеку о Боге. Глубокий символизм библейского рассказа о вкушении плодов с Древа познания Добра и Зла, с его «смертию умрете», наилучшим образом выражает столкновение автономной этики не только с реальностью страданий, но и с глубиной самого знания, превосходящей наше автономное обладание им. Здесь человек начинает понимать, что знание не у него в руках, а все еще принадлежит его Дарителю, не считающемуся с «возможностями» нашего автономного знания. В конечном итоге, именно об этом свидетельствует художественно выразительная мысль Достоевского и, прежде всего в «Записках из подполья», разбивающих глухую стену между знанием и волей, возведенную в Новое время.

Литература

1.Кант И. Сочинения в шести томах, т.4 М.: Мысль, 1965.

2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах, Л.: Наука, 1972- 1990.

3. Шестов Лев, Избранные сочинения, М.: Ренессанс, 1993.

4. Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским, М. Советский писатель, 1990.

5. Шестов Лев, Собр. соч. в двух томах, т. 2, М.: Наука, 1993.

6. Кант И. Критика чистого разума, СПб.: Наука 1995.

7. Делез Ж. Ницше, СПб.: AXIOMA, 1997.

8. Хоркхаймер М. Адорно Т., Диалектика просвещения, М., С-Пб.: Медиум, Ювента, 1997.

9. О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие, М.: «Молодая гвардия», 1991.

Информационная функция историографии русской философии на рубеже XX-XXI веков

Л.Б. Черноскутова

Постсоветский период развития историографии русской философии можно назвать «золотым веком» историографии, в котором гармонично взаимодействуют две тенденции: традиционалистская и новаторская.

Традиционализм проявляется в сохранении и избирательном применении достижений, в более углубленном изучении определенных тем и «сквозных сюжетов». Новые же элементы философского творчества возникают, когда современная историография выполняет функции, свойственные практически каждому виду культурной деятельности – приращении нового. Первая задача связана с проблемами поиска и предоставления информации о своем предмете, вторая содержит в себе спекулятивный элемент и предполагает возможное воздействие на процесс формирования методологических установок и научных мнений. Осуществление этих функций производят отдельные авторы, коллективы и локальные историографические школы, являющиеся частью научного сообщества в целом.

Современную историографию русской философии можно проанализировать в различных ее аспектах: информационном, научно-методологическом и педагогическом. *Информационная* функция историографии связана с поиском и предоставлением справочных и содержательных сведений о предмете. Данную задачу решает источниковедение. В научной литературе [15,35] источниковедение понимается как сумма различных дисциплин: исторической критики, палеографии (изучает графические особенности письма и печати различных эпох, в том числе современной), дипломатики (изучает формуляры памятников письменности, то есть их составные части) и информатики. Информатика охватывает весь историографический цикл - от эвристики (поиска и обзора источников) до археографии (подготовки текстов к публикации). Итак, информационная функция историографии складывается из поиска сведений (эвристики) и предоставления её потребителю (этим в большей степени занимается археография). При этом в подготовке к публикации, издании текстов в большей или меньшей степени присутствует внесение со стороны исследователя субъективного элемента. По мере увеличения доли авторской интерпретации и уменьшения доли источника можно выделить такие уровни справочного аппарата (или информационной системы) историографии, как

- публикация полных авторских текстов;
- составление антологий и хрестоматий;
- предоставление информации об истории русской философии в словарях;
- создание учебных пособий, научных исследований и историографических работ литературно-публицистического жанра.

В конце XX века было переиздано значительное количество работ русских философов XIX-XX веков. Необходимо назвать две большие серии, в которых выпускались книги: это серия “Из истории отечественной философской мысли, издававшаяся как приложение к журналу “Вопросы философии” в издательстве “Правда” и серия “Философское наследие”, представляющая читателю работы различных философов, в том числе и русских. В них были опубликованы труды В.С.Соловьёва, А.Ф.Лосева, С.Л.Франка, Г.Г.Шпета, П.А.Флоренского, В.В.Розанова, Н.О.Лосского, Д.И.Писарева, А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, М.А.Бакунина, К.Д.Кавелина, И.А.Ильина, П.Д.Юркевича и многих других. В серии “Мыслители XX века” издательство “Республика” выпустило работы философов “серебряного века” А.Белого, В.Иванова, В.В.Розанова. Результатом источниковедческой деятельности кафедр различных университетов России также явились многочисленные издания трудов русских философов. Например, кафедра истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета подготовила к изданию труды Н.А.Бердяева, А.И.Введенского, С.Л.Франка, Б.Н.Чичерина, Н.О.Лосского, Аввакума Петрова, а также сборники “Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьёв”, “Мыслители русского зарубежья. Бердяев, Федотов”, “Смысл жизни в русской философии” и другие . [1, 3, 7, 13, 16, 17, 19, 23, 27, 31, 32, 33, 36, 37, 39].

Издательство Уральского университета также выпустило хрестоматии по истории русской философии, охватывающие источники XVIII-XX веков. [18, 24, 25]. В конце XX

века часто издавались хрестоматии и антологии по истории русской философии: от пособий для школьников, типа “Из истории русской гуманистической мысли” [11] до изданий, рассчитанных на профессионального читателя, где была проведена основательная источниковедческая работа для подготовки текста, составления примечаний и вступительных статей, как, например, антология “Русская философия. Конец XIX - начало XX века”[26]. Особо надо оговорить публикацию в начале 90х годов историографических работ по русской философии, созданных в более ранние периоды. Это переиздания А.И.Введенского, А.Ф.Лосева, Э.Л.Радлова, Г.Г.Шпета [8], прот.Г.Флоровского [22], В.В.Зеньковского [10], Н.О.Лосского [14], С.А.Левицкого [12], А.Пайман [21]. Их публикация очень важна для полноты сведений по данному вопросу, хотя эти труды были созданы в другое время. Можно утверждать, что 90-е годы стали периодом компенсации, восполнения того мощного пласта философской культуры, который в предыдущие годы не был предметом активного интереса со стороны источниковедения и историографии.

Большая часть авторов, чьи книги выпускались в сериях типа “Из истории отечественной философской мысли”, жили не в очень отдаленный период, поэтому вопросы эвристики (то есть поиска материалов для публикации) и текстологии (то есть выявления подлинности текста, периода его создания и установления авторства) при источниковедческой работе, очевидно, не были актуальными. Однако публикация работ русских философов XIX-начала XX века имеет не только методическую, “техническую” издательскую сторону. Интерес, который вызвали эти книги, и который отчасти стимулировал их дальнейшее появление, можно назвать культурным феноменом российского общества конца 80х - начала 90х годов. Этот период можно назвать временем расцвета историографии русской философии, когда она привлекла внимание к авторам XIX- XX века, до этого мало известным отечественной читающей публике. «”Возвращение из небытия” этих философов во второй половине 80х - начале 90х годов, переиздание их работ нашло в стране такой эмоциональный и интеллектуальный отклик, который невозможно объяснить чисто рациональным интересом. Эта философия заставляла многих из нас - людей, отделённых от её создателей временем, социальным происхождением, воспитанием, образом жизни, понять и почувствовать в ней, при всех её несовершенствах, то глубоко родное, отсутствие чего не может быть возмещено никакой интеллектуальной изощрённостью.»[2, с.736]. В принципе, этот интерес объясняется такими причинами, как резко проявившийся в тот период антисоветизм, а также восприятие идеализма как антимарксизма. Можно утверждать, что публикация русских философов XIX - начала XX века в качестве духовного явления в жизни российского общества явилась одних из ярчайших показателей смены культурных эпох.

С точки зрения обновления знаний показательно содержание изданных в последние годы словарей, посвящённых истории русской философии. Какие же принципы положены в основу их создания? Тут можно отметить несомненную множественность подходов, различающую их авторов. И всё же вышедшие за последние годы словари можно разделить на две группы: это издания, претендующие на универсальность знания о русской философии (то есть стремящиеся охватить все периоды, персоналии и наиболее известные понятия) и издания, посвящённые какой-либо теме или периоду.

Словари, изданные в 90е годы XX века по истории русской философии, можно по другому принципу также разделить на два вида: энциклопедические и биографические. К первым относятся такие издания, как “Русская философия. Малый энциклопедический словарь” под редакцией А.И.Алёшина [28] и “Русская философия. Словарь” под общей редакцией М.А.Маслина, составитель П.П.Апрышко[29]. Словари этого вида содержат статьи различных тематических направлений. Во-первых, это статьи, посвящённые персоналиям, где кратко описаны биография какого-либо автора, основные произведения, философское учение, библиография. Словари энциклопедического типа претендуют на

всеобщность и содержат информацию обо всём традиционно признаваемом периоде существования русской философии от XI века до современности.

Статьи второго типа посвящены уже не только философам, но и результатам их профессиональной деятельности. Это книги, журналы; традиционные понятия; явления философской жизни, а также общественные организации и институты, связанные с философией.

Какие же методологические принципы положены в основу создания энциклопедических словарей? Можно отметить такую особенность современных словарей, как стремление к наибольшей информативности, фактичности, "добротности реферата", объективности, а также минимальному внесению субъективного авторского элемента со стороны составителей и редакторов.

К словарям другого вида относятся биографические, посвящённые только персоналиям. Современные биографические словари охватывают определённые периоды в истории русской философской мысли и на всеобщность не претендуют. Примером этого служат такие издания, как "Русские мыслители второй половины XIX-начала XX века" (составители Б.В.Емельянов и В.В.Куликов) [9] и "Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды" под редакцией П.В.Алексеева[38]. Статьи первого словаря составлены по такому принципу: указываются основные события биографии и труды какого-либо мыслителя. Во втором словаре описываются также основные философские идеи представленных авторов, причём с максимальной объективностью, так как примерно для половины статей авторы, наши современники, сами предоставляли о себе сведения. Что же касается принципа отбора персоналий для словарей, то можно сказать, что это многообразие: составители не стремятся реализовать какую-то идеологическую концепцию, в которую бы вписывались те или иные мыслители. Современное источниковедение имеет такую особенность, как составление именных указателей при публикации какой-либо работы по истории русской философии или учебного издания типа курса лекций. Например, очень основательный "Краткий словник деятелей русской мысли второй половины XVII в." является приложением к книге В.С.Никоненко "Русская философия накануне петровских преобразований" [20], и в нём представлена информация, которая дополняет другие словари.

Если проанализировать современные словари с точки зрения сопоставления идеалистической или материалистической философии, то первая оказывается вполне освещенной, и вторая также не выглядит обездоленной. В принципе, методологическая установка на приоритет материализма была преодолена справочной историографией еще на последних стадиях марксистского периода, и традиция равноправия присутствует в ней и в настоящее время. Само создание словарей очень показательно с точки зрения преемственности, потому что в советский период историография русской философии получила ту определённость и систематизацию, которая является несомненным достоинством современного. Внесение в «научную» и «объективную» историографию субъективных характеристик, в той или иной степени присущее всем гуманитарным дисциплинам, играет определённую роль, поскольку *информационная* функция историографии связана не только с сохранением имеющегося знания, но и приращением нового. Анализируя спекулятивный авторский элемент в источниковедении, необходимо рассмотреть особенности учебно-методических и публицистических историографических исследований. Принципы создания таких работ разнообразны, но все они обращены к определенным темам или периодам и укоренены в определенной историографической традиции. Тут неизбежно встает вопрос о разных историко-философских школах и способах их идентификации. При первом приближении самый простой способ определения - географический. Однако его нельзя признать достаточным в силу универсальности философского пространства России, так как современные исследователи печатаются во многих городах, при подготовке и выпуске различных изданий возникают межрегиональные авторские коллективы (примером может служить "Введение в русскую

философию" (М., "Интерпракс", 1995), в создании которого участвовали историки русской философии из разных частей страны). Очевидно, что в данной сфере существует единое научное сообщество, занятое общей профессиональной деятельностью и при этом разделенное на историографические школы. Калужский автор А.С.Стрельцов в своей работе "Русская философско-религиозная школа", размышляя о том, как вообще возникает философская школа, определяет это понятие следующим образом: "Основным школообразующим принципом в философии выступает единство методологических основ философских систем разных авторов. Они могут различаться по национальному, географическому, временному признакам, но они должны быть едины в методологии. Общность и единство здесь необходимы... "Философская школа" в философии представляет собой комплекс философских систем и концепций, включающий в себя различных авторов и их творческие образования, объединенных на основе схожести исходных позиций или строгого единства методологических принципов."[34, с.10]. Уточняя, можно отметить, что еще одним объединяющим свойством оказывается традиция, возникающая благодаря не только научной, но и образовательной деятельности вузовских кафедр. Несмотря на различие методологических принципов (марксистское представление об историко-философском процессе как борьбе идеализма и материализма или стремление переосмыслить роль русского идеализма) очевидна преемственность, существующая между творчеством А.А.Галактионова и П.Ф.Никандрова и современной деятельностью кафедры истории русской философии СПбГУ (или между работами М.Т.Иовчука и Г.С.Васецкого и нынешней московской историографией). Различные методологические установки, применяемые при создании учебно-образовательной литературы, формируются исходя из того, что их авторы признают характерными особенностями русской философии вообще и ее жанровой специфики в частности, и это можно посмотреть на примерах различных изданий. Иногда авторские спекуляции отрывают исследователей от базовой источниковедческой информации, что искажает объективность историографии. Для историографии русской философии такой ловушкой является период XIX-начала XX века, который вызывает недооценку предыдущих периодов, как бы заманивает некоторых авторов в ловушку ветхих мифов дореволюционной историографии: несамостоятельности русской философии до начала XX века, её социальной направленности, морализаторства. [4,с.5],[5,с.8],[30, с.24]. Литература такого рода, замещая марксистские стереотипы в осмыслении идеалистической философии (которые были практически преодолены на последнем этапе предыдущего периода), оказывается, в большей степени, преемственна эмигрантской и дореволюционной историографии, в определенной мере утрачивая достижения советской. Подобные установки необходимо преодолевать вследствие того, что для дореволюционного периода была характерна отстранённость историко-философских исследований от средневековья, и при воспроизведении данной традиции происходит сужение исторической перспективы до такой степени, что некоторые авторы вновь видят отечественную философию "молодой" в начале двадцатого века. Недооценивая уже существующие достижения источниковедения, определенная часть научного сообщества оказывается невосприимчивой к основательно разработанной еще на советском этапе традиции изучения древнерусской философской мысли с определённым корпусом персоналий и тем, сознательно утрачивая определённую информацию. Равновесие спекулятивно-авторского и источниковедческого элементов проявилось в преемственности дореволюционной, марксистской и эмигрантской историографии в наработках тех направлений, которые условно (по географическому, методологическому и образовательному принципам) можно обозначить как указанные в статье екатеринбургская, московская и петербургская историко-философские школы. Публикация текстов, создание словарей, составление хрестоматий характерны для такого этапа в истории философии, как подведение итогов. В двухтысячные годы, благодаря появлению интернета, информационная функция историографии русской философии

получила дополнительные ресурсы. Информацию по истории русской философии можно изучать на сайтах, совмещающих в себе свойства электронных энциклопедий и электронных библиотек – например, Wikipedia.ru, antropology.ru, bogoslov.ru, lit.1september.ru, humanities.edu.ru, krugosvet.ru, filosof.historic.ru, а также на сайтах электронных библиотек типа koob.ru, vechi.net, filosophia.ru, e-library и электронной библиотеки ИНИОН (института научной информации по общественным наукам). Быстрый доступ к информации, безусловно, обогатил информационную источниковедческую функцию историографии русской философии.

Можно утверждать, что для развития философской мысли характерна такая закономерность, как смена преобладающих тенденций - в продолжение одного периода идёт бурное возникновение и разработка новых философских идей, концепций, живое творчество, качественно новый скачок в развитии знаний; в течение же следующего периода идёт обобщение, осмысление, изучение результатов предыдущего этапа, как бы “оседание”, воспроизведение творчества в исследованиях, объяснениях, интерпретациях его результатов, создании философских школ. Огромная работа, проделанная историками русской философии по источниковедению, и соответственное количество изданий и публикаций говорит о «собирательной» эпохе в истории русской философии. Настоящий период можно, скорее всего, охарактеризовать как эпоху “обобщения”, качественного осмысления созданных ранее сокровищ, что само по себе является творческим процессом, в котором ведущую роль играет именно *информационная* функция историографии русской философии.

Литература

1. Аввакум Петров. Послания и челобитные. Под редакцией А.Ф.Замалеева. Спб.,1995.
2. Алексеева И.Ю. Философия в современной России и русская философия. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1995, с.736.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Подготовка текста и комментарии А.А.Ермичёва. Л.,1991.
4. Богданова О.А., Зарубин А.Г., Новикова Р.П., Плотникова Т.В., Чернокозова В.Н. Введение в историю мировой философии (русская философская мысль второй половины XIX - XX в.в.). Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1995, с.5.
5. Введение в историю русской философии. Составитель: С.В.Никитин. Саратов, 1992, с.8.
6. Введение в русскую философию М., “Интерпракс”, 1995
7. Введенский А.И. Статьи по философии. Подготовка текста и комментарии А.А.Ермичёва. Спб.,1996.
8. Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. Сост., вступ.ст., примеч. Б.В.Емельянова, К.Н.Любутина. - Свердловск: Изд-во Урал.ун-та,1991.
9. Емельянов Б.В., Куликов В.В. Русские мыслители второй половины XIX-начала XX века. Опыт краткого библиографического словаря. Екатеринбург, издательство Уральского университета, 1996.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2х томах, Л.,1991.
11. Из истории русской гуманистической мысли: Хрестоматия для учащихся старших классов / Составитель А.Ф.Малышевский и др.; Общая редакция А.Ф.Малышевского; Научная редакция А.И.Ракитова. - М.: Просвещение,1993.
12. Левицкий С.А.Очерки по истории русской философии. Сочинения. М., 1996.
13. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Под редакцией А.Ф.Замалеева. Спб.,1994.
14. Лосский Н.О. История русской философии. М.,1991.
15. Михайлов А.И., Полушкин В.А. Теория научной информации - новая самостоятельная научная дисциплина - НТИ, 1963, N3, с.3.

16. Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. Под редакцией А.Ф.Замалеева. СПб.,1996.

17. Мыслители русского зарубежья. Бердяев, Федотов. Под редакцией А.Ф.Замалеева. СПб., 1992.

18. Н.А.Бердяев о русской философии /Сост., вступ.ст. и прим. Б.В.Емельянова, А.И.Новикова.- Свердловск. Изд-во Урал.ун-та, 1991.

19. Н.А.Бердяев: pro et contra. Антология. Под редакцией А.А.Ермичёва. СПб.,1994.

20. Никоненко В.С. Русская философия накануне петровских преобразований. СПб, Изд-во С.-Петербургского университета, 1996, с.199-215.

21. Пайман А. История русского символизма. М.,1998.

22. Прот.Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Киев.,1991.

23. Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьёв. Под редакцией А.Ф.Замалеева. Спб.,1991.

24. Русская философия второй половины XIX века. Хрестоматия: (в 3ч.) Сост. Б.В.Емельянов.- Свердловск. Изд-во Урал.ун-та, 1991.

25. Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Сост. Б.В.Емельянов. - Свердловск, Изд-во Урал.ун-та, 1990.

26. Русская философия. Конец XIX-начало XX века. Антология. Вступительная статья А.А.Ермичёва, составление и примечания Б.В.Емельянова, А.А.Ермичёва. - СПб.; Издательство С.-Петербургского университета, 1993.

27. Русская философия. Конец XIX-начало XX века. Антология. Подготовка текста и комментарии А.А.Ермичёва. СПб.,1993.

28. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. Под редакцией А.И.Алёшина - М.:Наука,1995.

29. Русская философия. Словарь/под общ.ред. М.А.Маслина. Составитель А.А.Апрышко.1-е изд.: М.: Республика, 1995; 2-е изд.: М.: Терра-Книжный клуб, Республика, 1999.

30. Русская философская мысль конца XIX - начала XX века. Учебно-методическое пособие. Составители Р.А.Волкова, Н.Т.Стрельник. Пенза, 1995, с.24

31. Русская философская поэзия. Четыре столетия. Под редакцией А.Ф.Замалеева. СПб.,1992.

32. Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов. Под редакцией А.Ф.Замалеева. СПб., 1995.

33. Смысл жизни в русской философии. Под редакцией А.Ф.Замалеева. СПб.,1995.

34. Стрельцов А.С. Русская философско-религиозная школа. Калуга, 2000, с.10.

35. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М.,1983.

36. Федотов Г.П. О святости, интеллигентности и большевизме. Избранные статьи. Под редакцией А.Ф.Замалеева. Спб.,1994.

37. Философия реализма: Из истории русской мысли. Сборник статей. Под редакцией А.Ф.Замалеева. СПб., 1997.

38. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. Под редакцией И.Ю.Алексеева. 1-е изд. - М.: Книга и бизнес, 1993; 2-е изд. - М.: Книга и бизнес, 1995; 3-е изд. - М.: Акад.проект, 1999; 4-е изд. – М.: Акад.проект, 2002.

39. Франк С.Л.Русское мировоззрение. Подготовка текста и комментарии А.А.Ермичёва. СПб.,1996.

О множестве логических функций

А.А. Яйлеткан

Посвящается
светлой памяти Зураба Отаровича Джалиашвили

Известно, что n видовых множеств разбивают универсум U на 2^n классов, объединение которых во всех возможных комбинациях позволяет получить 2^{2^n} множеств (включая классы) [1]. Множество – это объем понятия, заданный высказывательной формой. Следовательно, 2^{2^n} множеств задаются 2^{2^n} высказывательными формами, являющихся логическими функциями.

Основными логическими функциями в языке классической логики высказываний (КЛВ) являются: отрицание, конъюнкция, дизъюнкция, импликация, неравнозначность, эквиваленция. Их всего шесть, соответствующих известным лексико-грамматическим логическим связкам. Достаточно ли их для того, чтобы описать все 2^{2^n} высказывательные формы при любом значении n?

Для выяснения этого вопроса были проведены исследования в языке логики BFSN [2, 3], включающий в себя синтаксис:

алфавит

1) операция *утверждения* – соответствует введению переменных a, b, c, …, x_1, x_2, … для высказывательных форм, задающих объемы множеств на универсуме;

2) операция *дополнения* – определяет высказывательные формы дополнений $(1\text{-}a)$, $1\text{-}b)$, $(1\text{-}c)$, …, $(1\text{-}x_1)$, $(1\text{-}x_2)$, …, задающих объемы множеств дополнений на универсуме;

3) операция *строго перечисления* `×` – логическое умножение;

4) операция *соединительного перечисления* `+` – логическое сложение по модулю 2;

5) вспомогательные знаки – `(` - левая скобка, `)` - правая скобка;

правила образования функций:

1) переменные для высказываний есть функции;

2) если a – функция, то дополнение $(1\text{-}a)$ есть функция, такая, что выполняется закон исключенного третьего

$u_a = a + (1\text{-}a)$ – функция;

3) если a – функция и b – функция, то выполняется расширенный закон исключенного третьего:

$$\begin{aligned} u &= u_a \times u_b = \\ &= [a + (1\text{-}a)] \times [b + (1\text{-}b)] = \\ &= a \times b + a \times (1\text{-}b) + (1\text{-}a) \times b + (1\text{-}a) \times (1\text{-}b) = \\ &= c_1 + c_2 + c_3 + c_4 = \\ &= \sum_{i=1}^{4} c_i \text{ – функция,} \end{aligned}$$

где c_i – функция i-го класса, образованная элементарным перечислением и называемая элементарной функцией;

в общем виде: если $x_1, x_2, \ldots, x_n$ – функции, то

$u = \sum_{i=1}^{2^n} c_i$ – функция, содержащая 2^n элементарных функций;

4) для получения всех возможных из 2^{2^n} логических функций введем наборы коэффициентов истинности $\{\alpha_i\}_j$ из таблицы истинности:

$f_j = \sum_{i=1}^{2^n} \alpha_i \cdot c_i$ – j-я функция, одна из 2^{2^n} логических функций,

причем каждый коэффициент α_i из *j*–го набора, принимающий значение *1* или *0* показывает, входит элементарная функция c_i в функцию f_j или нет;

5) никакое другое выражение функцией не является.

Дадим определения основным логическим функциям (КЛВ) в языке логики BFSN.

Конъюнкция – это логическая функция, задающая объем *центрального понятия*, выражаемая элементарной функцией утверждений:

$f_\wedge = c_1$.

Конъюнкция является единственной из 2^n элементарных функций.

Дизъюнкция – это логическая функция, задающая объем *утвердительно обобщающего понятия*, выражаемая соединительным перечислением всех элементарных функций за исключением элементарной функции дополнений:

$$f_\vee = \sum_{i=1}^{2^n-1} c_i \text{ или}$$

$f_\vee = 1 - c_n$.

Дизъюнкция является единственной из $(2^{2^n} - 2^n)$ функций соединительных перечислений.

Эквиваленция – это логическая функция, задающая объем *противоположных понятий*, выражаемая соединительным перечислением элементарных функций утверждения и дополнения.

$f_\leftrightarrow = c_1 + c_n$.

Основной функцией эквиваленции является сохранение центрального понятия. Эквиваленция является единственной из $(2^{2^n} - 2^n)$ функций соединительных перечислений.

Неравнозначность – это логическая функция, задающая соединительный объем понятий *ранжируемых неравнозначностей*, выражаемых ранжируемыми соединительными перечислениями типа:

для двух свойств – либо *a*, либо *b*:

$f_\oplus = c_2 + c_3$;

для трех свойств – либо *ab*, либо *bc*, либо *ac*:

$f_{\oplus 1} = c_2 + c_3 + c_5$;

либо *a*, либо *b*, либо *c*:

$f_{\oplus 2} = c_4 + c_6 + c_7$;

для четырех свойств – либо *abc*, либо *bcd*, либо *acd*, либо *abd*;

либо *ab*, либо *ac*, либо *ad*, либо *bc*, либо *bd* , либо *cd*;

либо *a*, либо *b*, либо *c*, либо *d*;

и так далее. При этом объем понятия, заданный полной неравнозначностью $\sum f_{\oplus i}$ (где *i* от *2* до *n-1*), и объем понятия, заданный эквивалентностью, при объединении полностью совпадают с объемом понятия универсума. Полная неравнозначность представлена в количестве *(n-1)* из $(2^{2^n} - 2^n)$ функций соединительных перечислений.

Импликация – логическая функция, соответствующая закону дедукции [4].

Таким образом, общезначимые логические функции представляют собой всего *(n+2)* функций из 2^{2^n} возможных.

Выводы:

– логические операции в языке логики BFSN аналогичны теоретико-множественным операциям над множествами;

– общезначимым логическим функциям в языке КЛВ даны определения через логические операции в языке логики BFSN (а не правилами приписывания значений истинности логическим функциям, как это принято в традиционных подходах);

– найден алгоритм образования логических функций для любого набора значений истинности;

– введено понятие ранжируемых неравнозначностей;

– подтверждена общезначимость логических функций в языке КЛВ;

– выдвинута гипотеза, что булевы функции являются не чем иным, как теоретико-множественными операциями, рассмотренными в алфавите в языке логики BFSN;

– общезначимые функции полностью покрывают логическое пространство универсума.

Литература

1. Столяр А.А. Логическое введение в математику. Мн.: Вышейшая школа, 1971.
2. Яйлеткан А.А. Логика BFSN. Конспекты научно-методологических исследований: обобщение и систематизация основ математической логики. Тюмень: ТОГИРРО, 2002.
3. Яйлеткан А.А. Метод учета изменения градиентов отрицания в функциях отношений между объемами понятий в технологии построения конечно-бесконечных диаграмм Эйлера-Венна. // Материалы IX Общероссийской научной конференции "Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке". СПб., 2006. – С. 408-410
4. Светлов В.А. Современная логика. Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006.

* Работа выполнена в рамках исследований по реализации проекта «Философский и социологический анализ коммуникативных процессов, связанных с использованием информационно-компьютерных технологий при изучении социально-гуманитарных дисциплин», осуществляемого по программе «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлениям: «Психологические и педагогические науки», «Экономические науки», «Юридические и политические науки», «Философские науки, социологические науки и культурология», «Филологические науки и искусствоведение», «Исторические науки» в рамках мероприятия 1.2.2 Программы».
Конкурс НК-429П
Государственный контракт П2415 от 18.11.2009

* Работа выполнена в рамках исследований по реализации проекта «Философский и социологический анализ коммуникативных процессов, связанных с использованием информационно-компьютерных технологий при изучении социально-гуманитарных дисциплин», осуществляемого по программе «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлениям: «Психологические и педагогические науки», «Экономические науки», «Юридические и политические науки», «Философские науки»

2 ИСТОРИЯ

Создание и начало развития оптического производства в России

Коротков С.Н.

Исследование, предпринятое на кафедре всемирной истории СПбГУ ИТМО, направлено на изучение становления в России оптического производства – одного из самых передовых и технологически сложных (как в начале XX века, так и сегодня). Хронологические рамки исследования определяются задачами проекта и историей развития отечественной оптики: от зарождения (конец XIX века) до формирования крупного производства и складывания самостоятельной оптической науки (конец первой трети XX века).

Значение исследования формирования передовой отрасли экономики, завоевания технологической независимости в современной России трудно переоценить, особенно в связи с проблемами военно-политических, технологических и др. конфликтов, продемонстрировавших всю свою актуальность в период интенсивной глобализации и дальнейшего развития научно-технической революции (НТР) на рубеже XX и XXI столетий.

Нетрудно увидеть связь важнейших событий мировой истории (развития международных отношений, развития военного дела, технологического прогресса) с вопросами внутреннего развития России, формирования государственной политики по отношению к проблеме завоевания (сохранения) технологической независимости. Такая государственная политика требует современного исторического исследования. Исследование становления оптического производства позволяет по-новому увидеть многие фундаментальные проблемы истории России на рубеже XIX – XX вв., такие, например, как роль государства в развитии экономики, особенности деятельности частного предпринимательства, общественного восприятия правительственной политики. Формирование нового высокотехнологичного производства привело к серьезным социальным последствиям: формированию новых профессий и новых социо-профессиональных групп, были созданы новые учебные заведения и новая отрасль науки.

Несмотря на большую актуальность изучения процесса становления оптической науки и производства в России, тема изучена недостаточно. Литература по истории отдельных технических вопросов довольно богата. В отечественной науке существуют обзоры истории российской оптики (В.И.Лебедева, В.А.Гурикова), большие исследования некоторых тем истории оптической промышленности (из современных – М.М.Мирошникова), небольшие работы по отдельным сюжетам (Н.А.Власова, Т.И. Мокеев, Ю.Н.Ушакова)[1]. В зарубежной историографии рассматриваемым нами вопросам не уделили должного внимания, можно отметить исследования государственной политики в области промышленного строительства, а упоминания оптического производства носят случайный характер. В целом работы предшественников создают благоприятную историографическую ситуацию для исследования.

В предлагаемом проекте все упомянутые выше аспекты темы впервые сводятся воедино, придавая ему инновационный характер в рамках как отечественного, так и мирового исследовательского опыта.

К началу XX века в России не существовало собственной оптико-механической промышленности. Оптические приборы и изделия точной механики для армии и научных учреждений приобретались за рубежом, в основном в Германии и Франции. Существовали лишь мастерские, занимавшиеся сборкой остро востребованных русскими армией и флотом приборов из импортных комплектующих. Зависимость от иностранного производства была осознана руководством страны, и были предприняты определенные шаги по созданию отечественной отрасли. Как известно, толчком к созданию Механико-оптического отделения ремесленного училища цесаревича Николая (явившегося началом

развития пионера и одного из лидеров российской оптической науки и образования - СПбГУ ИТМО) было предложение А.П.Белановского создать Правительственную часовую школу, что представлялось ему и поддержавшему А.П.Белановского императору Александру III необходимым для создания часового производства в России. При обсуждении проекта основания часовой школы было внесено предложение о создании обучения «вообще точным работам, дабы из школы выходили не только часовщики, но и одновременно с ними механико-оптики»[2]. В 1900 году с целью подготовки квалифицированного младшего руководящего звена (мастеров) для российской промышленности было организованно Механико-оптическое и часовое отделение в Ремесленном училище цесаревича Николая. После поражения в русско-японской войне становится очевидна необходимость создания производства отечественных оптических приборов, прежде всего для боевых кораблей. В 1905 году была сформирована Оптическая мастерская на Обуховском заводе. Выбор был сделан в пользу казённого завода, что значительно повлияло на судьбу частной промышленности. Этот выбор был исторически предопределен. В России существовали небольшие оптические производства, добивавшиеся определенных успехов и даже получавшие награды международных выставок за отдельные образцы своей продукции. Однако существовали объективные пределы развития частного оптического предпринимательства: узкий потребительский рынок, недостаток квалифицированных рабочих и полное отсутствие производства в России оптического стекла. Один из родоначальников отечественной оптической науки Д. С. Рождественский отмечал, что производство оптического стекла - одно из самых тонких и трудных, так как к оптическому стеклу предъявляется требование необычайной однородности. Социальная и технологическая отсталость России являлась, таким образом, важнейшим препятствием на пути развития отечественной оптики.

Более осознанно и целостно проблемы оптического производства воспринимаются в обществе по мере развития связанных с оптикой новых отраслей деятельности и знания: таких как кинематография, рентгеноскопия, аэрофотосъёмка. Ожидали, что, как и в европейских странах, где важнейшую роль в уже достаточно развитом оптическом производстве играл частный капитал, русские предприниматели возьмут в свои руки инициативу. Однако этого не произошло. Сетования на частную промышленность сыпались со всех сторон. Представим весьма характерное рассуждение времени: «Фабриканты русского стеклянного производства не считались до сих пор… с потребностями научного мира, – для них являлось безынтересным приготовлять стекло для научных целей и инструментов, – стекло, требующее большего совершенства производства, между тем как в продаже оно может обращаться в небольшом количестве, и, следовательно, по их мнению, не представит коммерческих выгод. К этой причине следует отнести то обстоятельство, что *самостоятельное* оптическое производство… с большим трудом привилось в России»[3].

Инициатива, как и во многих других отраслях экономики, осталась в руках правительства. В этом были как свои положительные, так и отрицательные стороны. К положительным отнесем то обстоятельство, что очень медленно, но дело сдвинулось. Отрицательные относятся к тому, как это было сделано. Развитие оптики было вынужденным, и, прежде всего, его требовали военные нужды. Военные эксперты объективно оценили технологическую ситуацию в России как неудовлетворительную для такого сложного производства как оптическое. Военные ведомства покупали оптику заграницей, переплачивая посредникам, платя за патенты, покупку оборудования для проведения в России испытаний выбранной в Европе техники, то есть покупали втридорога, но получали в результате такие инструменты, какие хотели, то есть «первоклассные», и таким образом решали проблему.

Поскольку дорогостоящие заказы за границей промышленных изделий производились ведомствами в огромных количествах, в правительстве всегда находились лица, которые выражали беспокойство таким положением. Министерство финансов, Государственный

контроль, Министерство торговли и промышленности периодически поднимали вопрос об ограничении казённых заказов за границей. Оборонным ведомствам как крупнейшим заказчикам приходилось отстаивать свою импортную политику, мотивируя её необходимость невозможностью скоро наладить внутреннее производство, дороговизной отечественных изделий или вообще отсутствием таковых. Эти столкновения часто возникали из-за недостатка ассигнований, что приводило к стремлению экономить отпущенные средства. При этом российские изделия в подавляющем большинстве случаев оказывались дороже привозных, уступая им ещё и в качестве или сроках исполнения. Политика размещения заказов в Европе отличалась крайними противоречиями и непрерывной борьбой, как в правительстве, так и в русском обществе, особенно после создания Государственной Думы. В прессе периодически возникала громкая кампания требования размещения всех сколько-нибудь значительных промышленных заказов внутри России, особенно оборонных. Хотя оптическая отрасль при этом не называлась как таковая, однако, речь шла о принципиальной необходимости развивать отечественные производства стратегического назначения, в число которых естественно попадало и приборостроение. Особенно явно давление на правительство со стороны Государственной Думы и общественного мнения усилилось к 1914 г. в связи с резким ухудшением германо-российских отношений. Германия же являлась ведущим торгово-промышленным партнёром России и важнейшим экспортёром оптической продукции. Такое давление, несомненно, оказывало влияние на общую политику ведомств, финансирование дефицитных отраслей и стремление покрыть промышленный недостаток путём организации внутреннего производства. Таким образом, политика «русскими руками, из русских материалов и в России» всё больше укоренялась как политический лозунг и необходимость, хотя, конечно, не могла преодолеть иностранной зависимости в короткое время.

Надвигающаяся война Германией, основным производителем оптических приборов того времени, ускорила принятие решения о создании собственной оптической промышленности. В феврале 1914 года принимается решение о создании Российского Акционерного Общества Оптического и Механического Производств (РАО ОМП), будущего ЛОМО (завод после национализации в 1918 году носил несколько названий, наиболее известное из которых ГОМЗ им. ОГПУ). РАО ОМП создавалось для производства «приборов, входящих в область оптики и точной механики – дальномеров, биноклей, призматических труб, микроскопов, фотографических объективов, геодезических и небольших астрономических инструментов». Работа нового завода была крайне усложнена военными условиями, когда невозможно было получить необходимые оборудование и сырьё, острой оставалась проблема недостатка специалистов.

Первая Мировая война самым серьезным образом повлияла на ситуацию с оптикой в России. Страна вступила в Первую Мировую войну без собственной оптико-механической промышленности, при полном отсутствии российского производства оптического стекла. Поэтому одной из причин отступления русских армий в 1915-1916 гг. можно назвать (наряду с отсутствием артиллерийских боеприпасов) нехватка оптических приборов военного назначения – артиллерийских прицелов, буссолей, стереотруб и даже полевых биноклей, обычно закупаемых в Германии у первоклассных оптических фирм Лейтц, Цейс и Герц. Союзники также не торопились поделиться секретами производства стекла. Секрет был известен только трём фирмам в мире и был куплен у фирмы Ченс в Англии, но требовал большой разработки. Поэтому военное руководство царской армии и, в частности Главное артиллерийское управление (ГАУ), уже в 1916 г. делало настойчивые попытки организовать оптические заводы в Петрограде (ГОМЗ) и в Москве (ГОЗ) на базе оптических мастерских Швабе. Выделялись ассигнования в десятках миллионов рублей золотом на организацию производства оптического стекла – основы оптической промышленности. Была предпринята попытка организовать производство оптического

стекла на Фарфоровом заводе в Петербурге, при этом планировалось, что большая часть произведенного стекла будет бракованной.

Летом 1916 г. Военное министерство добилось отпуска ему кредита из государственного казначейства на строительство в течение 1917 г. завода оптического стекла в Изюме, Харьковской губернии, который должен был принадлежать самому Военному министерству. При этом Военное министерство разумно мотивировало и причину строительства наряду с оптическим отделом Фарфорового завода своего, ведомственного предприятия, так как «в настоящее время… фарфоровый завод находится в Петрограде, относительно которого высочайшим повелением 26 февраля 1916 г. установлено не производить во время войны дальнейшего расширения заводов, и что эвакуация стекловаренного завода по самой сущности производства равносильна новой постройке его на новом месте. Таким образом, для надёжности обеспечения государства оптическим стеклом необходима постройка нового оптического завода для варки этого специального стекла»[4].

Завершение дела создания российской оптической науки и производства относится на советский период. Последовавшая в 1918 году организация Государственного оптического института была вызвана необходимостью проведения собственных научно-исследовательских работ в оптике. Создание Оптического общества в России (1922 г.) мы считаем завершением формирования самостоятельной оптической науки, развитие которой, в свою очередь, потребовало развития создания самостоятельного крупного оптического производства в России, начало которого следует отнести ко времени первых советских пятилеток.

Дальнейшее исследование истории отечественной оптики позволит решить новые вопросы, увидеть по-новому важнейшие проблемы русской истории.

[1] Власов Н.А. Мастерская на Обуховском //Астрономия и телескопостроение, 2003, №9; Гуриков В.А. Развитие прикладной оптики в России в XX в. М., 2007; Гуриков В.А. Особенности развития прикладной оптики в России в XX веке // Оправы и линзы, 2006, №1(31); Лебедев В. И. Оптика и стекло. Опыт истории. Вологда, 1928; Мокеев Т.И. Прицелы // Дуэль, 1999, №4.. Степанов Б. И. Очерки по истории оптической науки. Минск. 1978; Ушаков Ю.Н. Из истории механико-оптического и часового отделения ремесленного училища цесаревича Николая //Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. Выпуск 17. Гуманитарные и экономические проблемы. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2005.

[2] См. подробнее: Ушаков Ю.Н. Из истории механико-оптического и часового отделения ремесленного училища цесаревича Николая. С.173.

[3] Очерк истории оптики и истории оптического производства в России. Издание первое. СПб., 1899. С. 9.

[4] Военная промышленность России в начале XX века (1900 – 1917). Т. I. М., 2004. С. 624 – 625. № 182.

ОШАРИН А. В.

«Газетная война» между Германией, Россией и Австро-Венгрией в преломлении общественного мнения России (Февраль – апрель 1914 г.)

Публикация в газете «Кёльнише Цайтунг» с обвинением в адрес России, будто она ведёт военные приготовления для войны с Германией, и для предотвращения «русской опасности» необходима превентивная война против России, вызвала взрыв негодования и национал-патриотических откликов в русской печати. Это время не прошло бесследно в памяти современников, военных, дипломатов, политических деятелей России. Накал страстей оказался столь велик, что получил даже обозначение «газетная война», «чернильная война» и т. п. Однако, само это явление оказало воздействие не только на печать, а в полном смысле слова на умы и чувства тысяч немцев и русских.

В 1910-е гг. ещё не было массового радио, не было телевидения и, конечно, сети Интернет. Газета, телеграмма и, как всегда, слухи, особенно, «проверенные» самыми «солидными и компетентными» лицами, играли решающую роль в тех мнениях, оценках и настроениях, которые и создавали общественное мнение, если не считать более устойчивых явлений, как то: идеология, традиции, историческая память, опыт, стереотипы. Национализм, мессианизм, расизм господствовали в Европе. Народы как будто заново знакомились друг с другом и доказывали, каждый по-своему, собственную исключительность, самобытность или превосходство. Огромный авторитет имели «наука» и «идеи», подтверждавшие уровень образованности и развития общества. Брошюры, статьи, трактаты являлись практическим воплощением начал пропаганды и утверждения этих общественных идей и теорий.

Роль общественного мнения выражалась в представлении настроений, идей и политическом участии активных групп общества в жизни страны. Влияние общественного мнения проявлялось более многообразно и долговременно, чем можно предполагать, глядя на сегодняшнее прагматическое мышление в условиях долгого мира.

«Речь», «Утро России», «Голос Руси», «Новое время», «Русские ведомости», «Голос Москвы», «Земщина», «Колокол», «Свет» – лишь часть партийной или околопартийной прессы тогдашней России. Традиционные беспартийные органы «Биржевые ведомости», «Русское слово», «День», «Петербургские ведомости», «Биржевые известия», «Коммерческий телеграф», «Коммерсант» и множество газет «лёгкого» чтения типа «Петербургского листка», «Газеты-копейки» и им подобных создавали весьма широкий спектр органов, формирующих общественное мнение. Наиболее информированными и «проверенными» обычно являлись биржевые органы, среди которых ежедневными и давними являлись именно петербургские «Биржевые ведомости». Солидной и информированной из первых уст считалась газета, имевшая сеть заграничных корреспондентов. Остальные газеты лишь перепечатывали сообщения из других.

В отечественной историографии немного работ, посвящённых изучению общественного мнения России накануне или в годы первой мировой войны, по вопросам внешней политики Империи. Главную роль здесь сыграли работы В. И. Бестужева 1961, 1965 и 1968 гг.[1] В 1985 г. вышла известная работа А. С. Аветяна, предметом которой были русско-германские отношения. Он обратил внимание на «полемику в прессе» Германии и России как на вполне самостоятельный фактор взаимоотношений двух стран.[2] Наконец, в 1997 г. коллективный труд по истории внешней политики России начала XX века включал в себя целый ряд материалов различных историков: А. С. Аветяна, Э. Урибес Санчеса (глава «Российское общество и внешняя политика»), Е. Г. Костриковой («Русско-германская «газетная война»»).[3] Кругом этих авторов и их работ совсем не исчерпывается число исследований, которые включали в себя изучение российской периодики и отношения партий и течений общественного мнения по вопросам внешней политики

России. Но специальных работ на этот счёт по-прежнему мало, как явно недостаточно и представленных материалов. Существующие оценки сводятся к признанию важности самого вопроса. «Показателем напряжённости отношений двух стран, – пишет, к примеру, А. В. Игнатьев, – стала «газетная война», вспыхнувшая в феврале 1914 г.».[4] «Царское правительство хотело добиться снижения германских пошлин на продукты сельского хозяйства, – отмечает В. М. Хвостов, – и повысить собственные пошлины на фабрикаты. Предстоявшие переговоры вызывали ожесточённую полемику между русской и германской печатью. Атмосфера русско-германских отношений накалялась».[5]

Однако, в ещё большей степени такое утверждение может быть отнесено к политическому противостоянию России и Германии в прессе. Говоря о состоянии отечественной историографии, Д. С. Брыков в своей статье констатирует: «В то же время почти не рассматривалось отношение русской печати к «повседневным», общим задачам внешней политики России, отношение русской общественности к внешнеполитическим проблемам союзников по Антанте непосредственно накануне войны».[6] Е. Г. Кострикова рассуждает: «Одним из проявлений напряжённости в русско-германских отношениях была ожесточённая полемика, вспыхнувшая в прессе обеих держа в начале 1914 года и достигшая к середине февраля такой остроты, что получила название «газетной войны». Со стороны Германии она может рассматриваться как психологическая подготовка населения к грядущей войне».[7] В известной мере это можно сказать и о России. Э. Урибес-Санчес, рассматривавший внешнеполитические взгляды различных партий России, отмечал их солидарность с правительственным курсом в главном его постулате: «Во-первых, восстановление и упрочение великодержавного положения России на международной арене, реализация лозунга «Великой России», выдвинутого П. А. Столыпиным»[8]. Ю. А. Писарев отмечает, что «в начале 1914 г. невиданный размах приняла «газетная война» между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Сербией – с другой».[9]

«Газетная война» стала очередным витком той идейно-психологической борьбы общественных настроений, которые уже сложились в Германии и России. Эти настроения теперь в очередной раз укрепились и всё настойчивее влияли на общее состояние международных отношений в Европе, не говоря уже о двусторонних русско-германских отношениях.

Основными моментами этой «газетной войны» стали следующие:

1. В феврале 1914 г. два события привлекли внимание российской и германской прессы. Они стали отправными точками сильнейшей полемики, получившей среди историков название «газетной войны». Первым из них стала статья Д. Ульриха 18 февраля (2 марта) в германской полуофициозной «Kölnische Zeitung» под заглавием «Россия и Германия».[10] В статье говорилось, что усиленные вооружения России направлены против Германии, и в 1917 г. Россия закончит перевооружение и будет готова напасть на Германию. «…Достаточно указать на географическое распределение этих вооружений у западной границы, – отмечала газета, – свидетельствующее, что они направлены против Германии. Два года тому назад в России соблюдали ещё осторожность, а теперь об этом даже в официальных органах не скрывают, что Россия готовится к войне с Германией».[11]

27 февраля (12 марта) в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» под заголовком «Россия хочет мира, но готова к войне» вышла анонимная статья как бы в ответ на статью в «Кёльнише цайтунг» и другие антирусские публикации германской прессы.[12]

2. Статья в «Berliner Tagesblatt» 24 февраля под заголовком «Русский сосед» с призывом к превентивной войне против России, которой больше нельзя уступать. Эта статья на этот раз уже в либеральном органе германской прессы означала новый виток «травли России», как воспринималась она русской печатью. В ответ на неё последовали публикации в либеральных российских органах «Речь», «Русские Ведомости», «Современное Слово». Круг вовлечённых в полемику газет Германии и России ещё расширился.

3. Реакция в России в лице таких органов как «Новое время», «Русское слово», «С.-Петербургские ведомости», «Утро России», «Голос Москвы» на публикацию «Kölnische Zeitung» в духе отпора германским обвинениям и заявления о начале «похода против России в германской прессе».

4. Публикация 21 февраля (6 марта) в австрийском официозе военного министерства «Militärische Rundschau» известной статьи о будто бы предстоящей в России пробной мобилизации. Источник этого слуха не назывался, но сам по себе он вызвал «бурю тревоги» в официозной австрийской и в консервативной венгерской прессе («Neue Freie Presse», «Neues Wiener Tagesblatt», «Reichpost» и будапештского правительственного «Pester Lloyd», «Budapesti Hirlap»).[13]

5. Интервью министра иностранных дел С. Д. Сазонова корреспонденту венгерской газеты «AZ Est» 26 февраля с заявлением о заинтересованности России в добрых отношениях как с Германией, так и с Австро-Венгрией и подтверждением, что Россия желает видеть Австро-Венгрию на карте Европы территориально целостной. Сазонов категорически опроверг измышления о военных намерениях России в адрес своих великих соседей, но обосновывал русские вооружения потребностями обороны[14].

6. Статья в официозной «России» от 1 (14) марта под заголовком «К русско-германским отношениям» в духе примирения и возложения ответственности на германскую печать.[15]

7. Экстренное совещание по государственной обороне в Петербурге 1 (14) марта 1914 г. с участием всех фракций Государственной Думы и членами Совета министров, где единодушно было принято решение о новых ассигнованиях на сухопутные вооружения.

Реакция в России и Германии отразилась на тех группах общества, которые и без того отличались наибольшей воинственностью и крайностью. Кроме того, «газетная война» захватила и либеральные круги, и так называемые беспартийные. В Государственной Думе эта кампания вызвала «особую солидарность» правительства и всех думских фракций в решении об ассигновании 500 миллионов рублей на оборону. Речь шла о кредитах на увеличение вооружений, на подготовку к той самой войне, которая станет первой мировой.

Особую воинственность проявила в газетной борьбе московская пресса в лице «Голоса Москвы» и «Утра России». Оба органа вели кампанию за радикальный пересмотр прежних торгово-промышленных отношений с Германией, в пользу усиления таможенной войны и ограждения русских торговых интересов на Ближнем Востоке, в Персии и на Балканах. Московское купечество всё настойчивее требовало от Министерства торговли и промышленности, как и Министерства финансов ясной «боевой» позиции в отношении покровительства внешней частной торговле собственно русских, в первую очередь, московских торговых фирм и текстильных изделий. Пользуясь создавшейся напряжённостью, московские деловые круги претендовали на первоочередное к себе внимание со стороны правительства как на «истинно русские» интересы и общественно-политический «голос» России. Московская боевитость до известной степени использовалась и немецкой прессой в Германии для подтверждения наличия великорусского национализма, который всегда находит отклик и опору в лице экономического класса русских деятелей, настроенных категорически в антинемецком (антигерманском) духе, в сторону славянофильства с его именно московским оттенком.

«Газетная война» вызвала и дипломатический кризис в германо-русских отношениях. Несмотря на неоднократные заверения и опровержения послов двух стран в Петербурге и Берлине в смысле неизменности отношений двух стран, эти успокоения не могли развеять атмосферы озлобления, подозрительности и обиды в общественном мнении обеих Империй. В России оставалась уверенность, что к газетной кампании в Германии были причастны официальные круги, которые не только провоцировали её, но и во многом направляли сам характер пропагандистского похода против России.

При внимательном изучении этого «конфликта наций» нельзя не заметить следующего:

1) во многом он провоцировался германской стороной, причём не печатью самой по себе, а кругами, предпочитавшими себя оставлять в тени;

2) кампания в Германии нацеливалась на франко-русский союз, а не на одну политику России по отношению к Тройственному союзу;

3) в «газетную войну» между Германией и Россией сразу включилась печать Австро-Венгрии, которая и не прекращала кампании против России задолго до публикации «Кёльнише Цайтунг»;

4) в этом печатном конфликте важна была не только реакция русской и немецкой общественности, но и общеевропейский резонанс, поскольку ожидание войны между Тройственным союзом и Тройственным согласием не ослабевало.

Такими образом «газетная война» февраля – марта 1914 г. ещё раз и весьма остро выражала собой «пробу сил», выясняя заодно и в очередной раз расстановку сил между державами, их решимость и готовность к войне на той или иной стороне. Оценивать «газетную войну» с точки зрения только грядущей войны было бы, вероятно, недостаточно. Не случайно русские наблюдатели отмечали, что кампания германской прессы направлена на «запугивание России». Не случайно, конечно, в самой России отмечали, что прогерманская политика министра С. Д. Сазонова стала теперь невозможной. Не случайно во Франции и Великобритании с беспокойством следили, куда повернётся русская политика – за разрыв прежних отношений с Германией или в сторону сбережения остатков былой «дружбы» императоров Николая и Вильгельма. Для Антанты слишком много было поставлено на карту в зависимости от того, какую позицию займёт в ближайшее же время Россия. Экономическая подготовка к войне в Европе шла уже, по крайней мере с того времени, когда Россия была так ослаблена войной с Японией и революцией. И в финансовом, и в военно-промышленном отношениях война становилась совершенно необходима тем кругам, которые не могли не поддерживать самого духа войны, приготовления к ней, а значит, и оправданности этих приготовлений.

«Битва за Россию» между Германией и Антантой, таким образом, продолжалась. 1905 г. – Бьёркский договор, 1911 г. – Потсдамское соглашение были вехами весьма противоречивой международной борьбы вокруг России, за её нейтрализацию (со стороны Германии) или укрепление её в составе Антанты. В сущности, Европа, начиная с 1905 года, жила год за годом в состоянии непрерывного вооружённого мира, мира, который готовился к войне. Война становилась неизбежностью, почти закономерностью при том, что политика великих держав не заключалась в стремлении к миру ценой сохранения мира. Мир в Европе уже мыслился через войну.

Но Россию оказывалось постоянное внешнее давление с обеих сторон: со стороны Франции, политическое и финансовое, со стороны Германии – политико-военное и дипломатическое, со стороны Англии – дипломатическое и политическое. Слабость России, необходимость для неё глубоких реформ и угроза новой революции являлись и причиной внешнеполитической неустойчивости. Проблемой внутриполитической борьбы в России являлся великорусский национализм. Рост национализма и правомонархические настроения в России толкали правительство и царя к активной внешней политике, хотя Россия совершенно не готова была к войне великих держав в Европе.

Внешнеполитически русский национализм в значительной мере поддерживался традиционной борьбой России и Австро-Венгрии на Балканах в так называемом «славянском вопросе». Русско-австро-венгерский антагонизм поддерживался опасением Вены, что славянский вопрос ставит двуединую монархию перед угрозой распада. Петербург же именно такой возможный распад вдохновлял как почва для увеличения влияния России на востоке Европы. Российский империализм непримиримо здесь сталкивался с империализмом австро-венгерским. В итоге же балканских войн в центральной Европе открывалось противостояние «германизма» и «славянства» в том

широком плане, в каком и в Германии, и в России, и в Австро-Венгрии через прессу шла крайне острая общественно-психологическая «борьба народов», борьба общественных мнений трёх империй. Эта борьба, в сущности, готовила обоснование совершенно неизбежного военного столкновения трёх держав. Причём в адрес России раздавались и в Берлине, и в Вене, и более умеренно в Будапеште обвинения, что Россия готовит эту войну, что агрессивность России очевидна, что, наконец, опасность России слишком велика, чтобы позволить ей так окрепнуть. Отсюда и соответствующие призывы в Германии, а отчасти и в Австро-Венгрии дать отпор России путём превентивной войны с нею.

Итак, можно подвести следующие итоги сказанному. Во-первых, «газетная война» совсем не эпизод отношений между тремя монархиями, и к ней едва ли справедливо подходить с точки зрения лишь очередной провокации или чисто газетной перепалки. Конечно, за «газетной войной» стояли и весьма заинтересованные не только общественные группы, но и военные круги и политики трёх держав. Во-вторых, борьба общественных мнений трёх империй друг с другом носила всё более откровенный надпартийный характер. Речь шла об усилении национализма в его «боевой» форме: воинственные настроения усиливались, а призывы к войне или разговор о ней как грядущей неизбежности становились всё определённее и категоричнее. Сами же попытки внести успокоение в инспирируемую прессу, дипломатические демарши и жесты больше подчёркивали остроту положения, чем убеждали в действенности и внушали уверенность. В-третьих, газетная война ещё раз подчеркнула, что гонка вооружений имеет все основания для продолжения, так как обстановка действительно напряжена и нет никаких оснований испытывать оптимизм. Становилось очевидно, что подготовка к большой войне в Европе ведётся державами не только с технической и финансовой стороны, но требует и соответствующего общественного обоснования.

Русско-германские отношения портились глубоко и «окончательно», поскольку германская и российская печать заговорили о конце русско-германской «дружбы», хотя давно уже, понятно, ставшей совершенным мифом. Теперь эти отношения наполнялись новыми поводами к враждебности и «дурной памяти», отравлялись оскорбительными заявлениями, угрозами, травлей и кампаниями обвинений.

В Германии всё настойчивее звучали тезисы:

а) что Россия неблагодарна к немецким услугам и равнодушна к дружелюбию Германии;

б) что русский народ не хочет войны, но московский и правительственный национализм имеют прискорбное влияние на русскую воинственность и «партию войны», которая в России имеется и в военных кругах, и при дворе;

в) что внешнюю политику России мотивируют французские интересы и финансовые вливания в российскую инфраструктуру и военно-техническую мощь. Поэтому внешняя политика России, во-первых, неустойчива, а во-вторых, носит узко-инспирируемый властными кругами и военным окружением царя характер. России нужны реформы и длительный мир, а не война – рискованная и крайне опасная в своих перспективах;

г) что угроза России будет и дальше расти, почему Германии необходима превентивная война с нею. Германский народ должен быть готов к этой войне во всеоружии;

д) интересы славянства (панславизма) и германства (немцев Германии и Австрии) непримиримы, и решить их противостояние можно только военным путем.

Русско-австро-венгерские отношения оказывались ещё более запутанными и горячими. Обе империи и Россия, и Австро-Венгрия переживали растущий кризис внутренней национальной политики. Это касалось, прежде всего, галицкого вопроса в Австро-Венгрии (процессы против русин и шпиономания) и украинского вопроса в России (празднование юбилея Т. Шевченко). Подрывная деятельность в обеих империях велась друг против друга и через прессу чрезвычайно активно и практически без

остановок. В Вене очень боялись усиления мощи России и, как следствие, роста её политического веса в глазах имперских славян. Австрийская политическая паника не ослабевала, и военные круги надеялись на войну как на единственную возможность приостановить хотя бы распад двуединой монархии. В этом смысле внутреннее положение Австро-Венгрии было крайне хрупко и в возможность поддержания внутреннего мира мало кто верил. В России через печать всех оттенков велась открытая и весьма боевая кампания против существования Австро-Венгрии. Политика Вены в отношении России считалась в российском общественном мнении однозначно враждебной, вредной и непримиримой с интересами и целями России на юго-востоке Европы, в польском вопросе и в отношении украинского национализма. В России были уверены в обречённости Австро-Венгрии и в её неминуемом и скором распаде. В России откровенно желали такого сценария.

В Австрии были уверены, что:

а) само существование России в её границах и характере угрожает Австро-Венгрии смертельно;

б) Россия усиливается из года в год, и это опасно, потому что это усиление имеет в виду прежде всего ближайшую войну с Австро-Венгрией;

в) в одиночку с Россией Австро-Венгрии не справиться, Россия сильней. Только Германия, как единственный «кровный» союзник Австро-Венгрии может нейтрализовать угрозу России и её вожделения на восточные пределы Австро-Венгрии и на Балканах;

г) войны с Россией едва ли удастся избежать, тем более, что у неё есть сильные союзники в Европе.

Если в русско-германском обострении играли роль военно-политические противоречия, всё настойчивее подкрепляемые идейным противостоянием германизма и славянства (панславизма), то в русско-австро-венгерских отношениях более заметную роль играло старое противостояние католицизма и православия, не говоря уже о «славянском вопросе». Австрийская пресса была полна обвинениями в адрес «русского Синода» и его агентуры, которые будто бы вели активную подрывную пропаганду в Галиции среди русинов и изображала националистов во главе с гр. В. А. Бобринским, председателем Всероссийского национального союза как откровенных вдохновителей распада Австро-Венгрии. Такой орган как «Голос Руси» (Петербург) и «Прикарпатская Русь» (Киев), начавшие выходить как раз в 1914 г., на своих страницах вели откровенную агитацию в духе защиты «православных и единокровных братьев» от австрийского полицейского и униатского гонения.

Австро-Венгрия была вполне заинтересована русско-германским напряжением и поддерживала кампанию против России и панславизма. Высказывались даже предположения, что именно Австро-Венгрия и провоцировала газетную войну и выступление «Кёльнише цайтунг». Газетная полемика была в интересах Австро-Венгрии.

Наконец, «газетная война» явилась своеобразной «разведкой» не только общих настроений в трёх империях, но и тенденций, которые уже вполне оформились и имели предысторию, начиная с боснийского кризиса 1909 г. Становилась очевидной связь с этими настроениями и внешней политики, и самих её руководителей, когда общественное мнение влияло на власть так же, как власть усиливала нужные её настроения в обществе, именуя их общественным мнением.

Литература

1. Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906 – 1910. М., 1961; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны 1910 – 1914 // Исторические записки 1965. Т. 75; Бестужев В. И. Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса (февраль – июнь 1914 г.) // Первая мировая война 1914 – 1918. М., 1968.

2. Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910 – 1914. М., 1985. С. 227 – 228. С. 239 – 245.

3. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 347 – 350. [Аветян А. С.]; С. 400 – 401[Урибес Санчес Э.]; С. 418 – 425 [Кострикова Е. Г.].

4. Игнатьев А. В. Внешняя политика России 1907 – 1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 194.

5. История дипломатии. Том II. Дипломатия в новое время 1871 – 1914. М., 1963. С. 764.

6. Брыков Д. С. Отношение русской либеральной прессы к Антанте и Тройственному союзу накануне первой мировой войны (1914 г.). // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени. (К 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2007 г. СПб., 2008.С. 300.

7. Кострикова Е. Г. Русско-германская газетная война. // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 418.

8. Урибес-Санчес Э. Российское общество и внешняя политика. // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 373.

9. Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 227.

10. Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения… С. 240.

11. Русско-германские отношения (Статья «Kölnische Zeitung» о русских приготовлениях).//Биржевые ведомости. 1914. № 14016. 21 февраля (6 марта). С. 1.

12. Россия хочет мира, но готова к войне. //Биржевые ведомости. 1914 г. № 14028. 28 февраля (13 марта). Утренний выпуск. С. 5.

13. Алармистские толки немецкой печати. – Отголоски статьи в «Кёльнской Газете». – Австрийская печать. – Австрийские слухи о предстоящей русской пробной мобилизации.// Биржевые ведомости. 1914. № 14018. 22 февраля (7 марта). С. 1; Русско-австрийские отношения. //Биржевые известия. 1914. № 2007. 22 февраля (7 марта). С. 1; – Политические тревоги.// Биржевые ведомости. 1914. № 14022. 25 февраля. С. 3; Австро-германская тревога. Будапешт, 27-го февраля (12 марта). (Соб. кор. СПА). //Биржевые ведомости. 1914. № 14028. 28 февраля (13 марта). С. 1.

14. За границей. Беседа С. Д. Сазонова с венгерским журналистом. Будапешт. 27, III – 2 II.// Русское слово. 1914. № 49. 28 февраля (13 марта). С. 3.; Заявление министра иностранных дел С. Д. Сазонова. //Биржевые Ведомости. № 14109. 19 апреля. – Утренний выпуск; Куда идём? //Утро России. 1914. № 50. 1 марта. С. 1; Заявление С. Д. Сазонова. //Петербургский курьер. 1914. № 40. 1 марта. С. 3.

15. Иностранные известия. К русско-германским отношениям. // Россия. 1914. № 2543. 1 марта. С. 2.

Российские консерваторы о ситуации в стране в конце 70-х - начале 90-х годов XIX века и мерах по борьбе с кризисными явлениями

Солоусов А.С.

Проблемы, связанные с формированием общественного мнения по вопросам государственной политики вызывают большой интерес исследователей. Влияние различных общественно-политических течений на изменения политического курса давно находится в сфере внимания ученых. Степень этого интереса применительно к различным историческим периодам и конкретным направлениям общественной мысли может варьироваться. Для эпохи контрреформ Александра III обстоятельно были изучены позиции революционеров и либералов, достаточно подробно анализировалась

позиция правительства. Консерваторам повезло меньше. Предполагалось, что они практически единодушно выступали на стороне самодержавной власти и одобряли большую часть проводившихся мероприятий. Подобный взгляд ведет к упрощенному пониманию одного из сложнейших и драматичных моментов в российской истории конца XIX века.

Цель данной работы - изучение взглядов консервативных деятелей по проблемам, связанным с оценками политической ситуации в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века, их предложений по стабилизации обстановки в стране.

В рамках небольшой статьи нет возможности отразить всю палитру мнений консервативного лагеря в указанный период. Отбор источников для работы пришлось ограничить лишь теми, что наиболее объективно отражают хотя бы общие тенденции. Проанализированы дневники, переписка и воспоминания хозяев консервативных салонов как светских (генеральши А. Богданович), так и политических (кружок «Эллипсис» К.Ф. Головина), издателей «Гражданина» князя В.П. Мещерского и «Нового времени» А.С. Суворина, государственных чиновников Е.Ф. Феоктистова и К.П. Победоносцева. Учитывая эволюцию взглядов некоторых из них, размытость определений для понятий консерватизма и либерализма как общественно-политических течений в России, приходилось обращаться к мнениям либеральных деятелей и мнениям лиц, не имевших четкой позиции.

На рубеже 70-х – 80-х годов XIX века необходимость изменений политического курса страны была очевидна представителям разных слоев российского общества. Не стали исключением и представители консерваторов. Ярчайшим проявлением политической дестабилизации считалось усиление революционного террора. Влияние политических терактов на настроения высшего света Петербурга было серьезным. Хозяйка одного из салонов А.В. Богданович в 1879 году обращалась к дневнику двенадцать раз. Семь записей связаны с известиями о покушениях на высокопоставленных чиновников. Позже она педантично и по возможности с подробностями фиксирует случаи террористических актов в столице и за ее пределами. Описывая настроения высшего света в 1880 году, она констатирует: «Город наполнен нелепыми слухами, все чего-то боятся, многие выезжают или собираются уехать, аресты продолжаются, также продолжаются и загадочные убийства»[1]. Более всего ее интересуют проекты и меры властей, способные остановить череду убийств. Ей вторят А.С. Суворин В.П. Мещерский. Издатель «Гражданина», описывая ситуацию в стране на рубеже десятилетий, упоминает о засилье революционной пропаганды. Владелец «Нового времени» в 1884 г. писал о тревожных ожиданиях публики в связи с годовщиной цареубийства 1 марта 1881 г. и опасениями повторения подобной трагедии при прибытии императора в столицу. Он отмечал увеличение охраны у государственных чиновников и с неослабевающим интересом следил за расследованием убийства жандарма Судейкина и розыска его убийцы Дегаева.

Одной из причин подобной ситуации и одновременно проявлением кризиса они считают слабость государственной власти. Консервативные авторы отмечают и сложное внутреннее состояние русского общества. Е.М. Феоктистов утверждал, что быстрое, без соответствующей подготовки и разъяснений проведение реформ в разных сферах жизни русского общества способствовало росту недовольства, выливавшегося в преступления. Правительство вместо того, чтобы «проявить разумную строгость», то впадало в истерическое раздражение, то сквозь пальцы смотрело на деятельность революционеров. В.П. Мещерский полагал, что «спокойные революционеры» (к ним он относил деятелей «Черного передела») находили поддержку и в кругах крайних либералов, занимавших посты в правительстве и отчасти в массе «равнодушных интеллигентных людей». Причины кризисного морального состояния общества он связывал не только с реформаторским курсом Александра II внутри страны, но и неудачами во внешней политике. Распространению «анархизма» способствовало «глубоко деморализованное и

разочарованное состояние умов в конце военного периода 1877 и 1878 годов. Этому состоянию умов способствовал исход войны с его неудовлетворенными стремлениями и чувствами». «Реакция общества выражалась не только в общем упадке духа, но и состоянии какого-то всеобщего глухого недовольства…»[2]. Именно оно, с точки зрения князя, позволило «анархистскому движению» перейти из хронической стадии в острую. В оценке негативного влияния результатов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на рост нигилистических настроений согласен с В.П. Мещерским и Е.М. Феоктистов.

Говорилось и об отсутствии талантливых и преданных престолу государственных деятелей в верхних эшелонах власти и непродуманной практике назначений на государственные посты. Издатель «Гражданина» одну из причин недостаточного количества консерваторов во власти видел в том, что при Александре II шла подготовка деятелей «преимущественно либерального направления». В 1879 г. А.В. Богданович в своем дневнике фиксировала московские великосветские слухи, называвшие одним их участников «беспорядков» брата императора великого князя Константина Николаевича. Эти известия, не имевшие под собой никаких реальных оснований, расценивались ею как вполне достоверные. Легкость, с которой они принимались на веру, говорит об общих настроениях, царивших в столичных консервативных гостиных. Лишь позже А.В. Богданович опровергнет их в своих записях. Критика мероприятий графа М.Т. Лорис-Меликова в связи с «незнанием им русской жизни» и заигрыванием с либеральной оппозицией стала в рядах охранителей обычным делом. В.П. Мещерский полагал, что подобные заигрывания с общественным мнением неуместны в ситуации, когда необходимо проведение твердой правительственной политики. По мнению князя, отставки консервативно настроенных чиновников негативно отражались на настроениях защитников престола. Под огонь консервативной критики попадали отнюдь не только представители либералов. Немало претензий было высказано представителями консерваторов и в отношении личных качеств последних императоров. Александру III, по мнению Е.М. Феоктистова, при всей «чистоте и благородстве, прямоте и искренности» его характера не хватало «здравого смысла и умственного развития», поэтому он нуждался в руководстве. Отрицательным моментом считал он влияние на императора князя В.П. Мещерского. Издатель «Гражданина» охарактеризован как человек абсолютно непорядочный, в первую очередь по причине моральной и материальной нечистоплотности. Особенную досаду вызывали у чиновника регулярные государственные субсидии на издание «Гражданина», выдававшиеся князю по распоряжению императора. Подобный взгляд на личность и деятельность князя, оценку его влияния на царя в разделяли в то время представители и консервативного и либерального лагеря. Сам В.П. Мещерский, пытаясь найти оправдание Александру III, писал, что у него и не могло быть достаточного опыта в решении государственных дел, т.к. «боясь обвинений в оппозиции, наследник престола не поднимал в своем окружении политических вопросов». Подобная точка зрения не соответствует действительности. В роли наследника Александр Александрович достаточно долго и активно привлекался отцом к обсуждению важнейших вопросов государственной жизни. Переписка его с К.П. Победоносцевым в это время позволяет утверждать, что у цесаревича были все возможности быть в курсе политической ситуации в империи. О неспособности справиться с министрами в первые годы правления и зависимости от мнений родственников Николая II писала Богданович в 1896 г. Не устраивала консерваторов государственная деятельность и многих их единомышленников. Нелестные отзывы заслужили у А.В. Богданович мероприятия Н.М. Баранова по охране общественного порядка в столице. В. П. Мещерский, первоначально характеризовавший петербургского градоначальника как человека «не только умного, … с дарованиями, с изумительным умением сразу овладевать сперва вниманием, а потом доверием к себе», вскоре разочаровался в нем, не видя конкретных результатов его деятельности. Е.М. Феоктистов весьма критично относился к личным качествам таких идеологов контрреформ

Александра III, как обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и министр внутренних дел граф Д.А. Толстой. С его точки зрения слухи об управлении России триумвиратом «имели мало общего с правдой». Основные принципы у них были схожи, но Катков был человеком действия, требовавшим энергичных мер по приведению страны в спокойное состояние, Толстой соглашаясь с ним, плохо представлял себе средства достижения цели, а Победоносцев при всем своем уме и разносторонней образованности был хорош лишь как критик. Предложить верный путь выхода из создавшейся ситуации обер-прокурор не мог[3].

Весьма показательным было отношение консервативных авторов к графу Д.А. Толстому. Е. М. Феоктистов и В.П. Мещерский сходятся во мнении, что его назначение министром просвещения и главой духовного ведомства в конце правления Александра II было ошибкой. Во многом это зависело от личных качеств характера. Признавая высокий уровень его образования, они утверждают, что « в вопросах веры он скорее философ, чем православный христианин». Укрепляя государственную школу, был неразборчив в выборе исполнителей. В итоге в школах под маской дисциплины расцвели лицемерие, и чиновничье угодничество. Феоктистов писал о сильном влиянии М.Н. Каткова на графа и отсутствии у последнего четкой программы действий. В.П. Мещерский напротив утверждал, что помимо «большого ума и твердой воли» Д.А. Толстой обладал «самостоятельными консервативными убеждениями». На посту министра внутренних дел Толстой, по их мнению, принес больше пользы, т.к. имея репутацию «сильного, энергичного руководителя» сумел добиться временной стабилизации ситуации. Успех можно было бы развить, если бы не окружение графа, неизменные симпатии в котором вызывал у В.П. Мещерского и Е.М. Феоктистова лишь один человек – Пазухин[4].

С точки зрения издателя «Гражданина» серьезным препятствием на пути продвижения консервативных мер было сохранение за Государственным советом значения либерального центра даже императоре Александре III. Причина, по его мнению, крылась в порядке назначения его членов. Решающим фактором в этом деле он полагал не выбор императора, а представление председателя совета великого князя Михаила Николаевича. Влияние на него либерала А. Половцова «блестящего временщика и волшебника-карьериста» приводило к отрицательным результатам.

Отсутствие талантливых людей в государственном аппарате, случаи казнокрадства и взяточничества в чиновничьей среде заставили издателя «Нового времени» А.С. Суворина прийти к выводу об отсутствии «правящего класса» в стране в целом.

Критике подвергалась и государственная политика в целом. В конце 70-х годов особую активность на этом поприще проявлял князь В.П. Мещерский. Учитывая активизацию деятельности революционных сил, он выражал недовольство как существующей системой судопроизводства, так и происходившими в ней изменениями. В них он видел проявление недоверия правительства к верноподданной части общества и к самому судебному ведомству, расценивая проводимые меры как проявление слабости правительства. Выход виделся В.П. Мещерскому в предупреждении судебного ведомства об ответственности за вынесение оправдательных приговоров по политическим делам и осуществлении жесткого контроля за этой сферой со стороны правительства. Реализация подобного предложения не решала бы проблему, т.к. судебные органы попадали под постоянный диктат со стороны властей.

Мероприятия, предложенные правящими кругами в августе 1878 г.: распространение права осуществления ареста по политическим преступлениям на любого жандармского офицера и чиновника полицейского управления, предание всех обвиняемых по политическим преступлениям военному суду, издание в «Правительственном Вестнике» воззваний к обществу с целью привлечь его к борьбе с крамолой, В.П. Мещерский считал запоздалыми и слабыми. Особенное недовольство вызывало у него введение поста генерал-губернаторов. «Власть, которая должна была

иметь в центре России ответственного хозяина всех действий против крамолы, разделилась на нескольких представителей, но вовсе не соединенных между собой … и неизбежно от этого стала слабее»[5]. Он не отрицал былых заслуг этих людей, как боевых генералов, но полагал, что в гражданских делах они разбираются слабо. Если же прибавить к этому преимущественно враждебное отношение к ним со стороны общества, то эффект их деятельности Мещерский оценивал не слишком высоко. В подобной оценке деятельности генерал-губернаторов был солидарен с князем и Е.М. Феоктистов. Не удовлетворила Мещерского и работа валуевского совещания, созданного в апреле. Меры, им разработанные, он разделил на две категории: касавшиеся государственных учреждений и отдельных слоев населения и соображения относительно народного образования. Заслугу совещания Мещерский видел в установлении зависимости между усилением революционной пропаганды и недостатками в системе народного просвещения. Меры, предложенные совещанием в целом, не получили у него одобрения в силу своей легковесности. Издатель «Гражданина» обращал внимание на то, что даже они не были реализованы. «Несвоевременным», хотя и «благонамеренным по сути» считал он постановление Комитета министров по аграрному вопросу. Подтвержденное министром внутренних дел и опубликованное в «Правительственном Вестнике» оно утверждало, что никаких увеличений крестьянских наделов не будет. Призванное внести успокоение в крестьянскую среду, постановление, полагал Мещерский, сыграло на руку революционерам. Наделение графа Лорис-Меликова фактически диктаторскими полномочиями не встретило поддержки у издателя «Гражданина». Саму мысль об объединении всех усилий по борьбе с крамолой в одних руках он приветствовал, приписывая ее авторство наследнику престола, но полагал, что цесаревич и должен был стать этим человеком. По мысли Богданович, высказанной в феврале 1880 г. высшее общество видело в этом назначении лишь полицейскую должность, народ и печать увидели в ней именно диктаторские полномочия, что лишь мешало Лорис-Меликову осуществить задуманное. Сама она полагала, что без экстраординарных полномочий в подобной ситуации не обойтись. Мнение консервативных кругов о политике Лорис-Меликова быстро изменилось в худшую сторону. В.П. Мещерский считал сенаторские ревизии, задуманные графом не судебными, а политическими мерами. Они должны были способствовать установлению в провинции либеральных настроений и усугубить ситуацию для создания выгодных условий проведения диктатором нового внутриполитического курса. Отставка Лорис-Меликова была принята консерваторами благожелательно. Настроение этих недель передала А.В. Богданович. Она писала о разделении общества на два лагеря: полагавших, что только репрессии спасут положение и тех, кто считал, подобную практику порочной. Они выступали за строгие, разумные меры, созыв народного представительства, реорганизацию полиции, но «все это должно быть сделано по старому, а не по новому, по образцу Франции». Сторонники этой точки зрения, по ее мнению преобладали. В мае 1881 г. она охарактеризовала ситуацию в обществе как хаос.

В дальнейшем консерваторы довольно активно выступали с критикой деятельности учреждений, подобных кахановской комиссии, членов которой Мещерский обвинял за «доктринерски-либеральный характер». Публицист доказывал, что все ее выводы сводились к двум основным положениям: ограничение власти губернаторов и ослабление позиций земельного дворянства. Сам он в переписке с Александром III отстаивал иную точку зрения. Мещерский писал, что именно дворяне сохранили тесную связь с крестьянством, предводители дворянства оказывают реальную помощь правительству на местах и даже дворяне земцы не являются революционерами. Усиление же губернаторской власти не означало, по его мнению, ликвидации возможности развития деятельности коллегиальных учреждений.

Какие же меры предлагали консервативные деятели для выхода из создавшейся ситуации? А.В. Богданович в январе 1880 г. с одобрением писала о записке генерал-

майора А.К. Гейнса, одесского градоначальника. Среди прочих мер он предлагал усиление губернаторской власти, особенно в части полицейских полномочий, ликвидацию института генерал-губернаторов, реформу губернских учреждений, организацию общественных работ, расширение сети реальных школ. По сведениям Богданович, записка была передана цесаревичу. Ее появление вызвало недовольство у ряда высокопоставленных чиновников, занимавших генерал-губернаторские посты. Обсуждалось в обществе и предложение графа Н.П. Игнатьева о созыве Земского собора. У большей части консерваторов и самого Александра III оно поддержки не нашло. Лишь у некоторых эта мера вызвала сочувствие. А.С. Суворин неоднократно обращался к ней. Вплоть до начала XX века он полагал идею создания народного представительства в форме Земского собора одним из способов разрешения политических проблем в стране. Проекты привлечения выборных с мест к делам государственного управления часто встречаются в сочинениях консерваторов. Е.М. Феоктистов вспоминал о проекте Д.А. Толстого по приглашению в Петербург большинства губернаторов с целью разработки внутриполитического курса. Сам автор воспоминаний сомневался в эффективности предложенной меры, т.к. считал, что действующие губернаторы не способны предложить новых мер и не видел, кто мог бы возглавить подобное совещание. В анонимной записке, представленной К.П. Победоносцеву в апреле 1881 г. предлагалось сделать Совет министров постоянно действующим органом. Доклады должны были бы приниматься в нем царем в присутствии других министров, что позволило бы выработать единый политический курс. Должности премьера не предусматривалось. Председательствовать должен был сам император или старший по времени назначения на должность из министров. Постоянный же премьер, по мысли автора, мог стать особой властью и преградой между царем и народом[6]. В.П. Мещерский в письме Александру III предлагал реформу Государственного совета. Суть ее заключалась в приглашении выборных от местного консервативного дворянства, чиновничества, земцев. Назначения в совет должны были делаться только по представлению царя.

Весьма интересные предложения содержало письмо известного ученого, юриста, общественного деятеля Б.Н. Чичерина обер-прокурору Синода от 10 марта 1881 г. Обозначив ситуацию в стране как кризисную, проанализировав и раскритиковав либеральную программу действий он предлагал, не отказываясь от либеральных мер пойти на усилению власти. Ради проведения этих мер он готов был оправдать даже невинные жертвы. Одной из основных идей стала идея реформирования Государственного совета. Привлечение в его состав выборных от дворянства и земства должно было укрепить связь между правительством и обществом и способствовать усилению борьбы с крамолой. В обновленном составе совет мог бы стать кузницей кадров и руководить общественным мнением. Ему предполагалось придать лишь совещательные функции, но даже в таком качестве, полагал Б.Н. Чичерин, он мог претендовать на роль политического центра и одинаково бы устраивал консерваторов и либералов[1]. Выступал с предложениями по реформированию местной власти и К.Ф. Головин в защиту крупного землевладения, усиления власти губернаторов, объединения правительственных и земских учреждений, введения должности волостных мировых судей.

Много внимания уделяли консерваторы разработке мер контрпропаганды. В этой связи В.П. Мещерский критиковал практику административной высылки под надзор полиции в разные местности империи за пропаганду социалистических идей. Подобные решения лишь способствовали их распространению. П.Г. фон Дервиз в своих письмах К.П. Победоносцеву предлагал оригинальный способ решения проблемы. Он просил разрешения на открытие на собственные средства училища, которое готовило бы кадры для работы в деревне. Такие «агенты», занимаясь в основном развитием сельского здравоохранения и образования, помогали бы крестьянам разобраться в сложной

политической ситуации. Авторитет их, с учетом нравственного и образовательного уровня, а также того обстоятельства, что они не являлись бы официальными представителями властей, должен был быть высок. Благосклонно принятый, проект реализован не был.

Консервативные деятели предлагали использовать СМИ в целях контрпропаганды, подкупая издания и ставя их на службу правительству. Неоднозначно принятый в цензурном ведомстве проект был поддержан Александром III и частично реализован.

Подведем некоторые итоги. В указанный период значительная часть консервативных кругов оценивала ситуацию как кризисную и выступала с критикой правительственного курса. Причинами и проявлениями кризиса назывались слабость государственной власти, разгул политического террора, «кадровый голод». В соответствии с общим развитием консервативной идеологии большое внимание уделялось анализу духовного состояния общества, которое также называлось в ряду причин бедственного положения страны. Консерваторами предложили ряд проектов реформ по нормализации обстановки. В основном они касались преобразований центральных и местных органов власти. По ряду положений наблюдается сходство консервативной и либеральной программы действий. Лишь малая часть предложенных мер в паллиативном варианте и со значительным запозданием была реализована правящими кругами.

[1] Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М. Новости. 1990. С.39.
[2] Мещерский В.П. Воспоминания. М. Захаров. 2000. С.412.
[3] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Воспоминания. М. Новости. 1991. С. 221.
[4] Мещерский В.П. Указ. соч. С. 446, 510, Феоктистов Е.М. Указ. соч. С.216.
[5] Мещерский В.П. Указ. соч. С.424.
[6] К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2т. Т.1. Минск. Харвест. С. 54-55.

Идеологический аспект социально-политической философии И. Канта

Лукьянов В.Ю.

В современной политической жизни большое значение играет идеология. Именно она в значительной степени определяет ход современного мирового политического процесса. В статье делается попытка рассмотрения малоизученного аспекта – формирование идеологии как фактора формирования политических процессов в историко-философской плоскости. Основным предметом изучения статьи становиться философия И. Канта, которая, по мнению автора, хотя и очень абстрактно в первом приближении заложило основы идеологии как философско-политической величины.

Непосредственным предшественником немецкой классической философии в плане осмысления первопричины развития была философия просвещения. Она, однако, носила чрезмерно рациональный, приземленный характер. Философия просвещения, признавая разум человека высшей познающей силой, трактовала его слишком утилитарно. Познание разума в философии просвещения – это познание конкретных явлений, вещей и предметов, окружающих человека. Разум не мог подняться на более высокий уровень обобщения, то есть ответить на вопрос – в чем в свою очередь источник происхождения всего, что окружает человека. Однако если разум не может постичь первооснову сущего, а Бог как высший первоисточник непознаваем, то значит и первоисточник всего так же не может быть постигнут.[1]

Главная достижение немецкой классической философии – поворот к изучению разума как первопричины и первоисточника бытия. Начиная с И. Канта доминантой немецкой классической философии становиться «принцип независимости разума, его

абсолютная самостоятельность, рассматриваемая как всеобщий принцип философии».[2] Принципиально важным при этом стало то, что разум рассматривался не в узко практическом, рациональном аспекте философии просвещения, но в аспекте глобальном, сочетающем конкретное и абстрактное, абсолютное и относительное. Свою главную задачу представители немецкой классической философии видели в том, чтобы найти с помощью разума первопричину, первоисточник всего сущего. В интересующем нас аспекте можно сказать, что именно немецкая классическая философия впервые на уровне философского обобщения сформулировала философско-политическую категорию идеологии. Суть идеологии – объединение некоего абстрактного и глобального целого с конкретным, объединение универсальной объясняющей причины с методами ее решения. Именно немецкая классическая философия соединила в единое целое конкретное и абстрактное, взяла за основу положение о том, что разум одновременно идеален и реален, представляет собой тождество идеи и абсолютной реальности.[3]

Философия И. Канта была первым шагом к поиску первоисточника всего сущего не в Боге, а в мышлении, причем мышлении, поднявшемся на более высокую степень по сравнению с рационализмом просвещения. Именно Кант стал основоположником немецкой классической философии, поставившим перед собой задачу отыскания первоисточника сознания, с которым может быть соотнесено и сопоставлено все остальное. Таким первоисточником для Канта является разум.

Традиционно философию И. Канта принято делить на так называемые «до критический» и «критический» периоды.

Основное содержание философии «до критического» периода – осмысление естественно – научных проблем – происхождение мироздания, небесных тел. Главное значение философии «до критического» периода и одновременно связующее звено с философией критического периода – признание Кантом идеи Бога как первопричины мира. Бог – есть некая точка из которой начинается все. Именно идея бога как первотворца становиться одной из главных в философии «критического» периода.

«Критический» период наиболее полно и последовательно раскрыл философские идеи Канта. Основным предметом изучения критического периода становятся проблемы гносеологии, то есть теории научного познания. Главный вопрос, на который стремиться ответить Кант – как возможно научное познание и как далеко простирается компетенция разума.

Решению именно этих вопросов посвящен главный труд «критической» философии Канта - «Критика чистого разума». Кант с одной стороны абсолютизирует разум как инструмент познания. Именно разум «сам заключает в себе источник определенных понятий и основоположений, которые он не заимствует ни из чувств ни из рассудка»[4]

С другой стороны, в работе содержится критика философских концепций, которые сам Кант называл догматическими, то есть концепций, основанных на способности так называемого чистого разума «продвигаться вперед при помощи одного лишь познания из философских понятий, согласно принципам, давно уже применяемых разумом, не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, которым он дошел до них»[5]. Иными словами, Кант ставит вопрос – что, собственно говоря, стоит за способностью человека мыслить, познавать окружающий мир, благодаря чему это оказывается возможным?

Основные идеи философской системы Канта можно свести к следующим положениям. Первый момент – идея господства разума. Разум для Канта – высшая мыслительная способность. Кант выстраивает некую логическую цепь чувство – рассудок – разум. Главная задача разума – поднимаясь от простого к сложному, связать все сущее в мире согласно определенным принципам и дойти до некоего высшего совершенства. «Всякое знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет ничего для обработки материала созерцания и для подведения его под

высшее единство мышления»[6]. Рассудок, опирающийся на чувства дает лишь частные, эмпирические законы. Единственный источник подлинного знания – априорное, то есть не зависимое от опыта суждение.

Далее, Кант разделяет разум на теоретический и практический. Практический разум занимается изучением конкретных вещей и явлений. Теоретический (трансцендентальный) синтезирует их в некие высшие идеи. В свою очередь, высшие идеи, порождаемые трансцендентальным разумом, определяют высшее единство мира через единство целей. «высшее формальное единство, основывающееся исключительно на понятиях разума есть целесообразное единство вещей и спекулятивный интерес разума заставляет рассматривать все устроение мира так, как если бы возникло из намерения наивысшего разума».[7] Кант исходит из того, что у всего существующего есть некая цель, ради которой оно и создано. Разум может ее открыть и объяснить причину всего сущего и откроет первоисточник бытия.

Базовый момент кантовской философии - идея так называемой «вещи в себе». Именно вещь в себе, являясь неким источником развития для разума, помогает понять ему высшую цель. Сущность вещи в себе можно определить как неизвестное нечто, действующее на наши чувства, находящееся вне нашего опыта и познания. Однако именно по этой причине она и является тем инструментом, опираясь на который чистый, независимый от опыта и эмпирических ощущений разум может понять окружающий мир.

Концепция вещи в себе заключается в том, что реальные, материальные предметы как таковые сначала даются сознанию человека некоей «потусторонней чувственностью», а лишь затем уже «мыслятся», то есть познаются рассудком и ощущениями. «Предмет без мышления и понятия есть некоторое представление или даже только название. Только в определениях мышления и понятия он есть то, что он есть». [8]

Начальная ступень познания – чувственный опыт, физическое восприятие вещи. Однако чувственный опыт дает лишь конкретное знание о предмете, но не может дать знание о предметах вообще. «Вещь в себе» как раз и является некоей потусторонней, непознаваемой субстанцией, дающей человеку знание о предметах. Основой тезис «Критики чистого разума» - предметы сообразуются с сознанием человека, а не наоборот. Первопричиной является идея, опираясь на которую человек познает окружающий мир с помощью чувственного восприятия.

У Канта лишь вещь в себе обладает подлинным бытием. «От мира вещей Кант отделяет мир явлений, в котором все происходит в соответствии с законами, установленными математической физикой. Вещь в себе для Канта – мир взятый «изнутри», в то время как явление – мир, воспринятый «извне».[9]

При этом однако, возможность теоретического познания относительно «явлений», то есть конкретных предметов, существующих в окружающем нас материальном мире возможно лишь с помощью вещи в себе. Вещь в себе являет собой непознаваемую основу созерцаемых нами предметов («явлений»). Вещь в себе хоть и является непознаваемой, но побуждает тем не менее наши чувства, вызывает ощущения, позволяет познавать предметы. Концепция вещи в себе проводит разделение реального, земного мира материальных предметов и мира идей.

Наконец, третье важнейшее положение кантовской философии – кантовская этика. В рамках этики Кант рассматривает решение проблемы бытия Бога и проблемы взаимоотношения человека и общества.

Принципиально важным в решении Кантом проблем этики стало то, что рассмотренная выше «вещь в себе», как первооснова всего не отождествляется с Богом. Для Канта окружающий человека мир природных явлений был создан не Богом в сознании человека, а наоборот, самим человеческим разумом, который сформировал этот мир, опираясь на чувственный опыт, возникший благодаря воздействию на сознание человека «вещи в себе». Именно разум человека (а не Бог) есть высшая познавательная способность.

По этой причине для Канта главной движущей силой, определяющей поступки человека, являются такие категории как мораль, совесть, нравственность. Кант признает, что вера в Бога безусловно необходима человеку, но лишь как некая «точка отсчета», нравственный ориентир. Когда человек мыслит Бога как высший разум, это необходимо ему не для того, чтобы лучше познать Бога, а для того чтобы лучше познать себя и окружающий мир. Бог для человека – некое высшее морально-нравственное начало, упорядочивающее и дисциплинирующее его жизнь.

При этом не религия ведет человека к морали, а напротив, мораль – к религии. Именно внутренний мир человека, приводит его к убеждению в том, что те или иные поступки необходимо считать обязательными не потому, что они суть заповеди Бога, а потому, что человек внутренне обязан совершать их. Таким образом, идея Бога следует из морали. То есть вера идет от внутреннего мира человека, нравственных законов, которые являются автономными по отношению к законам божественным.

Основой же внутреннего совершенствования человека, тем направлением, в котором он должен меняться является знаменитый «категорический императив» И. Канта, имеющий несколько трактовок, раскрывающих различные его аспекты. «Я всегда должен поступать так, чтобы желать превращения моих поступков во всеобщий закон.» «Относись к другому человеку и человечеству в целом не как к средству, но как к цели.»

Именно на основе принципов императива Кант выстраивает этическую доктрину и одновременно свое философское учение в целом. Категорический императив для Канта есть средство, с помощью которого люди смогут построить идеальную модель общества, опираясь при этом не на эмоции, а на логику и здравый смысл. Категорический императив в первую очередь логичен. Скажем, противостоящий принципам императива эгоизм, стремление думать только о себе, о собственном благе не считаясь с интересами других людей является не только и даже не столько аморальным, сколько логически неправильным. Вряд ли можно найти эгоиста, который пожелал бы чтобы совершаемые им поступки стали примером подражания для других.[10] Таким образом, согласно идеям Канта, каждый человек, как и общество в целом неизбежно идут по пути внутреннего совершенствования, опираясь на такие величины, как нравственность, совесть и Бог.

Философские построения Канта нашли свое выражение и в его практической, социально-политической философии, в попытке приложить абстрактно – философские доктрины к моделированию модели идеального государства.

Главной идеей практической философии И. Канта становиться идея о том, что практическая философия есть философия моральная. То есть человек, общество в целом при формировании основ своего земного бытия должны руководствоваться некими моральными законами, в первую очередь – принципами категорического императива. Именно на основе этого положения и строятся социально-политические доктрины Канта.

Следует при этом обратить внимание на доводы Канта при объяснении им ценностей и необходимости категорического императива. Категорический императив должен стать нормой поведения для всех без исключения по следующей причине. «В любой ситуации она (норма) только потому имеет обязующий смысл, что не может быть сведена ни к этой ситуации ни даже выведена из нее как совокупность действующих на человека внешних наличных эмпирических обстоятельств. Поскольку история в целом непременно переживается и осознается как жизненная ситуация новых и новых людских поколений, постольку элементарные минимальные нравственные нормы, от соблюдения которых зависит сохранение человеческого качества самой истории должны соблюдать в себе момент надвременной обязующей значимости. Только в этом случае остается хоть какая то гарантия того, что движение, воспринимаемое нами как поступательное, обманчивым и хитроумным способом не обернется регрессией к дикости и животности»[11] Иными словами, необходимость соблюдения категорического императива обусловлена жестко детерменированной необходимостью. Именно соблюдение принципов категорического императива всеми без исключения гражданами государства позволяет

государству сохранять свою целостность, обеспечить нормальное функционирование институтов государственной власти, избежать губительных для человека войн и т.д. Именно этот принцип – следование категорическому императиву повинуясь разуму а не чувствам становиться определяющим в кантовской философии. Философию Канта поэтому можно определить как основанную на принципе некоего нравственного универсализма.

Канта считают одним из основоположников концепции «правового государства». В своих работах он выдвигал идеи разделения властей, равенства перед законом и т.д. Образец государственно-политического устройства Кант выводит из логики «категорического императива», который как уже было сказано, является отправной точкой всей его политической философии.

Кант пытается решить базовую проблему любой идеологии – проблему свободы, соотношения интересов личности и государства. Вся политическая философия Канта подчинена решению именно этой задачи. Правовое государство, верховенство закона – все это необходимо с точки зрения Канта в первую очередь для того, чтобы обеспечить некую автономию личности, «внутреннее пространство», в рамках которого человек мог бы осуществить само регуляцию своего поведения, опираясь на законы нравственности. Источником государственной власти по Канту является объединенная, суммарная воля его граждан, выражающаяся в принятии неких идеальных, устраивающих всех законов. «Свобода состоит в том, чтобы не повиноваться никакому другому закону, кроме того, на который гражданин дал согласие»[12]

В целом, моральная мотивация поведения остается внутренним делом гражданина до тех пор, пока это моральное убеждение не получит всеобщего общественного признания и более не потребует внешнего принуждения со стороны государства. Такое совершенное состояние общества постулируется Кантом как идеальное, но требующее для своего осуществления длительного периода времени. То есть, Кант выводит «объясняющую идею» государственного устройства из внутреннего мира человека, его стремления к постоянному нравственному совершенствованию. Одновременно в решении вопроса о соотношении интересов личности и государства Кант безусловное предпочтение отдает личности. Интересы личности приоритетны по сравнению с интересами государства. Главной же гарантией недопущения злоупотребления властью является осознанная разумом необходимость неукоснительного следования принципам категорического императива, уважения к окружающим людям, признания их высшей ценностью.

Философские взгляды Канта нашли свое выражение и в его концепции решения внешнеполитических проблем. Принципы категорического императива подводят Канта к идеям «вечного мира» и «примата морали над политикой». Главная цель политики, политических институтов, по Канту заключается в том, чтобы стремиться ко всеобщему нравственному совершенствованию в глобальном, планетарном смысле, создать общество, основанное на принципах добра и справедливости.

Однако именно в чрезмерной идеалистичности и заключается главная проблема политической доктрины Канта. Главная задача политики – совместить жизненную практику и идеал и создать на основе такого совмещения конкретную государственно-политическую модель. Однако политическая философия Канта настолько абстрактна и идеалистична, что решить указанную проблему она оказывается не в состоянии. Например, как уже было сказано выше, идеальным Кант считает государство, основанное на совместной, коллективной воли всех его граждан. Однако на практике создание такого государства невозможно. По этой причине Кант противоречит самому себе, признавая идеальной моделью государства то, которое существует на данный конкретный момент времени. Кант приходит к выводу о необходимости примирения человека с действительностью. Какова бы ни была существующая власть, она священна и неприкосновенна. Равным образом беспочвенны оказались и внешнеполитические

концепции, идеи планетарного единства. Начавшиеся еще при жизни Канта наполеоновские войны, в которые оказались вовлеченными практически все европейские государства доказали не состоятельность идей «вечного мира».

Попытаемся теперь перевести философские идеи И. Канта в интересующий нас аспект – проблему формирования идеологии как философско-политической категории. Автор считает возможным сделать следующие выводы. Концепция И. Канта являлась первой попыткой формулирования и обоснования роли идеологии в развитии общества. Попытка эта носила очень абстрактный, отвлеченный характер. Тем не менее, основные характеристики того, что в современной политической науке принято обозначать термином идеология в ней имеют место.

В сущности, в предельно лаконичной форме суть философии Канта можно определить как идею самостоятельности личности, возможности познать окружающий мир разумом, опирающимся на практический опыт. Личность должна быть автономна и свободна, то есть иметь возможность для гармоничного развития. Достижение внутренней гармонии в обществе основано на осознании разумом каждого человека и разумом общества в целом необходимости следования нормам совести, нравственности (принцип «категорического императива»).

С другой стороны, не менее важным для развития общества является наличие некоей универсальной и глобальной идеи, (вещи в себе) формирующей представление человека об окружающих материальных предметах, мире в целом. Вещь в себе, хотя и является непознаваемой для разума человека, но помогает ему постигать основные законы развития, в том числе и законы мирового исторического процесса. Кроме того, необходимо и признание бытия Бога, как высшего нравственного эталона, с которым человек должен соизмерять свои мысли и поступки.

Однако на схожих принципах основана любая идеология. Основу идеологии как раз и составляет принцип соединения практической задачи и глобальной идеи, сформулированной зачастую в абстрактной, мифологизированной форме.

Кант, таким образом сделал первый шаг к тому, чтобы сформулировать то, что в современном политическом языке обозначается как «идеология». Формулируя тезис о «вещи в себе», и Боге как основе формирования общества в глобальном аспекте Кант сформулировал и универсальную «объясняющую идею» развития общества, хода мирового процесса. С другой стороны, принцип категорического императива стал инструментом, с помощью которого общество могло бы воплотить абстрактные идеи в конкретную политическую реальность. Следует однако подчеркнуть, что построения Канта носили предельно абстрактный и отвлеченный характер.

Кроме того, основной проблемой философии Канта в интересующем нас идеологическом аспекте является ее подчеркнуто этический характер. Вся философия Канта, как говорилось выше, базируется на морально-нравственных ценностях. Однако политика и идеология далеко не всегда (собственно говоря, почти никогда) может руководствоваться принципами морали. Зачастую приоритетным по отношению к морали является принцип политической целесообразности.

Именно по указанным причинам философия Канта не может в полной мере раскрыть смысл и значение категории идеология. Она дает идеальную картину мироустройства, но при этом не указывает способов ее достижения. В решении этой проблемы, то есть проблемы практического выхода философии, ее применимости к решению конкретных социально-политических проблем в значительной мере преуспела философия другого крупнейшего представителя немецкой классической философии – Г.

Гегеля.

---

[1] *Сумин О.Ю.* Гегель как судьба России. Краснодар. 2005, с. 25

[2] *Пушкин В.Г.* Философия Гегеля: абсолютное в человеке. СПб., 2000 С. 71

[3] *Там же* с. 73

[4] *Кант И.* Критика чистого разума. Соч. в 6 т. том 3 М., 1964 с. 340
[5] Кант И. Сочинения в 6 т. М., 1963 – 1966. Т. 2. С. 429 – 430
[6] *Кант И.* Сочинения Т. 3 М. 1964 с. 340
[7] *Кант И.* Сочинения. Т.3. с. 581 – 582
[8] *Пушкин* Указ. Соч. с. 115
[9] *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003 с. 327
[10] *Соловьев Е.А.* Этический идеал И. Канта: опыт возможного субъективного прочтения. с. 159// Иммануил Кант и актуальные проблемы современной философии. Сборник научных трудов. М., 2005
[11] *Соловьев Е.А.* Указ. соч. с. 323
[12] Кант. Pro et contra. Антология. СПб, 2005. *Новгородцев П.* Учение Канта о праве и государстве.

3 КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культура в перспективе самоидентификации
Толстикова И.И.

В основе человеческого общения заложена потребность «быть услышанным», потребность в диалогических отношениях. Смысловая конвергенция, требующая ответного понимания, внутреннего согласия[1] - это необходимое условие коммуникации, как это понимается в философском плане. Смысловая конвергенция возникает благодаря «параметрам порядка», интерпретируемым участниками коммуникативного отношения на основе общих смысловых кодов. Культурную конвергенцию, означающую, по большому счету, самоидентификацию культуры, ее сближение с самой собой следует понимать в нескольких практических смыслах. Во-первых, как процесс выявления архетипических сущностей культуры - единого поля человеческой деятельности, как встречу коллективного сознательного с коллективным бессознательным. Во-вторых, как разгерметизацию внутри- и междисциплинарных ее отсеков; как рядоположение и взаимообогащение средств, методов и способов восприятия ее искусственно разделенных сфер. В-третьих, как в общепринятом смысле понимаемую открытость государственных, информационных и других границ. В-четвертых, культурная конвергенция как самоидентификация культуры влечет за собой постоянное соотнесение любого рода действий, производимых в трех вышеозначенных смыслах, с состоянием окружающей среды и мира в целом как общезначимых надкультурных сущностей, что, собственно, и составляет экологически-культовый и, если угодно, правовой аспекты проблемы.

Термин самоидентификация заимствован из психологии и понимается как процесс соотнесения «себя с собой», в результате которого формируются представления о себе как самотождественной, цельной и уникальной личности. Отмечается, что данный процесс обусловлен влиянием экономических, политических, социальных факторов, а также национально-культурным самоопределением целой нации[2]. В социологии под самоидентификацией принято понимать отождествление себя с определенной социальной группой, образом, архетипом и т.д., в лингвокультурологии – это процесс достижения тождества с собой, или самоотождествление[3]. Этнокультурная составляющая самоопределения языковой личности использует понятие «этнолингвистической жизнеспособности», что соответствует самоидентификации в социолингвистике (под самоидентификацией понимается процесс выбора человеком той или иной идентичности, а также процесс формирования этой идентичности). Самоидентификация обусловлена рядом факторов: демографических, статусных, институциональных (формальных и неформальных институтов, детерминирующих языковой узус), культурологических. К культурологическим факторам можно отнести совокупность этноспецифических артефактов, среди которых обычаи, традиции, обряды и повседневное поведение (принятые в социуме нормы общения); национальные картины мира, отражающие национальные особенности мышления; художественная культура, отражающая культурные традиции. Они определяют дифференциальные признаки этнокультур через базисные характеристики личности: восприятие, понимание времени, пространства, мышление, язык, невербальная коммуникация, система ценностей, социальные группы и взаимоотношения.

В человеческой жизни существенным элементом отношений человека с миром является культура как мир значащих для человека артефактов, значение которых должно быть прочитано, истолковано для себя и для другого и выражено в языке. В межкультурной коммуникации, основанной на единстве изучения языков и культур, системный характер языковой личности проявляется в полной мере. Если овладеть лишь вербально-семантическим уровнем изучаемого языка, то тогда неизбежны ошибки когнитивного и мотивационного планов. Владение грамматикой и лексикой чужой

культуры почти невозможно без владения языковыми моделями и клише. Для межкультурной коммуникации поэтому важна категория «вторичной языковой личности», которая является метапродуктом, типичным для межкультурной коммуникации. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует прежде всего в сознании – коллективном и индивидуальном. Носителем языкового сознания является человек, существующий в языковом пространстве, - языковая личность.

В широком смысле всякая коммуникация является межкультурной, коммуникацией представителей различных культур, где межэтническая коммуникация является лишь одной из ее разновидностей. Под предпосылками межкультурной коммуникации понимается защита собственной культуры и языка как условие сохранения национальной идентичности, дистанция, отказ от нарушения физических и ментальных границ другой личности, народа; толерантность как признание другой точки зрения; внутренняя установка на плюрализм как попытка взглянуть из другой перспективы на «свое», родное; внимание к чужой точке зрения на «свое»[4].

В этой связи особенно остро встает проблема идентичности и самоидентификации культуры в целях решения задачи «найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма, между насилием и политическими методами решения проблем, между культурой войны и культурой разума» [5.] Как представляется, феномен идентичности возникает в сфере истории и культуре, но не в качестве проявлений природы человека или общества, а как процесс «становления любых «позитивностей» в мире человека и его самого как субъекта становления»[6], при этом культура являет собой такой атрибут человеческого существования, в котором он детерминирует самого себя. И, поскольку культура – это сфера самодетерминации [7], постольку она оказывается субъектным аспектом истории человека и его образа жизни и объектом анализа в перспективе самоидентификации.

Возможность постановки вопроса о самоидентификации обусловлена развитием философии и науки в Новейшее время. Кантовский «антропологический поворот» философской мысли, поместивший в центр философского внимания человека как субъекта научного познания; поворот к проблеме истории и культуры, которая первоначально была осознана как сфера свободы, реализации человеком ценностей; истолкование языка как базовой надындивидуальной формы реализации субъективности; критика логическим позитивизмом спекулятивного идеализма, показавшая несводимость научного, объективного факта к сфере сущностей.

Э. Кассирер понимает культуру в качестве воплощения мощи духа, которая осуществляется в трех основных сферах: языка, мифа и научного познания. Философская концепция Кассирера прямо совпала с предметом философии культуры, которая понимается как продукт символической деятельности человека, в свою очередь опосредованный символикой речи и стала фундаментом современной культурологической мысли во всем диапазоне интерпретации символики культуры. Поворот философии к теме языка происходит во многих направлениях и течениях, а в связи с герменевтической проблемой – к теме традиции, что существенно для проблемы культурно-исторических и психологических условий становления идентичности и проблемы исторического формирования надындивидуальных норм общения.[8]

Еще один поворот связан с темой Другого и с открытостью как условием формирования человека в качестве становящегося существа. В этом смысле акцент на неизменность идентичности заменяется на становление и постоянное воспроизводство человеческой идентичности. Я и Другой – это части процесса общения, включающие в себя его целостность, а так, что каждый из них и есть этот процесс общения целиком. Этим определяется незаменимость каждого носителя культуры, его несводимость к тому, чтобы быть лишь средством для вне его существующего целого. Человек должен представлять не только себя, но и другого, но отличая себя от него, возвращаться к себе – процесс, в котором основным способом самоидентификации является отличение себя от

другого. Поэтому решение проблемы современной культуры невозможно без осмысления феномена особенности другого, то есть рефлексивность и обращенность на себя может быть обнаружена в культуре под видом узнавания. Обращение к другому одновременно есть и способ понимания себя самого, то есть другой выступает условием и началом самопонимания. Человек европейской культуры открывает для себя парадоксальность самой задачи самоидентификации, рождается новое основание для внутреннего саморазличения. Обращенность к себе является характерной чертой человеческой психики, но именно в европейской культуре человек обрел возможность разглядывать свои отражения, преломленные различными гранями культуры.

[1] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М., 1986. С.320-325

[2] Большой психологический словарь / сост. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: Олма-пресс, 2004. С. 12

[3] Щербаков М.А. 7 путешествий в структуру сознания (теория и практика развития личности). М.: Институт развития личности, 1998. С. 264

[4] В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта: Наука, 2008. С.109

[5] Пригожин И. Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. М., 2002. С.21

[6] Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. М.: Академический проект, 2007. С.8

[7] Ахутин А.В. Онтологическая диалогика культуры В.С. Библера (Позиция 1.2) //Теоретическая культурология. Сер. «Энциклопедия культурологии». М.-Екатеринбург, 2005. С.35-36.

[8] Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. М.: Академический проект, 2007. С.9-12

Исторические судьбы Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря

Свечникова Н.О.

Руины памятника истории и культуры федерального значения, мужского Николаевского Антониева монастыря, находятся на левом берегу реки Могочи, при впадении в нее с правой стороны реки Неледины, в пяти км от г. Красный Холм Тверской области. Монастырь был основан в 1461 г. на землях Афанасия Васильевича Нелединского-Мелецкого иеромонахом Антонием, пришедшим сюда из Кирилло-Белозерской обители. Искавший уединения, старец испросил у благочестивого боярина и получил от него «небольшой участок земли, где для совершения молитв он построил деревянную часовню, а для себя – келью»[1].

Однако отшельничество Антония продолжалось недолго: слух о богоугодной жизни старца распространился по окрестности, и постепенно вокруг него стали собираться монашествующие. Он принимал всех желающих, на средства от приношений поставил вместе с ними деревянную церковь и обнес поселенье оградой. Братию свою он назидал как словом, так и примером своей жизни. Согласно легенде, благодаря молитвам преподобного Антония вокруг на 40 км вокруг исчезли змеи (их действительно и сейчас нет в лесах Краснохолмского района). По устному преданию, зафиксированному в «Тверском Патерике», «однажды ночью преподобный Антоний увидел необыкновенный свет. Объятый ужасом от сего, он пошёл на то место, где видел чудное зрелище, и нашёл там икону святителя Николая и решился начатый храм построить в честь его»[2]. Позже во славу храмового святого и в память основателя образовавшийся монастырь был назван Николаевским Антониевым. Еще в начале прошлого века верующие могли видеть в монастыре чудесно обретенную икону.

В 1481 г. Антоний заложил каменный Никольский собор. Новый храм, а также кельи и монастырские службы решено было строить на самом берегу реки, для чего пришлось соорудить высокую насыпь. Согласно Историческому описанию Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, составленному игуменом Анатолием, эти дорогостоящие работы велись с привлечением средств бояр Нелединских-Мелецких, происходивших из Литовских князей, принявших православие при Василии Темном[3]. Однако в XV в. эта боярская фамилия была уже не столь могущественна, чтобы осуществить на своих землях эту грандиозную стройку. Согласно другой гипотезе, монастырь пользовался благосклонностью Андрея Большого (брата Ивана III), сидевшего на княжении в Угличе. Есть сведения о его крупных земельных пожертвованиях монастырю[4].

Строительство велось быстро и с большим размахом, для чего были привлечены лучшие московские мастера. Возведенный в 1461-93-х гг. Никольский собор стал прекрасным образцом храмовой архитектуры посл. четв. XV в., первым каменным строением на территории Бежецкого Верха.

Несмотря на свое местоположение (ныне - Тверская область, б. Тверская губерния), собор, тем не менее, не имеет отношения к тверской архитектуре, а является произведением московского зодчества. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что Бежецкий Верх в XV в. принадлежал к землям Московского княжества, обязательно упоминаясь в духовных великих князей. Это подтверждает и сам характер архитектурных форм собора[5].

Это был крестово-купольный четырехстолпный трехапсидный храм с одной большой световой главой и малой главкой над юго-восточным углом четверика. Новаторский характер «фряжских» деталей и форм в архитектуре собора и строительной технике позволяет предположить, что строительством руководил кто-то из заезжих итальянцев, вероятно, привлеченных угличским князем. Интересно, что строительство соборов Московского Кремля началось чуть позже (1485 г.), но итальянские мастера к тому времени уже были привезены в Россию.

Признанный знаток русского зодчества XV в. В.П. Выголов пришел к выводу о том, что можно в целом оценить архитектуру собора Краснохолмского Антониева монастыря как «исключительно оригинальную для своего времени. Такие элементы, как крестовые своды, пониженные подпружные арки, полуциркульные закомары и карнизы, отрезающие их от поля прясел, а также полочки-карнизы в основании пят арок в интерьере — все это для московского зодчества второй половины XV в. представляло собой явное новшество… Он во многом предвосхищает архитектуру XVI столетия, концентрируя в себе те новые приемы и формы, которые нашли широкое распространение лишь с начала следующего века»[6].

Сам Антоний не дождался окончания работ, он умер в 1482 г. Тело его погребено под спудом в одном из приделов Никольского собора, в каком именно, неизвестно. На этот счет существуют две версии. По первой, Антоний Краснохолмский погребен у жертвенника Никольского собора, по другой - в малом приделе, посвященном Всем Святым и пристроенном с юго-западной стороны храма. Сторонники последней версии считают, что посвящение Всем Святым этого придела было обусловлено желанием прославлять имя Антония вместе с ними[7].

В житиях о преподобном Антонии Краснохолмском написано мало. Не известно ни место его рождения, ни кем были его родители; остается тайной, где он был пострижен в монашество и как жил; практически не сохранились его изображения. Лишь на одной иконе он предстает старцем с седой круглой бородой, в монашеском одеянии и схиме, с пятикупольным храмом в правой руке и приподнятой вверх левой.

Не ясна и дата кончины Антония. Почитание его памяти было решено производить 17 января по ст. стилю, вероятно, по тезоименитству его с преподобным Антонием Великим (Египетским). В старинных святцах Антоний Краснохолмский был причислен к лику

"неканонизированных" святых. Его имя внесено в полный христианский месяцеслов, изданный по благословению Священного Синода в 1875 г.

Строительство Никольского собора продолжил преемник Антония - Герман, при котором храм был освящен, украшен многими иконами, книгами, богатой утварью.

В 1492 г. началось возведение трапезной палаты с церковью Дмитрия Солунского (разобрана в конце XVI в.). В конце XV в. насчитывалось лишь несколько монастырей, где был не один каменный храм (Троице-Сергиев, московские Чудов и Симонов монастыри). Краснохолмский монастырь был тогда одним из крупнейших.

С конца XV в. монастырь становится важнейшим духовным центром Верховья Мологи. В числе братии появляются представители знаменитейших русских фамилий, в обитель поступают щедрые пожертвования. «И многие великие князи и бояре от имения своего в тот Антонов монастырь деньги и всякую церковную утварь непрестанно даваху и вотчины своя в предбудущия лета, ради наследия вечных благ и вечнаго поминовения родителей своих, на пропитание игумена и братии в тот Антонов монастырь отдаваху и благодатию всесильнаго, в Троице славимаго Бога, и молитвами Пречистыя Его Матери и угодника их, великаго в иерархах Чудотворца Николая, та святая обитель вельми распространяшеся»[8]. К монастырю приписывали вотчины, в том числе в 1518 г. село Спас на Холму (будущий город Красный Холм).

Благосостояние монастыря сохранялось на протяжении всего XV и XVI вв. В годы опричнины и Смутное время обитель была разграблена, а многие ее постройки сожжены. Лишь в 20-х гг. XVII в. жизнь обители удалось вновь наладить. Монастырю покровительствовали многие именитые люди России. Богатые вклады делали цари – Иван Грозный, Федор Иоаннович, Борис Годунов, патриархи Никон и Иоасаф II, князья – Иван Шуйский, Дмитрий Пожарский, Владимир Волконский, бояре Романовы, Шереметевы, Бутурлины, Заборовские и др.

В конце XVII в. в обители началось активное строительство: были возведены Братский корпус (1685 г.), Вознесенская церковь над Святыми воротами (1690 г.), малый Братский корпус с воротами (1690-97 гг.), тогда же были сооружены стены и башни. Многие из этих построек сохранились в полуразрушенном виде до наших дней.

В начале XVIII в. монастырь и близлежащее от него село Спас на Холму были неоднократно разорены как польскими интервентами, так и русскими мятежниками. После их разгрома монастырские вотчины стали быстро увеличиваться: возвращались разбежавшиеся крестьяне, принимались на монастырские земли карелы-олончане и заонежцы, переселявшиеся в Россию, спасаясь от притеснений шведов. В 1760-х гг. монастырю принадлежало 4620 крестьян муж. пола, 5 мельниц, 130 лошадей, 365 коров и быков, 80 телят и др. С годами монастырь строился, росли его вотчины. В 1760-х гг. к монастырю был приписан Бежецкий Введенский монастырь.

В 1764 г. по указу Екатерины II монастырские земли были переданы в ведение Коллегии экономии. Прямым следствием этого стал спад благотворительности. Тверская епархия, к которой относился Антониев монастырь, потеряла свое значение одной из первых в России. Село Спас на Холму перестало быть монастырской вотчиной, а в 1776 г. было преобразовано в уездный город, получивший название Красный Холм. Все это привело к упадку обители: «количество братии сократилось, приписанные монастыри были упразднены, управление вновь стало игуменским»[9].

Однако монастырь остался одним из центров иноческого жития на Тверской земле и не утратил своего духовного значения. В 1783 г. в Антониевом монастыре была открыта церковно-приходская школа, а с 1809 г. в этих стенах разместилось духовное училище.

К концу XIX в. монастырь занимал четырехугольную площадь. В нем были четыре каменных церкви: Соборная Святителя Николая, с юго-западного угла с ней была пристроена в 1690 г. малая церковь Всех Святых; Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Воздвижения Животворящего Креста Господня (1592 г.); Вознесенская (1691 г.)

над Святыми вратами; надвратная Иоанно-Предтеченская (1764 г.). В трехъярусной каменной колокольне (1668 г.) помещались библиотека и архив. Имелся двухэтажный настоятельский корпус (1748 г.), братский корпус (1685 г.), каменные небольшие кельи над воротами. Вне ограды располагалась каменная часовня, устроенная в юго-восточной башне.

Красный Холм. Мужской монастырь. Открытка. Изд. В. Г. Ефимова. Ок. 1914 г.

После революции Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь постигла участь многих православных обителей России. В 1920-х гг. он был упразднен. В 30-е гг. XX в. архитектурный комплекс монастыря понес невосполнимые утраты, ряд его сооружений был разрушен, другие частично разобраны.

Сильно пострадал Никольский собор. Были утрачены все своды с главой, алтарные апсиды и столбы внутри. Остались лишь три стены: северная, западная и южная – почти на всю свою высоту. От завершающих их закомар сохранились нижние части примерно на половину—треть прежней своей высоты. А от апсид остались лишь небольшие фрагменты северной и южной стен, примыкающих к соответствующим стенам храма. Позже были предприняты попытки консервации памятника: над стенами сделали деревянные навесы, внутренность собора огородили. Однако эти немудреные «средства защиты» вскоре были утрачены.

Восточный фасад Никольского собора. Фото автора. Июнь 2008 г.

В руинированном состоянии находятся церковь Покрова, Вознесенская церковь, корпуса келий с проездными воротами, северо-восточная башня ограды, настоятельский корпус.

Церковь Вознесения Господня. Фото автора. Июнь 2008 г.

Во втор пол. XX в. вопрос о необходимости сохранения памятников монастыря неоднократно поднимался в различных инстанциях, учреждениями науки и культуры; проводились обследования, делались обмеры зданий, составлялись отчеты. С экспедициями в Антониевом Краснохолмского монастыре побывали аспиранты Московского архитектурно института (1947 г.), научные сотрудники Государственного

Русского музея (1960 г.), архитекторы, реставраторы, инспекторы, представители структур власти, отвечающих за охрану памятников архитектуры.

С 90-х гг. прошлого века интерес ученых-историков, местной администрации и общественности к истории, современному состоянию руин и будущему обители заметно возрастает и получает разнообразные формы воплощения.

В 1991 г. в сборнике «Памятники русской архитектуры и монументального искусства: пространство и пластика» была опубликована статья В.П. Выголова «Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверь XV века)»[10]. На основании архивных и иных документов автор воссоздает историю возникновения монастыря, выявляет и подробно анализирует особенности архитектуры Никольского собора, делает вывод о ее новаторском характере и принадлежности к московскому зодчеству.

В 1991 г. и 1995–96 гг. на территории Краснохолмского монастыря организацией «Тверьпроектреставрация» совместно с кафедрой истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета проводились археологические раскопки. Руководителями экспедиций были В. А. Булкин и А. М. Салимов. Итогом работ стало появление научных отчетов и статей[11]. Этим археологическим изысканиям был посвящен снятый тверским документалистом Е.Н. Осиповым фильм “Наше наследие”, отмеченный несколькими наградами, в том числе, дипломом и призом фестиваля "Москва Златоглавая" (М., 1997 г.).

Антониев монастырь был включен в федеральную программу по сохранению историко-культурного наследия Тверской области. На выделенные в связи с этим средства в 2003-04 гг. были проведены археологические работы, покрыты железом верхушки стен главного Никольского собора, из монастыря были переселены люди, жившие до недавнего времени в братском корпусе. Дальнейшие работы по консервации и хотя бы частичному восстановлению памятника из бюджета дотационного района произведены быть не могли, хотя ценность святыни и необходимость ее сохранения в полной мере осознается представителями местной администрации.

В 2005 г. на территории Антониева благочинным Краснохолмского района, настоятелем Николо-Кладбищенской церкви о. Василием монастыря установлен поклонный крест; из города к обители был проведен крестный ход и возобновлены молебны. Силами Краснохолмского отделения ВООПИиК у поселка Слобода установлен щит-указатель с изображением Антониева монастыря, каким он был в конце XIX – нач. XX в.

В ноябре 2008 г. на историческом факультете СПбГУ прошел первый петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре». В рамках этого мероприятия был проведен круглый стол на тему «Проблемы сохранения архитектурного комплекса Краснохолмского Антониева монастыря»[12].

В августе 2009 г. в администрации района состоялось совещание, посвященное проблемам Краснохолмского Антониева монастыря и необходимости действий по его восстановлению. В нем приняли участие представители городской и районной общественности, из представителей которых была создана инициативная группа.

В сентябре 2009 г. создан сайт о Краснохолмском Николаевском Антониевом монастыре[13]. Он является исследовательским и просветительским проектом преподавателя кафедры исторического регионоведения СПбГУ, кандидата исторических наук С.В. Алексеевой и стал заметным вкладом в дело изучения истории монастыря и привлечения внимания широких кругов общественности к проблеме консервации его руин и возможного последующего восстановления.

В ноябре 2009 г. в Краснохолмском районном Доме народного творчества состоялась конференция на тему «Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь: история и будущее». В ее работе приняли участие ученые, краеведы, представители прессы и заинтересованных кругов общественности из Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Красного Холма. После обсуждения проблемы участники конференции приняли резолюцию о

необходимости обращения к руководству государства, русской православной церкви, к губернатору Тверской области с просьбой оказать помощь и содействие в восстановлении Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря как памятника истории и культуры федерального значения. Решено было инициировать создание благотворительного Фонда восстановления Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря.

В декабре 2009 г. на историческом факультете СПбГУ состоялась презентация сборника «Тверской край в науке и культуре» и сайта, посвященного обители.

В следующем году исполнится 550 лет со дня основания Николаевского монастыря. За пять с половиной веков его судьба неотрывна была связана с историей нашего Отечества. Она знала свои взлеты и падения. Однако никогда она не была столь катастрофически плачевной как в настоящее время. Успеем ли?

[1] Анатолий (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. – с. 3.
[2] Преподобный Антоний Краснохолмский // Тверской патерик. Краткие сведения о тверских местно чтимых святых / Сост. архиеп. Димитрий (Самбикин). Казань, 1907. (репринтное издание Тверь, 1991). – с. 55.
[3] Анатолий (Смирнов), игумен. Указ. соч. – с. 5.
[4] Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониев монастыря. М., 1879. – с. 70.
[5] Выголов В.П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: пространство и пластика. – М.: Наука, 1991., с. 3-27.
[6] Там же.
[7] Преподобный Антоний Краснохолмский... – с. 56.
[8] Жизневский А. К. Указ соч. - с. 70-72.
[9] Ефремов А. Обитель преподобного Антония (из истории Краснохолмского Николаевского Антониевого монастыря) // Край Краснохолмский: Исследования краеведов: Сб. статейю – Тверь: Студия-С, 2009. – с. 4.
[10] Выголов В.П. Указ. соч.
[11] Булкин Вал. А., Салимов А. М. Архитектурно-археологическое исследование Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1995. Вып. 2. С. 37 – 49; Салимов А. М., Булкин Вал. А. Трапезная Антониева Краснохолмского монастыря // Архитектурное наследство М., 2006. Вып. 46. С. 71.
[12] Материалы круглого стола «Проблемы сохранения архитектурного комплекса Краснохолмского Антониева монастыря» // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сб. науч. статей / Под ред. Ю.В. Кривошеева, В.М. Воробьева. Тверь: *Седьмая буква*, 2009. – 304-324.

[13] www.tver-antonievmon.narod.ru

Творец и его творения
Свечникова Н.О.

Предлагаемая вниманию читателей статья студентки II курса факультета Фотоники и оптоинформатики Е. Арыслановой посвящена выявлению и исследованию автобиографических источников художественной прозы выдающегося немецко-швейцарского писателя XX в., лауреата Нобелевской премии, автора игровой концепции культуры Германа Гессе (1877-1962).

Тема соотношения автобиографического начала и художественного вымысла как сущностных основ литературно-художественного творчества важна для изучения наследия любого писателя. Развитие литературы осуществляется в сочетании двух начал: фантазии и исторической правды. От их соотношения зависит художественная неповторимость произведения, его тематическое своеобразие и индивидуальный авторский стиль.

Раскрытие этой темы предполагает основательное знание жизненного пути художника, скрупулезное прочтение его произведений и, наконец, детальный сравнительный анализ того и другого. Целью такого исследования является выяснение того, какие события жизни автора, воспоминания и личные впечатления нашли свое отражение в его литературных произведениях. Автобиографические начала творчества — это не только событийный ряд жизни художника, но и этапы его собственной духовной эволюции.

«Пропорция» художественного вымысла и факта, не в последнюю очередь, определяется особенностями исторической эпохи, в рамках которой писателю довелось жить и творить. XX век потребовал от литераторов исключительной правдивости, предельной исповедальности, обращения к определенному кругу тем и поиск новых средств художественной образности и выразительности. Герман Гессе не стал исключением. Не случайно в качестве эпиграфа к представляемой статье взяты слова писателя о том, что среди его книг не найдется ни одной, которая не была исповедью и не продиктована страстным желанием выразить наиболее сокровенное.

В произведениях Гессе повторяются сюжеты из его жизни — ученичество, литературная деятельность, лечение в курортном городке и т.д. Они вобрали в себя и наиболее важные жизненные впечатления, творческие искания, гражданскую позицию Гессе, — причастность к общинному братству родителей-пиетистов, протест против удушающей атмосферы монастырского образования, беспощадная критика немецкого национализма, мучительные поиски своего места в мире современной культуры и т.д.

Вместе с тем, основываясь на автобиографических источниках, Гессе пишет *художественную* прозу, в которой факты реальной жизни не просто причудливо сочетаются с вымыслом, а сами изложены неповторимым образным языком автора: «я вежливо спросил у тюремщиков, не подождут ли они чуть-чуть, потому что мне надо влезть в поезд на моей картине и кое-что там посмотреть. Они, как обычно, рассмеялись, ибо считали меня умственно неполноценным. И тогда я сделался маленьким и вошел в мою картину, сел в поезд и въехал на этом маленьком поезде в маленький черный туннель… А тюремщики остались стоять в большой растерянности»[1].

Гессе – не копиист жизни, он поднимается в своих произведениях до обобщений глобального порядка. В самом известном его романе «Игра в бисер» предвосхищается становление новой планетарной культуры, возможный переход человечества к ее касталийской модели, являющей собой синтез модернистской установки на научное описание Единства Универсума и постмодернистской одержимости идеей Плюрализма и уникальности *Иного.*

Автор представленной статьи прослеживает творческо-биографические параллели, основываясь на анализе текста большинства прозаических произведений Г. Гессе и на его жизнеописании.

Среди выводов, к которым приходит исследователь, есть безусловно неоспоримые. Некоторые же являются гипотезами, достоверность которых требует своего дальнейшего

обоснования. Однако проделанный автором кропотливый труд, полученные им результаты вкупе с их самостоятельным осмыслением достойны того, чтобы быть опубликованными в настоящем издании.

Автобиографические моменты в творчестве Г. Гессе

Е.М. Арысланова

> «Я перечитал почти все свои прежние писания, часто удивленный неожиданностью, стыдясь и стеная. Среди этих книг не найдется ни одной, которая не была исповедью и не продиктована страстным желанием выразить наиболее сокровенное…»
>
> Г. Гессе

Важную роль в выборе темы статьи сыграли мои литературные пристрастия. Читая произведения любимого писателя, невольно приходишь к мысли о том, что многие рассуждения не представлялись бы столь оригинальными и вместе с тем правильными, если бы ни были связаны с его личным опытом, ровно так же, как и многие эпизоды из жизни героев – с моментами биографии Г. Гессе.

Изучение жизнеописаний Гессе принесло мне целый ряд открытий. Выяснилось, что писатель много общался с Т. Манном, Р. Ролланом и другими выдающимися своими современниками. Оказалось, что Плинио Дезиньори (один из героев «Игры в бисер») в реальной жизни был учеником К. Г. Юнга и наставником самого Гессе. Обнаружилось, что некоторые свои произведения Гессе писал под псевдонимом. К примеру, «Демиан» вышел под псевдонимом «Эмиль Синклер» (Т. Манн в своем письме к Гессе пишет, что книга ему понравилась и спрашивает, не знаком ли Гессе с ее автором).

Мне представляется, что жизнь часто обходилась с писателем жестоко, хотя едва ли он этого заслуживал.

Герман Гессе родился 2 июля 1877 г. в старинном германском городе Кальве, настоящем городке из сказки – с игрушечными старинными домами, с крутыми двускатными кровлями, со средневековым мостом, отражающимся в водах речки Нагольд.

Родители Германа были миссионерами-пиетистами. Отец, Иоханнес Гессе, проповедовал в Индии, но из-за слабого здоровья вынужден был вернуться оттуда в Германию, где, будучи филологом, стал заниматься издательской деятельностью и преподавать. Он мог послужить прототипом отца Петера Каменцинда и, возможно, Эмиля Синклера. Гессе относился к нему так же, как и герои этих произведений к своим отцам.

Мать писателя, Мария Гессе (урожд. Гундерт), филолог и миссионер, многие годы прожила в Индии и вышла там замуж за И. Гессе, будучи вдовой и имея двух детей от первого брака.

Дед Гессе по материнской линии, Герман Гундерт, был ученым-востоковедом, знатоком языков и литературы. Он имел обширную библиотеку, которой пользовался внук. Именно здесь сформировался ранний интерес писателя к Востоку, к его философским учениям, который впоследствии получил развитие в собственных занятиях Гессе[2].

Несмотря на желание сына стать поэтом, родители прочили ему карьеру теолога. Однако сам Гессе хорошо понимал, чего он хочет: «…с тринадцати лет мне было ясно одно - я стану либо поэтом, либо вообще никем. Но к этой определенности постепенно прибавилось другое открытие, и оно было мучительно. Можно было стать учителем, пастором, врачом, ремесленником, торговцем, почтовым служащим, даже музыкантом, даже архитектором или живописцем - ко всем на свете профессиям вела какая-то дорога, проходившая через подготовку, через школу, через обучение начинающих. Только для поэта не существовало ничего подобного!.. В один миг вывел я тот урок, который только и

можно было вывести из ситуации: поэт есть нечто, чем дозволено быть, но не дозволено становиться. И еще: наклонность к поэзии и личный к ней талант делают тебя в глазах учителей подозрительным и навлекают то неудовольствие, то насмешки, а то и смертельное оскорбление»[3].

По настоянию родителей в 1890 г. он поступил в латинскую школу в Гёппингене, а в 1891 г. перешел в протестантскую семинарию в готическом аббатстве Маульбронн.

Поначалу четырнадцатилетний подросток с увлечением занимался древнегреческим и древнееврейским языками, выступал с декламациями и музицировал. Однако вскоре Герман стал тяготиться учебой: «Я был ребенком благочестивых родителей, которых любил нежно и любил бы еще нежнее, если бы меня уже весьма рано не позаботились ознакомить с четвертой заповедью. Горе в том, что заповеди, сколь бы правильны, сколь бы благостны по своему смыслу они ни были, неизменно оказывали на меня худое действие; будучи по натуре агнцем и уступчивым, словно мыльный пузырь, я перед лицом заповедей любого рода всегда выказывал себя строптивым, особенно в юности. Стоило мне услышать "ты должен", как во мне все переворачивалось, и я снова становился неисправим. Нетрудно представить себе, что свойство это нанесло немалый урон моему преуспеванию в школе»[4].

Долго так продолжаться не могло. Гессе бежал из стен средневекового монастыря, где находилась школа, был пойман и наказан заключением в карцер. В последующие недели он пребывал в депрессивном состоянии. В мае 1892 г. отец вынужден был забрать сына из семинарии.

Этот немаловажный момент жизни проходит через многие произведения Гессе. В «Демиане» главный герой Эмиль Синклер в начальной школе любил учиться, был послушным, но «умел думать». И вот, переехав из отчего дома, из родного города в новую школу, он очень быстро из отличника превращается в заядлого хулигана и пьяницу. Эмиль терпеливо выслушивает упреки приехавшего отца, но равнодушно относится к угрозе исключения из школы и вероятности помещения в исправительное заведение: «Ну и пусть! После очередного отъезда отца мне стало жаль его: он ничего не добился, не нашел ко мне пути, но в какие-то моменты мне казалось – и поделом ему. Что станется со мной, мне было безразлично»[5].

В романе «Петер Каменцинд» главный герой, простой деревенский мальчишка, волей счастливой случайности попадает в школу и уже мечтает посвятить себя науке, но его отрывают от родительского дома, где стремления сына не были поняты. Он скоро ломается, становится завсегдатаем кабаков, бросает учебу, нужной ему теперь лишь для получения стипендии.

В романе «Нарцисс и Гольдмунд» до встречи с молодым преподавателем Нарциссом Гольдмунд учится неважно. Он чувствует непреодолимое желание сделать так, чтобы Нарцисс его заметил и только ради этого начинает прилежно учиться. Но в итоге не справляется с собой и бежит прочь из монастыря.

В повести «Кнульп» главный герой – бродяга. Он учится у ремесленников, продавцов, других бродяг, но опять-таки не может усидеть за школьной партой, так как не считает демагогию своим призванием. Он свободен - и в этом весь смысл его жизни. Именно поэтому, умирая, он не может оставаться в больнице.

В повести «Под колесом» Гессе пишет об учебе в семинарии, поднимая проблемы творческой личности в буржуазном обществе[6]. В течение нескольких лет после бегства из семинарии Гессе внушал родителям серьезные опасения, поскольку в нем обнаружилась полная неспособность к социальной адаптации: «…более четырех лет все попытки сделать из меня что-нибудь путное кончались неукоснительным провалом, ни одна школа не хотела удержать меня в своих стенах, ни в какой выучке я не мог протянуть сколько-нибудь долго. Любая попытка сделать из меня общественно полезного человека оканчивалась неудачей, иногда позором и скандалом, иногда бегством и изгнанием - а между тем за мной признавали хорошие способности и даже известную меру доброй

воли!»[7]. С подозрением в психической неполноценности на некоторое время Гессе был помещен в лечебно-исправительное заведение для эпилептиков и слабоумных в Штеттене.

Многие герои произведений писателя так же долгое время не могут найти общего языка с окружающими их людьми. Вот несколько примеров.

Петер Каменцинд до своей жизни в Ассизи не может переносить людей. Вот что он говорит: «Я не любил людей, жил отшельником и в отношении человеческих ценностей постоянно был во всеоружии сарказма и презрения»[8]. Сиддхартха до знакомства с Камалой презирал большинство людей. Синклер после знакомства с Максом Демианом стал смотреть на людей сверху вниз, особенно когда узнал о том, что ими можно с легкостью манипулировать.

В упомянутых выше произведениях присутствуют герои-искусители, кардинально меняющие жизнь главных персонажей, заставляющие их отказаться от своего прошлого. В «Демиане» - это Франц Кромер, разрывающий тонкую границу между двумя мирами Синклера (сам Эмиль видел эту границу, но боялся переступить ее). В «Нарциссе и Гольдмунде» - это Конрад, пригласивший Гольдмунда в деревню. В «Петере Каменцинде» - это дядя Петера Конрад, настоявший на том, чтобы племянника отдали в школу и познакомивший его с миром большого города, где почти все люди – Каменцинды. В «Индийской судьбе» - это жена Дасы Правати, которая побуждает его убить брата, а позже заставляет покинуть отшельника и стать правителем. В «Игре в бисер» Плинио Дезиньори вторгается в жизнь Йозефа Кнехта, прося помочь его сыну, вследствие чего Йозеф «предает» Игру и Орден, и погибает.

Некоторое время Гессе работал в издательстве отца, затем был учеником механика Перрота в Кальве (кстати, это имя в «Игре в бисер» приписано основателю Игры), учеником книготорговца, часовщиком и, наконец, в 1895 г. устроился продавцом книг в университетском городе Тюбингене, а позже в Базеле. Здесь у него появилась возможность много читать.

Он занялся самообразованием, поскольку был глубоко разочарован школьной системой обучения: «… учителя наши сообщали нам на уроках по забавному предмету, именовавшемуся всемирной историей, что мир всегда был ведом, правим и обновляем такими людьми, которые сами творили себе собственный закон и восставали против готовых законов, и мы слышали, будто люди эти достойны почтения; но ведь это было такой же ложью, как и все остальное преподавание, ибо, стоило одному из нас по добрым или дурным побудительным причинам в один прекрасный день набраться храбрости и восстать против какой-либо заповеди или хотя бы против глупой привычки или моды - и его отнюдь не почитали, не ставили нам в пример, но наказывали, поднимали на смех и обрушивали на него трусливую мощь преподавательского насилия»[9].

В 1899 г. Гессе вступил в литературное общество «Le petit Cenacle» («Маленький кружок»), где у него появилась возможность публиковаться. Так и его герой, Петер Каменцинд, попадает на работу в газету, где пишет рецензии на книги. Заработка ему на жизнь хватает, и он бросает учебу. Именно эта работа продавцом книг (как и у самого писателя) дает Петеру возможность много читать.

После выхода «Петера Каменцинда» в 1904 г. Гессе оставляет работу, уезжает в деревню и начинает жить только за счет публикации своих произведений. В том же году он женится на Марии Бернуйи. Молодая чета переезжает в Гайнхофен, отдаленное местечко на Бодензее. В семье появляются трое детей.

В 1910 г. Гессе совершает поездку в Индию, под впечатлением от которой он пишет сборник рассказов, очерков и стихотворений «Из Индии». Эта поездка повлияла и на написание через шесть лет романа «Сиддхартха».

В 1912 г. семья Гессе окончательно поселяется в Швейцарии. Гессе не может мириться с националистическими настроениями в Германии. Его статьи на родине ругают, в адрес писателя сыплется гора оскорблений.

1914 год стал для писателя переломным. 3 ноября в газете «Нойе цюрихер цайтунг» появилась его статья «О, друзья, довольно этих звуков!» (заглавие – цитата, оно повторяет возглас, которым предварен финал Девятой симфонии Бетховена). Гессе обращается не к политикам и не к массам, а к профессиональным служителям культуры, обвиняя их в отступничестве, требуя неумолимой верности идеалу духовной свободы. Статью можно назвать наивной, но сила ее - в прямоте поставленного вопроса: готова ли немецкая культура изменить самой себе? Выступление Гессе привлекло внимание Р. Роллана и дало толчок к сближению обоих писателей, окончившемуся их многолетней дружбой.

Еще одна статья, продолжавшая линию первой, навлекла не Гессе разнузданную травлю «патриотических кругов». «Старые друзья оповещали меня, что они вскормили у своего сердца змею и, что сердце это впредь бьется для кайзера и для нашей державы, но не для такого выродка, как я. Ругательные письма от неизвестных лиц поступали во множестве, и книготорговцы ставили меня в известность, что автор, имеющий столь предосудительные взгляды, для них не существует»[10].

Годы Первой мировой войны оказались для Гессе серьезным испытанием. Он считал войну результатом забвения культуры, духовных достижений человечества. Писатель занял принципиальную антивоенную позицию.

В 1916 г. умирает отец Гессе, а через два года сходит с ума его жена (так же сходит с ума жена Гарри Галлера, героя «Степного волка», инициалы которого не случайно совпадают с инициалами Г. Гессе). На протяжении двух лет постоянно болеет сын Гессе Мартин.

В 1919 г. Гессе покидает семью и переезжает в Монтаньолу, на юг Швейцарии. Работа по организации снабжения военнопленных книгами, которую вел писатель, истощила его силы. Военные годы разрушили веру Гессе в немецкий народ. Он придерживается мнения, что война – неизбежный итог духовного кризиса европейской цивилизации и что писатель должен способствовать рождению нового мира.

Череда тяжелых событий ввергает Гессе в глубокую депрессию. Писатель проходит курс психоанализа в клинике "Зоннматт" под Люцерном. Его наставник - Йозеф Ланг, ученик Карла Густава Юнга. Он заставляет Гессе рисовать, и с 1919 г. до самой смерти Гессе постоянно рисует, в основном пейзажи. Ему принадлежат около 3000 акварелей.

В живописи Гессе был самоучкой: «…пришел день, и я открыл для себя совсем новую радость. Внезапно, дойдя уже до сорока лет, я начал заниматься живописью. Не то чтобы я почитал себя за живописца или желал стать таковым, но живопись - чудесное времяпрепровождение, она делает тебя веселее и терпеливее. После нее у тебя пальцы не черные, как после писания, но красные и синие», - пишет Гессе в своем «Кратком жизнеописании»[11].

Так и его герой Гольдмунд первоначально рисовал сам и лишь после того, как увидел изображение Божьей Матери в церкви одной из деревушек, решил найти себе наставника.

Самоучкой был Эмиль Синклер в «Демиане»: «Я приступил с осторожностью. Написать лицо было очень трудно, я решил начать с другого. Я писал орнаменты, цветы, маленькие фантастические пейзажи, дерево у часовни, римский мост с кипарисами. Часто я так увлекался этой игрой, что чувствовал себя счастливым ребенком над коробкой с красками. Наконец, я стал писать Беатриче»[12].

Поразительно то, что, несмотря на жизненные невзгоды, картины, которые писал Гессе, были полны ярких, жизнерадостных красок. Как мне кажется, он пытался выразить в картинах то, чего не мог выразить в своей прозе или поэзии и то, чего ему не хватало в жизни. Живопись стала той отдушиной, которая помогала Гессе сохранить рассудок и желание жить.

Черты психоаналитиков Й. Ланга и К.Г. Юнга (у которого в 1923 г. наблюдался Гессе) начиная с 1919 г. находим в героях почти всех произведений писателя. В «Демиане» - это сам Макс Демиан. Он рассуждает о чтении мыслей, Каине и Авеле, о Голгофе и о разных интерпретациях Библии. Он помогает Эмилю избавится от его кошмара – Кромеля. У меня

сложилось впечатление, что в Кромеле Гессе олицетворил часть своих собственных напастей. Сам Юнг назвал «Демиана» «маяком в бурную ночь». Имя Эмиль Синклер для Гессе было связано со святой памятью Гёлдерлина, самым верным другом которого был бунтарь Исаак Синклер. Рассказы «Клейн и Вагнер» и «Последнее лето Клингзора» продолжают линию «Демиана».

Рискну предположить, что даже в романе «Степной волк» носителями теории Юнга являются Пабло и, отчасти, Гермина, хотя ее прототипом скорее стал Й. Ланг, который, как и она, вовремя оказал помощь погибающему: «Она была окошечком, крошечным светлым отверстием в темной пещере моего страха. Она была спасением, путем на волю. Она должна была научить меня жить или научить умереть, она должна была коснуться своей твердой и красивой рукой моего окоченевшего сердца, чтобы оно либо расцвело, либо рассыпалось в прах от прикосновения жизни»[13]. Справедливости ради, замечу, что высказанное мною предположение не находит подтверждение у исследователей творчества Гессе, которые полагают, что прототипом Гермины была Беатриче, а прототипом Пабло – Моцарт.

В «Игре в бисер» Й. Ланг является нам в обличии Плинио Дезиньори. Он спорит с Кнехтом, они сближаются, но живут в разных мирах (и в «Демиане» существуют два мира, Эмиль принадлежит обоим).

В 1923 г. Гессе официально разводится с женой, а через год женится на Руфи Венгер, однако этот брак продлился лишь три года. В 1922 г. выходит роман «Сиддхартха». Первую часть он посвящает своему другу и единомышленнику Ромену Роллану.

Начиная с 1923 г. Гессе, страдавший ишиасом и ревматизмом, периодически наезжает в курортный Баден, вблизи Цюриха. Он пишет «Psychologia Balnearia, или записки баденского курортника». в 1925 г. после доработки это произведение, написанное частично в Бадене, частично в Монтаньоле, получило название «Курортник». В 1948 г. Гессе писал: «…ко времени моего первого лечебного пребывания в Бадене я, должно быть, уже внутренне созрел и был подготовлен к новым переживаниям и раздумьям, ибо именно тогда появилась моя книжечка «Курортник», которую я до последнего времени, вплоть до лишенной всякой иллюзии старческой горечи, считал своей лучшей книгой и, о которой я всегда вспоминал с большой симпатией»[14].

В 1926 г. Гессе был избран в Прусскую академию писателей, но через 4 года, разочарованный происходящими в Германии политическими событиями, вышел из ее состава. В 1931 году Гессе женится в третий раз, на Нинон Долбин. Около десяти лет он жил в Швейцарии, работает над «Паломничеством в страну Востока», «Игрой в бисер» и др. произведениями.

Сбылись худшие предчувствия писателя, побудившие его еще в 1912 г. навсегда переселиться в Швейцарию, а в 1923 г. отказаться от германского подданства. Власть Гитлера в Германии достигла своего апогея. Гессе с энтузиазмом поддерживает антифашистскую оппозицию. Он видит в фашизме закономерное следствие событий 1918 г., провала революции и Веймарской республики. В немецкой прессе исчезло имя Гессе, - констатировал в 1937 году швабский поэт Э. Блайх, пославший писателю шуточные стишки вместо запрещенного официального поздравления с шестидесятилетием.

Гессе считает, что народы ответственны за свои действия, и не принимает никаких попыток объяснить поражение Германии в войне внешними несущественными причинами или попыток как-то смягчить вину Германии, умолчать о ней: «беда и позор Германии состоят не в том, что теперь она побеждена и ей тоже приходится пострадать, а в том, что она много лет творила эти мерзости»[15]. Гессе предостерегает немцев от национализма, который, как ему кажется, опять завладевает их умами. «Вы должны познать человека как человека, а не человека как немца, и научиться любить этого человека, только тогда Вы имеете право сказать, что Вы не националист», - писал он в 1947 г. в письме к одному из своих корреспондентов.

После «Игры в бисер» Гессе не создал ни одного крупного произведения. В свет выходили лишь его статьи и переводы. Вот что он пишет в своем «Кратком жизнеописании» об этом периоде его жизни: «Я принужден был отказаться от писательства, когда усмотрел, что все, что мне хотелось сказать, уже было сказано в "Золотом горшке" и в "Генрихе фон Офтердингене" в тысячу раз чище, чем смог бы я».

В 1946 г. Г. Гессе была присуждена Нобелевская премия по литературе «за вдохновенное творчество, в котором все с большей очевидностью проявляются классические идеалы гуманизма, а также за блестящий стиль». После ее получения продолжают появляться его эссе, письма, новые переводы романов. Но «Игра в бисер» стала венцом творчества писателя.

Помимо Нобелевской премии, Гессе был награжден Цюрихской литературной премией Готтфрида Келлера, Франкфуртской премией имени Гете, премией Мира Западногерманской ассоциации книгоиздателей и книготорговцев, а также удостоен почетной докторской степени Бернского университета.

Г. Гессе умер в Монтаньоле в 1962 г., в возрасте 85 лет, во сне от кровоизлияния в мозг.

Подведем итоги. Сравнение событий жизни художника с его произведениями является продуктивным способом понимания того, что хотел сказать автор. В произведениях Гессе много автобиографичного. Судьба его была полна превратностей, нашедших отражение в творчестве писателя. Знакомство с биографией Гессе позволяет читателю понять в его произведениях гораздо больше, чем там написано буквально.

[1] Гессе Г. Краткое жизнеописание // Собр. соч. В 4-х т. Т. 3. СПб.: Северо-Запад, 1994. – с. 431.
[2] Березина А.Г. Герман Гессе. Предисловие к изданию избранной прозы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
[3] Гессе Г. Краткое жизнеописание //По следам сна: Сб. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – с. 49.
[4] Там же. – с. 47.
[5] Гессе Г. Демиан // Собр. соч. В 4-х т. Т. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. - с. 248.
[6] Есакова С. Примечания // Петер Каменцинд. СПб.: Изд-во Амфора, 1999. – с. 359.
[7] Гессе Г. Краткое жизнеописание //По следам сна: Сб. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – с. 50.
[8] Петер Каменцинд. СПб.: Изд-во Амфора, 1999.
[9] Гессе Г. Краткое жизнеописание //По следам сна: Сб. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – с. 47.
[10] Там же. – с. 50.
[11] Там же. – с. 58-59.
[12] Гессе Г. Демиан // Собр. соч. В 4-х т. Т. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. – с. 251.
[13] Гессе Г. Степной волк // Собр. соч. В 4-х т. Т. 2. СПб.: Северо-Запад, 1994. – с. 288.
[14] Аверинцев С. Путь Германа Гессе. Предисловие к изданию избранной прозы. – М.: Худож. лит., 1977.
[15] Гессе Г. Письмо Г. Фридриху от 18.06.1945 // По следам сна: Сб. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – с. 376-377.

4 ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ : ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Роль иностранного языка при формировании личности студента

Маркушевская Л.П.

За последние десятилетия в структуре высшего образования появилось повышенное внимание к изучению иностранного языка имеющего общеобразовательное значение, знакомящего учащихся с многочисленными и разнообразными реалиями страны изучаемого языка.

Живя и работая в открытом обществе, имея возможности путешествовать, учиться и работать за рубежом (что значительно повысило мотивацию к изучению языка) студенты в курсе обучения иностранному языку должны помимо овладения профессионально ориентированными навыками приобрести компетенции коммуникативно-бытового общения, что является необходимым, при прямом или опосредствованном контакте с носителями языка в соответствии с нормами поведения, традициями и культурой данной страны.

Каждый урок иностранного языка - это как бы перекресток культур, практика межкультурной коммуникации, за каждым иностранным словом стоит иностранный мир с его собственной историей, культурой, мировоззрением.

В наши дни выпускник вуза - это широко образованный специалист, имеющий фундаментальную подготовку по профилирующим предметам, для которого иностранный язык является не самоцелью, а необходимым компонентом карьерного роста.

В социологических исследованиях последних лет делаются выводы о том, что для повышения конкурентоспособности любого предприятия необходимо, чтобы каждый квалифицированный специалист умел читать, анализировать зарубежные первоисточники, знал, что планируется в развитых странах в соответствующих областях науки и техники.
В прогрессивно развивающемся обществе, помимо профессионализма, особую важность приобретают такие личностные черты как инициативность, коммуникабельность, динамичность, умение работать в команде.

Грамотная коммуникабельность, умение работать в команде, позволяет создать реальный психологический контакт с коллегами и руководством, преодолеть тот психологический барьер, который часто возникает в начале трудовой деятельности.
Умение вести себя в соответствие с общепринятыми нормами данного общества способствует достижению успеха в бизнесе, продвижению по служебной лестнице.
Чтобы осознать и оценить роль иностранного языка в разных его аспектах как учебного предмета нужно определить, что получает общество, от того, что его граждане владеют иностранным языком и что получает сам гражданин от владения иностранным языком.
Иностранный язык- уже сам по себе общественная ценность и то, что он включен в стандарты третьего поколения является социальным заказом общества. Как и родной язык иностранный не может существовать изолированно, он тесно связан со всеми сферами жизнедеятельности общества: экономикой, политикой, образованием.

Иностранный язык , как и родной, выполняет две основные функции в жизни человека: функцию общения и функцию познания. Но иностранный язык в отличии от родного является еще средством межгосударственного общения.

Создание коммуникативной ситуации - один из методов, способствующих развитию коммуникативных способностей, в основе которых лежит “обоюдный код”- то есть осознание реалий, предмета коммуникации между участниками общения.

Коммуникативная способность - это личностно-психологическая характеристика, обеспечивающее эффективность при общении с другими индивидуумами. Коммуникативное обучение иностранному языку положительно влияет на развитие всех психических функций человека, особенно на развитие абстрактного мышления.

Моделирование на занятиях реальных ситуаций, участие в ролевых играх естественно развивает воображение и творческие способности обучающегося.

Необходимо отметить, что изучение иностранного языка благотворно влияет на культуру общения и на родном языке. Например, участие в тематическом диалоге на английском языке учит заранее планировать высказывание, подбирая для реакции на информацию собеседника наиболее подходящее высказывание. Чтение и анализ текста на иностранном языке, составление плана и тезисов к тексту, распределение предложений или абзацев в логической последовательности, грамматическая и лексическая разминка, внеаудиторное чтение способствуют приобретению навыков логично излагать свои мысли и не только на иностранно языке, но и на родном.

Ни один предмет не обладает такими межпредметными связями, как иностранный язык, овладев которым, студенты используют его на практике при обучении другим предметам. Так чтение оригинальной литературы на иностранном языке позволяет им значительно повысить свой профессиональный уровень, использовать достижения науки в практических целях, Хорошее владение языком дает возможность нашим студентам участвовать в международных конференциях и симпозиумах, сотрудничать с зарубежными фирмами.

В курсе обучения иностранному языку, согласно требованиям третьего образовательного стандарта, обучающийся должен обладать такими общекультурными компетенциями, как:

а) владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, переработке полученной информации, постановке цели и выбору путей ее реализации на практике;

б) способностью логически последовательно строить устную и письменную речь, создавать тексты (под текстами подразумеваются доклады, сообщения, отчеты) профессионального назначения;

в) способностью уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать культурные, религиозные и социальные различия в обществе.

В процессе обучения иностранному языку студентом должны быть освоены следующие общепрофессиональные компетенции, такие как способность отбирать и анализировать научно-техническую информацию, учитывая современные тенденции развития зарубежной науки, техники, технологии и использовать их в профессиональной деятельности.

Студент должен знать профессиональную лексику на иностранном языке, переводить социально-бытовые и профессиональные тексты, уметь анализировать социально-значимые процессы, происходящие в обществе, владеть одним из иностранных языков на уровне разговорного.

Отмечая важную роль изучения иностранного языка при подготовке квалифицированного специалиста необходимо отметить основные функции языка. В первую очередь это, конечно, расширение кругозора учащегося о социально-экономической системе, культурных ценностях, традициях и обычаях страны изучаемого языка. Но помимо этого изучение иностранного языка имеет влияние на формирование у личности студента таких черт, как умение искать, анализировать, сопоставлять, сравнивать полученную информацию, делать самостоятельные выводы об актуальности и возможности практического применения.

Иностранный язык как учебный предмет вносит неоспоримый вклад в культуру умственного, творческого потенциала учащегося, давая практические навыки как пользоваться двуязычными словарями, грамматическими справочниками, электронными пособиями, методическими разработками по выполнению самостоятельной работы. Обучение студентов составлению аннотаций и рефератов, проведение презентаций способствует укреплению межпредметных связей, позволяет использовать приобретенные навыки и умения при изучении других предметов.

Но возвращаясь к иностранному языку как общеобразовательному предмету в вузе, следует отметить, что первостепенным все же является формирование профессиональной направленности обучения языку во все ее аспектах, таким образом, давая возможность студентам знакомиться с достижениями в области их профессиональных интересов за рубежом.

Помимо вышесказанного необходимо подчеркнуть, что никакой другой предмет не может так повышать культуру общения, как язык.

Студенты в процессе общения приобретают компетенциями общения, такие как знание речевого этикета, способность понять, осмыслить полученную информацию и адекватно, учитывая этику поведения, традиции и обычаи, характерные для страны собеседника, на нее среагировать. Интересными и полезными для студентов как технических, так и гуманитарных факультетов являются следующие тестовые задания открытого типа.

Test №1

1. You are visiting a temple in Thailand. In the courtyard of the temple, people are sitting on the ground. They are resting and talking. You are tired, so you sit down on the ground, too. You lean back on the temple wall and stretch your feet out in front of you. Thai people frown at you. You know you are doing something wrong. What is it?
    a. Only Thais sit on the ground at temples. People from other countries should stand or sit on a chair.
    b. Your back is against the wall of the temple. It is against the law to touch any part of a temple in Thailand.
    c. You are sitting with your feet stretched out in front of you. That means you are pointing your feet at people. It is very impolite.
2. You are at a tea shop in Nepal. The man next to you – a Nepali – pays five rupees for his cup of tea and leaves. When you get up to leave, the shop owner tells you the price of your cup of tea is seven rupees. What do you do?
    a. Be firm. Tell the shop owner you saw the other man pay only five rupees. Say that you'll pay only five rupees, too.
    b. Try to bargain the price down to at least six rupees.
    c. Ask again how much the tea is. If the shop owner says seven rupees again, pay the seven rupees.
3. You are studying at a university in the United States. In line at the cafeteria, you meet a friendly American student. You have a long conversation. You are new in the U.S. and lonely. Here, you think, is a real friend. You exchange phone numbers, but your new friend doesn't call you. A week later, you see her again in the cafeteria. She smiles and says, "Hi", but she passes by your table to sit with some friends. What should you do?
    a. Walk over to her table. Ask her, "Why didn't you call me?"
    b. Forget her. She probably doesn't want to make new friends.
    c. Call her once or twice. Invite her to do something together. If she always says she is busy, then forget her.
4. At a party in France, you are introduced to a stranger. What is a good question to begin a conversation?
    a. "Are you married?"
    b. "What kind of work do you do?"
    c. "Who did you vote for in the last election?"

Keys

1. c.

In Thailand, it is insulting to point your foot at a person.

2. c

In Nepal, the cost of many things is based on how much the customer can afford to pay. Generally, foreigners are richer than Nepalis, so the shop owner charged you more for the tea than he charged the Nepali man. To the Nepali, it is fair. So, it is best to quietly pay the seven rupees.

3. c

Americans are very busy – so busy that some people don't want to take the time to make friends. To make friends in the United States, you may have to be assertive and take the first step.

4. c

It is impolite to ask questions about a French person's personal life. (The question that is a conversation-opener in the United States – "What do you do for a living?" – is considered especially impolite in France.) The French would rather talk about politics, history, or the arts.

Test №2

В данном тесте помимо предложенных норм поведения в определенной ситуации в Великобритании и США предлагается сравнить, как вести себя в соответствии с нормами поведения родной страны.

1. The lesson was due to begin ten minutes ago but the teacher has not yet arrived The students:

a. stay in class and wait;

b. leave the class;

c. choose a member of the class to find out what is happening;

d. decide to wait or leave depending on the teacher's seniority.

2. A customer sitting at the table in a restaurant would like to get the waiters attention. He:

a. calls out "Hey, waiter" or something similar, in a loud voice;
b. b. claps his hands or snaps his fingers:
c. waits until the waiter comes to the table;
d. tries to catch the waiter's eye and states his request when the waiter is near enough to hear him.

Keys

1. a. This is often the case though it is not considered the best solution.

b. This rarely happens, certainly not after only ten minutes.

c. This would be the most sensible thing to do and is probably the most usual.

d. This may happen in some schools but is not usual.

2.a. This is considered impolite and is unlikely to produce the desired effect.

b. This could well be interpreted as stealing.

c. Annoying though it can often be to wait, this is expected behavior.

d. This is rude and insulting and unlikely to achieve any response but distress aggravation to the other present.

При выборе ошибочной альтернативы даются подробные разъяснения этики поведения, традиций данной страны.

Такие задания, имеющие страноведческий характер учат студентов сопоставлять нормы поведения, традиции общения в разных странах, готовят их к толерантному и доброжелательному восприятию того, что изначально может показаться непонятным и иррациональным.

В наши дни, когда произошло непредсказуемое смешение народов, народностей, культур, языков, от преподавателей требуется пробуждать у студентов интерес к чужим культурам, стремление их понять.

Данная тенденция нашла свое отражение и в английском языке, а точнее в политкорректности или языковом такте, с чем мы должны хотя бы в небольшом объеме ознакомить наших студентов.

В основе языкового такта лежит желание общества не задеть чувства человека, для чего требуется убрать из языка все те языковые единицы, которые могут оскорбить его, подобрать для таких слов нейтральные эвфемизмы.

Началось это движение африканским англоязычным населением, усмотревшим негативную коннотацию в слове ‘’black’’ по отношению к ним. Затем это было подхвачено феминистским движением, борющимся за права женщин в разных странах.

Вот пример того,какие изменения претерпели так называемые ”расистские” слова в языке.

Negro-black-coloured-African-American-Afro-American.

Обращение **Ms** по аналогии с **Mr** не дискриминирует женщину , так как не определяет ее социальный статус **Miss-Mrs** (замужем- не замужем). Это обращение широко используется в деловых письмах, в последнее десятилетие стало популярным и в разговорной речи.

Более того, претерпевают изменения не только слова в целом, но и те части слова, которые несут семантическую нагрузку, указывая на пол того, о ком идет речь. Они все чаще заменяются словами, безотносительно к полу объекта.

Chairman-председатель-chairperson.

Postman-почтальон-mail carrier.

Headmistress-директриса- headteacher

Вот еще несколько примеров, когда общество языковыми средствами старается защитить от обид людей с различного рода физическими или умственными недостатками.

Invalid-handicapped-disabled-differently -abled- physically challenged-(инвалид- с физическими/умственными недостатками -покалеченный-с иными возможностями - человек, преодолевающий трудности из-за своего физического состояния.)

Retarded children-children with learning difficulties - (умственно-отсталые дети - дети, испытывающие трудности при обучении).

Исходя из вышесказанного и несмотря на то, что существует более двух десятков определений, что же такое язык, хочется подчеркнуть, что главным для понятия “язык “ являются функции общения и выражения мысли, формирующие личность человека, образ жизни, национальный характер, через заложенное в языке видение мира, отношение к окружающей среде, менталитет, культуру народа, пользующуюся этим языком.

Литература

1. Сенир Э. Коммуникация. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: 1993.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: «Слово», 2000.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd. 1998.
4. L. Heyer Even More True stories. Second Edition. A Person Education Company, N.Y. 2000.
5. D. Hains Cultural Encounters. Pergamon Press. Oxford. 2001.

Роль предмета «иностранный язык» для развития становления гражданской позиции студентов

Жукова Т.А.

Последнее время на всех этапах обучения как в общеобразовательных школах, профессиональных лицеях и колледжах, так и в вузах все большее значение приобретает изучение проблем иностранного языка и культуры. Параллельно с овладением иностранными языками происходит освоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка.

Роль иностранного языка в российской системе профессионального образования определяется общественными и экономическими факторами в связи с возросшими требованиями к общей культуре профессиональной компетентности, обильности

подготовки специалистов всех профилей. На современном этапе по-новому происходит осмысление задач стоящих перед российскими нелингвистическими вузами. Интересно отметить, что в технических вузах изменилось отношение не только к такому социально значимому направлению в обучение, как экономика, но и к предмету «иностранный язык». Изучение именно такого предмета расширяет кругозор студентов, увеличивает мотивацию к взаимодействию различных стран в какой либо более узкой профессиональной области. При этом студенты, как будущие специалисты , с интересом и гордостью будут рассказывать или писать в статьях и докладах, а может быть и выступать на международных конференциях с темами о достижениях и перспективах развития нашей страны.

Владея иностранными языками, культурой страны изучаемого иностранного языка, возможно, интегрироваться в общество с рыночной экономикой, быть конкурентно способным на рынке труда и более осознанно воспринимать мировые проблемы.

Сегодня в условиях глобализации, межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях, межгосударственной интеграции в сфере образования, в условиях развития информационных технологий есть большая потребность в знании иностранного языка и в то же время возрастает опасность утраты интеллектуального потенциала нации. Сохранение и закрепление лучших кадров в стране возможно при подготовке специалистов с четкой гражданской позицией, отстаивающих национальные интересы государства и общества, выполняющих свой гражданский долг. Это актуализирует проблему гражданского воспитания.

Состояние гражданского воспитания, особенно в его базисном компоненте - гражданская позиция, - во многом зависит от условий, в которых оно протекает. В профессиональной деятельности все более важное место должна занять гуманитарная составляющая, обеспечивающая развитие нравственных, гражданских качеств личности. В решении этой задачи невозможно недооценивать роль иностранного языка Закон РФ «Об образовании» закрепил ведущие функции языка: культуросозидательную, менталететообразующую и социально-воспитательную, отражающие воспитательный потенциал учебного предмета «Английский язык». Успех процесса обучения иностранному языку во многом зависит от учебных материалов. При составлении тематического планирования существует возможность включения языкового материала воспитательного и развивающего характера. Отбираемые тексты могут и должны характеризоваться социокультурным наполнением, формирующим у студента представления о роли страны иностранного языка и своей страны в образовании национальной и мировой культуры; сравнительно высокой и стабильной мотивации студентов, осознающих важность и значимость знания иностранных языков в современных условиях и др.

Иностранные языки одновременно являются и целью и средством обучения, так как направлены на формирование личности. Английский язык не является тем средством, посредством которого можно познать только англо-говорящие страны. С помощью английского языка можно рассказать всему миру о культуре собственной страны, о России. Следовательно, целью практически любого курса изучения иностранного языка является не только обучить определенным знаниям и дать возможность применить умения и навыки в конкретной теме, но и заинтересовать учащихся, и поднять их хотя бы на один уровень в процессе формирования у учащегося коммуникативной компетенции, в умении критически мыслить, сравнивать, применять изученные навыки и умения в реальных ситуациях общения.

Современная политика в области языкового образования строиться на основе синтеза всех сфер жизни в обществе и лингводидактики. Этот синтез позволил выработать подходы к реализации образовательной политики в области методики преподавания иностранных языков. Такой подход к изучению иностранных языков, как показывает практика, более интересен студентам, а при усилении мотивации к изучению и, как

известно, результаты лучшее. Студенты больше узнают, с интересом делятся этими знаниями и в результате получают высокие оценки работодателей. А это ведет к развитию и становлению гражданской позиции в целом.

В конце прошлого столетия обучение иностранному языку в неязыковом вузе было ориентировано только на чтение, понимание и перевод текстов по специальности, а так же изучение научного стиля по профилю вуза. Сейчас при коммуникативном подходе в обучении, постоянно растет потребность в развитии языковой составляющей вузовского образования.

В демократическом обществе важно умение работать в коллективе, важен интенсивный обмен информацией. Владение иностранным языком позволяет ознакомление с новейшими технологиями и открытиями науки и техники ,делает возможным установление профессиональных контактов с зарубежными партнерами. Поэтому необходимо использование групповой работы в процессе обучения , что позволяет обучающимся поддерживать друг друга, приобретать личностно значимое, осмысленное знание. Преимуществом организации групповой работы со студентами является возможность межпредметной интеграции, опора на знания студентами приемов и правил общения. Студенты овладевают знаниями об особенностях групповой и коллективной работы, технологиями критического мышления[1]. Произошло преобразование дисциплины ,,Иностранный язык" в средство достижения профессиональной реализации личности. Новая языковая политика направлена на гибкий выбор изучаемых языков,укрепление принципов вариативности и приемственности. Такой подход позволит нелингвистическим вузам самостоятельно разрабатывать учебные программы по иностранным языкам на основе примерных программ для нелингвистических специальностей, утвержденных Министерством образования РФ, сочетать их с требованиями ,,Общеевропейских компетенций владения иностранными языками", принятыми Департаментом по языковой политеке Совета Европы[2].

Потребность в иностранных языках возникает в процессе использования интернета и телекоммуникационных технологий в целом, а также для обработки больших потоков информации и в связи с развивающимися международными отношениями в сфере профессиональной деятельности.

Основными целями обучения иностранного языка делового и профессионального обучения в нелингвистических вузах является: дальнейшее развитие языковых навыков, закрепление необходимого объема специальной терминологии, умение вести научную дискуссию на иностранном языке, способность решать поставленных проблемы в ходе деловой игры. Обучение студентов умению видеть в профессиональных текстах переводческие трудности, знакомство студентов с текстами, отобранными по принципу актуальности затрагиваемых проблем[3]. Соответственно в процессе обучения студенты получают всесторонние знания, они читают и обсуждают большое количество сложных тем, прибегают к помощи интернета, читают литературу в оригинале. В результате постоянно происходит процесс сравнивания достижений и культур англоязычных стран с достижениями и культурой нашей страны. Студенты в процессе изучения предмета «иностранный язык» получают более широкие знания, чем на других предметах. Иностранный язык в соответствии с требованиями современных программ тесно связан с другими дисциплинами и различными областями жизни. Студенты начинают чувствовать заинтересованность в обучение и более свободно разбираются в различных научных областях, они в состояние доказывать и объяснять различные научные явления, становятся более конкурентоспособными на рынке труда, что ведет к становлению гражданской позиции.

Иностранный язык в настоящее время важен в различных областях деятельности: в дипломатии, торговле, науке, культуре, экономике, спорте и, конечно, в образование и научных разработках. То есть английский язык является связующим звеном в работе и

общение представителей разных стран в сферах техники, экономики, культуры, литературы и других.

Проблемы культуры приобретают сегодня первостепенное значение еще и потому, что культура выступает мощным фактором социального развития.

Культура воздействует на все сферы общественной и индивидуальной жизнедеятельности - труд, быт, досуг, область мышления и т. д., на образ жизни общества и личности. Социальное влияние культура приобретает, прежде всего, в качестве необходимого аспекта деятельности общественного человека.

В цели отдельных тем как и всего курса должно входить практическое применение лексики и грамматики для составления монологов, диалогов и сообщений, чтобы заинтересовать учащихся и стараться сформировать коммуникативную компетенцию для применения изученных навыков и умений в реальных ситуациях общения. Так развивается гражданская позиция.

Иностранный язык профессионального общения предполагает обучение особенностям будущей специальности с учетом средств иностранного языка. Овладение иностранным языком происходит параллельно с развитием профессиональных качеств студентов, значением национально-специфических характеристик носителей языка и культуры страны изучаемого языка. Значимость иностранного языка профессионального общения заключается в его междисциплинарном характере объединении с основными дисциплинами для приобретения необходимых специальных знаний и формирования профессиональных качеств личности. Более того, иностранный язык способствует повышению профессиональной компетенции студентов.

Безусловно, основное внимание в нелингвистическом вузе должно уделяться профессионально направленному обучению иностранному языку, постановке коммуникативных задач для всех видов речевой деятельности в пространстве каждой речевой ситуации.

В соответствии с государственным образовательным стандартом по иностранным языкам основной задачей обучения студентов нелингвистических факультетов иностранному языку считается формирование коммуникативной компетенции, необходимой для квалифицированной информационной и творческой деятельности в различных сферах и ситуациях делового партнерства, совместной производственной и научной работы.

Все большее значение приобретает изучение проблем иностранного языка и культуры. Параллельно с овладением иностранным языком происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка.

Требования делового и профессионального общения в контексте межкультурной коммуникации диктуют необходимость научить студентов умениям использовать иностранный язык в ситуациях межкультурного общения, понять образ жизни и поведение носителей языка, расширить картину мира и личности с целью приобщения к языковой картине мира носителей языка.

Сегодня в связи с расширением профессиональных контактов между специалистами разных стран, исследование социокультурного контекста обучения иностранным языкам - одно из условий успешной профессиональной деятельности.

Качество подготовки специалиста определяется его способностью к эффективному профессиональному общению, степенью владения профессиональными навыками и умениями, готовностью к использованию профессиональных знаний при решении профессиональных задач. Обучение языку профессионального общения, нацеленное на повышение языковой компетенции и на решение проблем, характерных для России, позволит студентам находиться в курсе теоретических разработок ведущих зарубежных специалистов в области их профессиональной сферы, обсуждать основополагающие проблемы, связанные с их будущей специальностью, ориентироваться в значительных потоках профессиональной информации, знакомиться с принципами самостоятельного

поиска материала, рассказывать о достижениях России. Необходимо в полной мере учитывать процесс модернизации образовательного процесса при формировании профессиональных умений. Внедрение информационных технологий в образование привело к появлению новых форм обучения, базирующихся на электронных средствах обработки и передачи информации. Эти технологии очень хорошо использовать для мотивации обучения и углубления знаний в любой области, что ведет к повышению эрудиции студента. В последнее время в связи с практикой сокращения часов, отведенных на аудиторную работу, произошло повышение количества внеаудиторных часов /различные диспуты, ролевые игры и др. / Одной из важных задач остается научить студентов видеть в иностранном языке средство получения и углубления системных знаний по специальности и использование языка в беседах и дискуссиях профессионального характера.

В проведении учебно-воспитательной работы со студентами преподаватели стремятся к выработке гражданской компетентности, опирающейся на гражданские ценности.

Литература

1.Общеевропейские компетенции владения иностранным языком. Страсбург: Cambridge UniversityPress.М.:МГЛУ,2003.
2.Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. М.Филоматис, 2004.
3.Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.1981.
4.Балашов В.В.Организация научно-исследовательской деятельности в вузах России. МГУ, 2002.

Компоненты содержания обучения иностранному языку в высшей школе

Волкова С. Л.

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в нашей стране в связи с расширением политических, экономических и культурных связей и вхождением России в мировое образовательное пространство вызвала необходимость изменений в обучении иностранному языку студентов высших учебных заведений.

Хотя сама педагогическая система «высшая школа» достаточно длительное время является предметом педагогических исследований, проблема становления языковой личности специалиста в сфере информационных технологий изучена еще недостаточно.

Исторически сложилось так, что в отечественном высшем образовании повышенное внимание уделяется усвоению студентами знаний, умений и навыков. Однако объем знаний человечества увеличивается последние десять лет в геометрической прогрессии, а перечень языковых знаний, умений и навыков, необходимых специалисту в сфере профессиональных и межкультурных коммуникаций достаточно обширен.

По этой причине в российской и зарубежной педагогике все активнее обсуждается вопрос о том, как совместить ограниченные сроки подготовки профессионала, лимитированный бюджет учебного времени образовательного учреждения с быстрым расширением знаний, которыми должен владеть будущий специалист для успешного решения коммуникативных задач.

Решению данной проблемы может способствовать применение многокомпонентного подхода при обучении студентов технических вузов иностранному языку.

В содержании обучения иностранному языку Г. В. Рогова, Ф. Н. Рабинович и Т. Е. Сахарова выделяют три компонента: лингвистический, психологический и методологический [5].

Первым компонентом содержания обучения, по мнению ученых, является лингвистический компонент, который объединяет языковой материал (фонетический, грамматический и лексический минимумы) и речевой материал (образцы речевых высказываний) [5].

Языковой и речевой материал составляют не только лингвистическое, но и экстралингвистическое содержание обучения, так как языку обучают и как источнику сведений о национальной культуре народа.

Элементы страноведения, вводимые в курс обучения иностранному языку, в настоящее время приобретают все большее значение, и, как отмечает М. К. Борисенко, они должны быть обязательным компонентом при формировании иноязычных знаний, умений и навыков.

У. М. Риверс отмечает, что, согласно одному из концептуальных положений коммуникативного подхода, язык, являясь феноменом определенной цивилизации, должен изучаться в контексте этой цивилизации [4]. Для этого студентам следует познакомиться с культурой страны изучаемого языка.

Отражение данного положения Д. И. Шейлз видит в социолингвистическом и социокультурном компонентах коммуникативной компетенции [6].

Под социолингвистической компетенцией понимается способность использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией. Это знание норм пользования языком в различных ситуациях и владение ситуативными вариантами выражения одного и того же коммуникативного намерения, т. е. студентам необходимо знать эти варианты и понимать причины использования одного из них в контексте определенной ситуации общения.

Социокультурная компетентность, т. е. некоторая степень знакомства с социокультурным контекстом, в котором используется язык, подразумевает знание правил и социальных норм поведения носителей языка, традиций, истории, культуры и социальной системы страны изучаемого языка. Только обладая этими знаниями, можно правильно интерпретировать речевое и неречевое поведение носителя языка.

Принципиальная поправка, внесенная Ван Эком в новую концепцию содержания иноязычной коммуникативной компетенции, принятая Институтом Всеобщего высшего образования при Совете Европы, – «Т-уровней» (Threshold Levels) также касается выделения в составе коммуникативной компетенции социокультурной составляющей.

Социокультурную составляющую Ян Ван Эк определяет как знание социокультурного контекста (в котором рассматриваемый язык используется его природными носителями), а также того, как этот контекст влияет на выбор и коммуникативный эффект употребления определенных лингвистических форм. В этом случае студент показывает свою осведомленность в тех нормах социального поведения, которые определяют исполнение конкретных ролей в иноязычном обществе [7].

Речевое и неречевое поведение коммуникантов определяется социальным контекстом, т. е. коммуникативной ситуацией. Поэтому необходимо уделить особое внимание анализу речевого и неречевого поведения говорящих в зависимости от ситуации. Преподавателю следует обратить внимание на то, как обращаются друг к другу носители языка в ситуациях официального и неофициального общения: как запрашивают информацию, обращаются с просьбой, здороваются, прощаются, начинают и завершают разговор и т. д. Нужно также сообщить обучающимся слова и словосочетания, закрепленные за определенными ситуациями: приветствия, обращения, поздравления и др.

Таким образом, при овладении иностранным языком студентам помимо лингвистических знаний, умений и навыков необходимы знания об окружающем мире применительно к стране изучаемого языка.

Второй или психологический компонент содержания обучения иностранному языку составляет формирование умений и навыков пользоваться изучаемым материалом в целях общения [5].

Данный компонент называют психологическим, так как психология занимается строением и формированием деятельности, а речь может рассматриваться как вид речевой деятельности. Речевая деятельность находит реализацию в конкретных речевых действиях. Речевые действия возможны только в том случае, когда владение языковым и речевым материалом доведено до уровня навыков и умений.

По А. А. Леонтьеву, система навыков и умений описывается как основа для формирования коммуникативных умений. Коммуникативное умение, в свою очередь, рассматривается как способность дифференцированно использовать для различных коммуникативных целей различные речевые навыки или их последовательности [3].

Выделяют четыре вида коммуникативных умений: 1) умение говорить; 2) умение слушать; 3) умение читать; 4) умение писать, каждое из которых включает в себя частные умения. Виды умений в реальной коммуникации сложно взаимодействуют. Например, умение говорения и аудирования тесно связаны как две стороны устной речевой деятельности, также как и умение письма и чтения.

Организация коммуникативной деятельности в учебном процессе может быть рассмотрена как деятельностное средство обучения, которое способствует овладению студентами всеми видами лингвистических знаний, умений и навыков.

Основной курс изучения иностранного языка в техническом вузе охватывает студентов первого и второго курса.

Первый курс решает задачи приобщения недавнего абитуриента к студенческим формам коллективной жизни. Поведение студентов отличается высокой степенью конформизма; у первокурсников отсутствует дифференцированный подход к своим ролям.

Второй курс – период самой напряженной учебной деятельности студентов. В жизнь второкурсников интенсивно включены все формы обучения и воспитания. Студенты получают общую подготовку, формируются их широкие культурные запросы и потребности. Процесс адаптации к среде высшего учебного заведения в основном завершен.

Психологическое развитие личности студента – диалектический процесс возникновения и разрешения противоречий, перехода внешнего во внутреннее, самодвижения, активной работы над собой.

Б. Г. Ананьев представлял развитие личности как возрастающую по масштабам и уровням интеграцию – образование подструктур и их усложняющийся синтез. С другой стороны, происходит параллельный процесс возрастающей дифференциации психических функций (развитие, усложнение, «разветвление» психических процессов, состояний, свойств) [1].

В настоящее время необходимо осуществить переход от информационно-объяснительного обучения студентов к деятельному, развивающему. Важными становятся не только усвоенные в вузе знания, но и способы усвоения, мышления и учебной деятельности, развитие познавательных сил и творческого потенциала студента. А этого можно добиться только при условии демократичности методов обучения, раскрепощения студентов, разрушения искусственных барьеров между преподавателями и студентами [2].

Развивающее обучение предполагает переход от типичной для традиционного обучения схемы «услышал – запомнил – пересказал» к схеме «познал путем поиска вместе с преподавателем и товарищами – осмыслил – запомнил – способен оформить свою мысль словами – умею применить полученные знания в жизни».

Существует шесть основных функций взаимодействия субъектов педагогического процесса при оптимальном педагогическом общении:

• *конструктивная* – педагогическое взаимодействие преподавателя и студента при

обсуждении и разъяснении содержания знаний и практической значимости по предмету;

• *организационная* – организация совместной учебной деятельности преподавателя и студента, взаимной личностной информированности и общей ответственности за успехи учебно-воспитательной деятельности;

• *коммуникативно-стимулирующая* – сочетание различных форм учебно-познавательной деятельности (индивидуальной, групповой, фронтальной), организация взаимопомощи с целью педагогического сотрудничества; осведомленность студентов о том, что они должны узнать, понять на занятии, чему научиться;

• *информационно-обучающая* – показ связи учебного предмета с производством для правильного миропонимания и ориентации студента в событиях общественной жизни; подвижность уровня информационной емкости учебных занятий и ее полнота в сочетании с эмоциональным изложением учебного материала, опорой на наглядно-чувственную сферу студентов;

• *эмоционально-корригирующая* – реализация в процессе обучения принципов «открытых перспектив» и «победного» обучения в ходе смены видов учебной деятельности; доверительного общения между преподавателем и студентом;

• *контрольно-оценочная* – организация взаимоконтроля обучающего и обучаемого, совместное подведение итогов и оценка с самоконтролем и самооценкой [2].

В качестве третьего компонента содержания обучения иностранному языку Г. В. Рогова, Ф. Н. Рабинович, Т. Е. Сахарова называют методологический компонент. Под ним они понимают обучение рациональным приемам учения, «познания нового языка». «Студентов нужно научить соблюдать факты языка, осуществлять контроль, уметь прогнозировать, корректировать свои ошибки, анализировать результаты своей учебной деятельности» [5].

В профессионально-ориентированном обучении иностранному языку в высшей школе кардинальное значение приобретают формы контроля. Важно как можно больше «автоматизировать» эти формы, с одной стороны, освободив преподавателя от рутинной механической работы и с другой стороны – показав студентам необходимость постоянного и регулярного контроля за процессом усвоения иностранного языка.

Таким образом, оптимизация преподавания иностранного языка может идти по трем основным направлениям: **лингвистическому, психологическому** и **методологическому**. Лингвистическое направление предусматривает формирование языковых, речевых и страноведческих знаний, умений и навыков; психологическое – коммуникативных умений; методическое – умений самообразования (умений самоконтроля, самооценки, самоорганизации, методических знаний, умений, навыков и т. п.).

Литература

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания: монография / Б. Г. Ананьев. – М., Наука, 1977. – 380 с.

2. Буланова-Топоркова М. В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие / М. В. Буланова-Топоркова. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 512 с.

3. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики: монография / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1981. – 584 с.

4. Риверс У. М. Принципы изучения и обучения иностранному языку на основе взаимодействия обучаемого и преподавателя: монография / У. М. Риверс. – М.: Наука, 1989. – 271 с.

5. Рогова Г. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. – М.: Педагогика, 1991. -287 с.

6. Шейлз Д. И. Коммуникативность в обучении иностранным языкам / Д.И. Шейлз. – М.: Совет Европы Пресс, 1995. – 121 с.

7. Эк Я. В. Иноязычная коммуникация / Я. В. Эк. – М.: Девис, 1996. – 192 с.

Формирование мультимедийных компетенций у преподавателей иностранного языка в высшей школе

Э.Р. Хусаинова

Мультимедиа и телекоммуникационные технологии открывают принципиально новые методические подходы в системе как общего образования, так и профессиональной подготовки преподавателей в вузе. Использование мультимедийных средств информационно-коммуникационных технологий на сегодняшний день является важнейшим критерием при оценке профессиональных компетенций преподавателей иностранного языка. В данной статье рассмотрены основные компетенции, которыми должен обладать современный преподаватель.

Преподавание современных языков (как родного, неродного и иностранного) невозможно сегодня представить без использования компьютерных технологий и ресурсов Интернет. В рамках Приоритетного Национального проекта "Образование" в России появляется все больше учебных заведений, оснащенных современными мультимедийными классами и компьютерным оборудованием. Сегодня актуальной задачей инновационного развития образования является эффективное использование сетевых и компьютерных технологий в учебном процессе. Поэтому многим практикующим преподавателям так важно получить знания и оперативные умения не только компьютерного пользователя, но и компетентного сетевого лингводидакта, способного переработать традиционный учебный материал в новый цифровой формат, создать авторский курс для дистанционного обучения, научиться вести курс дистанционного обучения, создавать со своими студентами новые сообщества, ориентированные на усвоение и поиск нового знания.

В первую очередь попытаемся разобраться, что же понимается под термином «компетенция».

Прежде всего, отметим, что ориентированное на компетенции образование (competence-based education – CBE) формировалось в 70-х годах в Америке в общем контексте предложенного Н. Хомским в 1965 году понятия «компетенция» применительно к теории языка, трансформационной грамматике. Как отметил Н. Хомский, «… мы проводим фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Употребление, по Н. Хомскому, «в действительности» связано с мышлением, реакцией на использование языка, с навыками и так далее, то есть связано с самим говорящим, с опытом самого человека. [1]

Все исследователи соглашаются с тем, что понятие «компетенция» ближе к понятийному полю «знаю, как», чем к полю «знаю, что». Вслед за Н. Хомским, В. Хутмахер подчеркивает, «что употребление есть компетенция в действии …» [1].

В этом широком контексте трактовки компетенции/компетентности в мире продолжается работа по изменению содержания стандартов и процедуры аттестации преподавателей, в частности и прежде всего иностранного языка.

Принимая во внимание, что компетенции это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека, Зимняя И.А. выделяет 3 группы компетенций [1]:

1. Компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения.
2. Компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы.
3. Компетенции, относящиеся к деятельности человека.

   К третьей группе компетенций в частности относят компетенции информационных технологий: прием, переработка, выдача информации; преобразование информации

(чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерная грамотность, владение электронной, интернет технологией.

В конечном результате, преподаватель компетентен в области информационно-коммуникационных технологий, если:

- ведёт поиск и отбор дополнительной информации для обучения с использованием Интернет-ресурсов;
- представляет образовательную информацию с использованием различных компьютерных средств;
- участвует в работе сетевых объединений преподавателей, Интернет-конференциях с целью повышения своего профессионального уровня;
- разрабатывает компьютерные тесты, системы рейтинговой оценки знаний учащихся на основе стандартных приложений и программ-оболочек;
- формирует собственные базы данных из Интернет-ресурсов учебного назначения;
- создает учебные пособия и материалы на электронных носителях с использованием стандартных приложений и инструментальных средств;
- применяет готовые мультимедийные разработки в образовательных и воспитательных целях;
- управляет учебно-воспитательным процессом с помощью стандартных приложений и специальных компьютерных программ.

Важной компетенцией, на наш взгляд, является определение на соответствие современным требованиям дидактики каждой мультимедийной программы, каждого коммуникационного проекта в интернете, на целесообразное использование возможностей мультимедиа и, наконец, насколько конкретный продукт подходит для конкретного обучающегося/группы с позиции преследуемых учебных целей, методики обучения и технических требований.

Зачастую наблюдается низкий уровень мотивации многих педагогов к использованию различных видов информационной деятельности в предметных методиках обучения, что связано, в частности, с отсутствием позитивного субъективного опыта в проектировании и использовании мультимедиа и средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В среде преподавателей – предметников существует опасение, что затраты труда преподавателей при использовании ИКТ окажутся непропорционально большими в сравнении с повышением успеваемости по конкретным учебным предметам [2]. Таким образом, существует противоречие между высоким потенциалом мультимедийных технологий и низкой готовностью педагогов к их применению в профессиональной деятельности. Возможности мультимедиа в образовательном процессе в высшей школе были предметом последних исследований. В них отмечено противоречие между высоким образовательным потенциалом мультимедийных средств и недостаточным теоретическим рассмотрением феномена мультимедийности с позиций педагогики. Результаты исследований отечественных и зарубежных ученых (в том числе в рамках международных программ DELTA и TEMPUS) приводят к общему заключению, что внедрению мультимедиа в большинстве случаев препятствует неудовлетворительная организация (дидактические и технические аспекты) учебного процесса. Причиной этого, по нашему мнению, является недостаточный уровень владения основами методики внедрения цифровых образовательных ресурсов в учебно-воспитательный процесс; методикой создания педагогически эффективных презентаций; владение базовыми сервисами и технологиями Интернета в контексте их использования в образовательной деятельности, а также нехватка в системе подготовки педагогических кадров и повышения квалификации преподавателей апробированных и стандартизированных курсов, направленных на разработку и применение в учебном процессе мультимедийных, компьютерных и информационных средств обучения. Остается открытым и вопрос выбора оптимальной методической системы построения

курсов повышения квалификации, которая включала бы проектно-конструкторскую деятельность обучаемых, позволяла им действовать активно и продуктивно, поддерживала мотивацию и направленность на творческую самореализацию.
Мультимедиа и телекоммуникационные технологии открывают принципиально новые методические подходы в системе как общего образования, так и профессиональной подготовки преподавателей в вузе.

Наиболее адекватной методикой использования мультимедиа-технологий для формирования компетенций служат активные методы обучения, к которым относится кейс-метод, метод управляемого открытия, метод проектов и портфельный подход.

Многие авторы: Д. Джонассен, Н.А. Инькова, Н.В.Клемешова, И.И. Косенко, СВ. Панюкова, С. Пейперт, С.А. Христочевский и др. отмечают, что использование систем гипермедиа, электронных книг и «микромиров» позволяет найти подходы к реализации личностно-ориентированного обучения в школе и вузе. При этом очевидно и то, что использования мультимедиа как методического средства обучения несёт ряд негативных аспектов. В имеющихся на сегодняшний день исследованиях использования мультимедиа можно выделить следующие проблемы[4]:

а) не учитываются персонифицированные стили обучения. Иными словами, реальная индивидуализация обучения на основе использования мультимедиа происходит лишь при условии совпадения познавательного стиля автора мультимедиа-программ со стилем пользователя;

б) не учитываются коммуникативные или социально-познавательные аспекты обучения. Введение графики, видеоизображений и аудиоинформации не решает проблем обеспечения эффективной коммуникации, оказывающей существенное эмоциональное (а следовательно, и мотивационное) воздействие на обучаемого;

в) введение различных типов медиа-воздействия (среди которых звук, графика, видео, анимация) не всегда решает проблему улучшения восприятия, понимания и запоминания информации, а порой мешает восприятию за счет зашумления каналов обучаемых;

г) неподготовленность учителей к свободному использованию мультимедиа в образовании есть следствие низкой мультимедиа-грамотности (умение осуществлять обоснованный выбор мультимедиа-средств для реализации педагогических целей, знание возможностей и современных тенденций развития мультимедиа, владение инструментальными средствами разработки мультимедиа учебного назначения для сборки мультимедиа-модулей);

д) существует проблема отторжения имеющихся программ и ресурсов, которое происходит по причинам неадекватности мультимедиа-программ реальному образовательному процессу;

е) использование мультимедиа как нового дидактического средства в традиционных системах обучения не позволяет оптимально реализовать образовательный и развивающий ресурс мультимедиа.

Под навыками работы с мультимедийными программами и интернетом очень часто подразумевается умение обращаться с компьютером, т.е. сугубо технические аспекты. Однако значительно важнее компетентность преподавателя в вопросах дидактики, осведомленность в вопросах развития мультимедийной продукции, умение оценить целесообразность использования того или иного продукта исходя из потребностей и возможностей конкретных учеников.

Подкованность в области дидактики гораздо более необходима для преподавателя, чем глубокие познания в технических вопросах. Поэтому ему не следует бояться каких-либо технических проблем при работе с компьютером, так как от преподавателя ожидается в первую очередь профессионализм при составлении учебного плана и его реализации на занятиях.

Литература

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования//Высшее образование сегодня.-2003.-№5.-С.34-42.
2. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративный подход. М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2004. – 336с.
3. Christa Dauvillier, Dorothea Levy-Hillerich Spiele im Deutschunterricht. Kassel, Muenchen, Tuebingen: Universitaet Kassel, 2006. – S.198.
4. Gerhard Neuner, Hans Hunfeld Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. Eine Einfuehrung. Kassel: Langenscheidt. – 2007. – S.184.

Внедрение информационных технологий в практику обучения иностранного языка в техническом вузе

Федорова Е.А.

Одной из важных задач современного технического университета инновационного типа является совершенствование системы вузовского обучения путем использования ИКТ, что дает возможность обеспечить учебный процесс в соответствии с мировыми стандартами и сделать выпускников конкурентоспособными. Особое место в процессе достижения этих целей отводится формированию умений и навыков владения иностранным языком как средством повседневного и делового общения в рамках профессиональной деятельности, а также формированию информационной компетенции средствами иностранного языка на основе междисциплинарных связей.

Решение поставленной задачи невозможно без повышения роли самостоятельной работы студентов над учебным материалом, которая планируется, организуется, контролируется и оценивается. Самостоятельная работа включена в концепцию дисциплины иностранный язык. Ограниченная сетка аудиторных занятий не позволяет в полном объеме реализовать концепцию самостоятельной работы с использованием ИКТ, поэтому использование резервных возможностей внеаудиторной самостоятельной работы студентов для комплексного внедрения ИКТ в практику обучения является актуальной проблемой. В современном техническом вузе целесообразно интегрировать ИКТ в традиционный процесс обучения конкретной дисциплины, сохраняя на аудиторных занятиях общение студента с преподавателем с целью обсуждения и разъяснения изучаемого материала.

Доминирующая среди ИКТ мультимедиатехнология позволяет создавать учебный материал на более качественном уровне, поскольку предоставляется возможность работать не только с текстом, но и с его визуальным оформлением. В интегрированном виде используется текстовая, графическая, анимационная, видео и звуковая информация. Интеграция ИКТ в учебный процесс по иностранному языку проводится в комплексе с разработкой соответствующего научно-методического обеспечения учебного процесса. Поэтому актуальной остается также и задача концептуализации содержания и наработки методик и технологий получения мультимедийных учебных иноязычных материалов для технических вузов. Необходимо создавать средства обучения, адекватные сложившейся коммуникативной обстановке, находя новые формы и режимы подачи учебных материалов.

Построение информационной образовательной среды обеспечивает системную интеграцию новых информационных технологий в педагогическую систему вуза. Web-страница рассматривается как обучающая среда и используется при отборе аутентичного материала, выложенного на профессионально-ориентированных сайтах. Материал постоянно обновляемых англоязычных сайтов позволяет организовать обучение в естественной языковой среде с привлечением наглядности и всех реквизитов, сопутствующих общению специалистов. Потенциал Интернета, как обучающей среды, оценен с лингводидактической точки зрения и сделано обоснование для включения

Интернет-ресурсов в методический инструментарий организации процесса обучения. Выработаны также критерии оценки качества web-материалов. (А.А.Атабекова, Т.В.Шустикова, 2007; Раицкая Л.К. 2007; Титова С.В. 2008 и др.) Однако, не все методологические задачи решены. Существует необходимость выработки стандартов электронных обучающих ресурсов. Так, гигиенические аспекты, связанные с предъявлением информации на экранах компьютеров, практически не рассматривалась в литературе. У исследователей различных областей знания отсутствует единая точка зрения на правила отображения информации на экране компьютера. Поэтому следует разрабатывать и внедрять правила и стандарты эргономического характера при организации работы студентов с ИКТ. Ряд совместных исследований в этой области проводится с Институтом нейрологии и когнитивных исследований.

Стремительное развитие коммуникационных систем на фоне меняющихся реалий жизни сопровождается ростом интереса к дизайну как социокультурному феномену. Объяснение этого явления с точки зрения философии как проектного мышления может стать методологической основой исследовательской деятельности. Творческое отношение к какому-либо системному объекту в социальном и культурном пространстве, теперь уже и в системе образования, попадает в сферу методологии проектного мышления. Так, целый ряд вопросов профессионально-ориентированного обучения нуждается в новых теоретических идеях и методологических подходах, чтобы совершенствовать качественные характеристики этой сферы деятельности. Дизайн в образовании рассматривается как теоретико-методологическое направление и средство позитивного реформирования всей системы образования на основе проектного творчества. Теоретическое осмысление данной проблемы считается инновационным. В системе отечественного образования всегда происходили эволюционные и реформаторские процессы на основе прогнозирования и проектирования, поскольку имело место ее несовершенство. Необходимо дальнейшее концептуальное развитие идеи. Следует внедрять проектные методы дизайна для создания различных образовательных программ, в том числе частных методик и технологии внедрения конкретных образовательных продуктов.

Для вузовской системы значимым является не только опыт моделирования сложных объектов в рамках различных подходов (деятельностном, системном, функциональном и пр.), но и опыт дизайнера-педагога как посредника и координатора деятельности различных организаций и специалистов для объединения их усилий при создании сложного системного объекта для учебных целей.

Особое внимание следует уделять формированию юзеровской субкультуре (ЮСК) как подсистеме информационной культуры. Она представляет собой систему ценностей, норм и моделей поведения группы людей, которые объединены степенью приобщения к информационным потокам, средам и ИКТ. Она проявляется в способности использовать в своей деятельности программные продукты, в умении извлекать актуальную, искомую информацию из различных электронных источников и представлять ее в понятном виде. Кроме того, важно также владение основами аналитической переработки информации, умение работать с информацией различного уровня и знание особенностей информационных потоков в области своей деятельности. Без такой базовой подготовки насыщение аудиторий умными цифровыми устройствами теряет смысл. Поэтому можем говорить о тройственном сочетании межпредметных связей при создании мультимедийных учебных материалов, а именно, иностранного языка, содержательного плана специальных дисциплин и основ информатики, что не усложняет, а наоборот оптимизирует и выводит на качественно новый уровень изучение иностранного языка в техническом вузе.

Стандартное программное обеспечение IBM PC и лингвистические среды (оболочки) получают статус средств обучения, поскольку позволяют решать конкретные дидактические и образовательные задачи. В настоящее время стандартные программы для

персональных компьютеров дают возможность преподавателям создавать на основе визуального программирования отдельные страницы и электронные пособия, не прибегая к дорогостоящим услугам программистов. Однако, недостатком является невозможность их сетевого использования, например Power Point, так как они выполнены не в стандарте HTML. Совершенствование программного обеспечения, появление новых возможностей лингвистических оболочек и повышение компетенции преподавателей в области применения ИКТ позволяют осуществить комплексный подход к разработке учебных интерактивных мультимедийных материалов для технического вуза. Особое внимание следует уделять дидактическому моделированию. Учебные мультимедийные материалы, выполненные в виде отдельных модулей, становятся структурными единицами электронного учебника в ходе наработки методик по его созданию. Модульные мультимедийные учебные материалы – это определенная информационная технология, которую преподавателям следует осваивать. При выборе инструментальных сред для создания шаблона курса, приобретая лицензию у разработчика программного продукта, необходимо руководствоваться международными стандартами качества программных средств. В частности, Приказ Минобразования и Госстандарта РФ от 08.03.04 № 302-1188 «О создании технического комитета по стандартизации «ИКТ в образовании» и Международные стандарты качества программных средств ГОСТ ISO 9126 определяют качество программного продукта. Согласно данному стандарту характеристиками качества являются: функциональность, надежность, практичность, эффективность, сопровождаемость и мобильность.

Созданные на кафедре иностранных языков учебные мультимедийные материалы предназначены для самостоятельной работы студентов. Интерактивные упражнения, моделируемые в инструментальной среде – готовой лингвистической оболочке, дают возможность работать как в режиме локальной сети, так и удаленно через сервер. Доступность наполнения оболочки для преподавателей иностранного языка позволяет за короткий срок на основе ресурсов Интернет, при определенной адаптации содержания, создавать учебные блоки в HTML, открытые для последующего редактирования и обновления. Новые учебные электронные материалы окажут положительное воздействие как на мотивационную сторону изучения иностранного языка, так и непосредственно процессуальную, связанную с формами учебной деятельности и видами заданий, а также совершенствование иноязычных навыков и умений.

Литература

1. Атабекова А.А., Шустикова Т.В**.** Интернет-технологии в обучении иностранным языкам.- М.: МГОУ, 2007.

2. Маджуга А.Г. Развитие идей дизайн-образования в процессе проетирования педагогических систем // Дизайн-эргономика в современной образовательной среде. – М., 2007, с. 44-49

3. Раицкая Л.К. Интернет-ресурсы в преподавании английского языка в высшей школе: классификация, критерии оценки, методика использования: Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2007.

4. Сидоренко В.Ф. Дизайн как общеобразовательная дисциплина // Проблемы дизайн-образования. М., 2005

5. Филиппов В.М. Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений. // Высшее образование. – 2003. - № 2

Язык и картина мира
Козловская О.Г.

Введение

Человека всегда интересовала проблема отношения языка и мира, языка и мышления. Комплекс “язык - мышление - мир” как объект изучения появился в древности с того момента, когда становится возможным говорить о началах лингвистических учений, но столь же животрепещущим он остается и сейчас.

От Гумбольта до Вайсгербера

Мысль о существовании особого языкового мировидения была сформирована В. Гумбольдтом как научно-философская проблема еще в начале 19 века. Этому ученому принадлежат идеи об определяющей роли языка в человеческом мышлении, о связи языка с умственной и духовной жизнью народа, его культурой. В. Гумбольдт считал язык творцом действительности, формирующим общественное сознание. По В. Гумбольдту, все в языке является перевоплощением и отражением народного духа (Гумбольдт 1984, 1985). Язык является одним из тех явлений, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности. Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что коль скоро существует одно, другое можно вывести из него.

Язык, таким образом, находится между человеком и воздействующим на него внешним миром. Активная роль языка приводит к тому, что он рисует умственному взору человека картину внешнего мира в соответствии с особенностями того мировоззрения, которое отражено в языке.

Идеи В. Гумбольдта создали плодотворную почву для появления разнообразных концепций, в основе которых лежит мысль о том, что элементы языка выражают некое мыслительное содержание и различия между языками рассматриваются как проявление особенностей мышления носителей этих языков или как воплощение особой этнической культуры.

Стремление интерпретировать все особенности каждого конкретного языка как особенности мышления его носителей нашло, по мнению М.Н. Лапшиной, наиболее завершенное оформление в концепции Л.Вайсгербера и в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа (Лапшина 1998).

Л.Вайсгербер, так же как и В. Гумбольдт, считает язык мысленным “промежуточным миром”, являющимся результатом взаимодействия мира вещей и мира сознания. После подобного взаимодействия язык сам создает окружающий мир. Язык есть образ, картина мира (КМ), мировоззрение народа. Различие языков - это проявление различных взглядов на мир, и для людей, говорящих на разных языках, мир выглядит по-разному (Weisgerber 1973).

Воззрения Сэпира и Уорфа

Большой вклад в обсуждение проблемы соотношения языка, мышления, действительности и культуры был внесен Э.Сэпиром и Б. Уорфом. Основные положения их гипотезы были довольно подробно рассмотрены в ряде работ (Брутян 1968; Васильев 1974; Панфилов 1977). Эти положения представляется возможным свести к следующему:

1. Язык определяет характер мышления, его логический строй. Формирование мыслей, по словам Б. Уорфа, это “не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других - весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих народов” (Уорф 1960: 174).
2. Характер познания действительности зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты. “Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как

калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, как правило, языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы - участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка" (Уорф 1960: 174-175).

3. Человеческое знание не имеет объективного, общезначимого характера. Только сходство или, по крайней мере, соотносительность языковых систем могут создать сходную картину Вселенной. В этом заключается принцип относительности.

Таким образом, по Б.Уорфу, язык - это орудие, средство осуществления мышления, он "лепит" человеческое сознание, и поэтому мышление каждого народа имеет чисто национальные черты, всецело предопределяемые имманентным развитием национального языка. В результате этого носитель языка познает не объективную действительность, а только тот язык, носителем которого он является (Лапшина 1998).

Критика лингвистического детерминизма

Как известно, эта гипотеза была уже неоднократно предметом критики как в зарубежном, так и в отечественном языкознании (см., например, Звегинцев 1960: 461; Колшанский 1975: 229). Ее лингвистический детерминизм в том жестком смысле, какой вложил в нее Б.Уорф, признан несостоятельным. Но от этого проблема соотношения языка, мышления и объективной действительности не потеряла своей актуальности. Она всегда значима, но только не в том "перевернутом" виде, в каком, по определению В.Н.Ярцевой, она выступает в теории Сэпира-Уорфа (Ярцева 1968: 43).

Главный аргумент, который обычно выдвигается против тезиса Б.Уорфа о том, что язык довлеет над сознанием, являясь "смирительной рубашкой" и, не позволяя человеку выйти за пределы картины мира (КМ), навязываемой ему собственным языком, основан на том, что сознание человека не сводится к сумме значений языковых единиц, репрезентирующих сознание и используемых в речи. Оно гораздо богаче набора этих единиц за счет внеязыковых знаний, полученных в ходе всей практической деятельности человека. Практическая, познавательная деятельность людей играет определяющую роль и для языка, и для сознания (Панфилов 1977).

Но, несмотря на общую негативную оценку этой теории, хотелось бы отметить и некоторые положительные моменты, имевшие большое значение для развития лингвистики. Так, например, интересными представляются выводы Б.Уорфа о гностическом своеобразии языковых КМ, которые он строил главным образом на примерах структурно-семантических расхождений между европейскими и индейскими языками. В процессе анализа их различий, Б.Уорф пришел к определенным выводам, связанным с разграничением языковой и научной КМ. Обе они представляют собой "систему анализа окружающего мира" (Уорф 1960: 190). Но в языковой КМ эта система в течение многих столетий создается рядовыми носителями языка, а в научной она представляет собой результат усилий ученых - энциклопедистов. Первая локализуется в обыденном сознании и фиксируется в языке, а другая - в научном сознании и научных знаках.

Подобное разграничение языковой и научной КМ нам кажется не совсем корректным, так как ученые-энциклопедисты тоже являются носителями обыденного языка, используемого членами их социума. Они вырабатывают особый, научный язык для оформления научных теорий, но это делается с помощью языка, т. е. в рамках языковой КМ. Как пишет Б.Уорф, "... человечество не знает случайных взлетов и не достигло в течение последних тысячелетий никакого внушительного прогресса в создании синтеза, но лишь забавлялось игрой с лингвистическими формулировками и мировоззрениями, унаследованными от бесконечного в своей длительности прошлого. Но ни это ощущение, ни сознание произвольной зависимости всех наших знаний от языковых средств, которые еще сами в основном не познаны, не должны обескураживать ученых, но должны,

напротив, воспитать ту скромность, которая не отделима от духа подлинной науки" (Уорф 1960: 182). Таким образом, автор как бы подтверждает, что ученые главным образом переводят на научный язык уже содержащиеся в языке сведения. А, следовательно, нет смысла постулировать существование двух КМ: языковой и научной.

Понятие картины мира и её типы

Следует рассмотреть и другие точки зрения на эту проблему. Сам термин "КМ", по наблюдениям В.И.Постоваловой, был введен в науку на рубеже XIX - XX веков Г.Герцем и М.Планком, которые употребляли его по отношению к физической КМ, физическому его "образу". В философии и лингвистике его начали употреблять Л.Витгенштейн, К.Ясперс, Л.Вайсгербер (Постовалова 1988: 12). В настоящее время существуют различные толкования понятия КМ. Так, в "Краткой философской энциклопедии" под ним понимается "совокупность мировоззренческих знаний о мире" (Краткая философская энциклопедия 1994: 201). Но мне представляется более интересным определение, данное В.И. Постоваловой, понимающей под КМ "исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека" (Постовалова 1988: 21). Причем КМ как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Постовалова также отмечает, что "базисное свойство КМ как ядра мировоззрения заключается в ее космологической ориентированности (она есть глобальный образ мира) при одновременной антропоморфичности (она несет в себе черты специфически человеческого способа миропостижения)" (Постовалова 1988: 44).

Я полностью поддерживаю точку зрения цитируемого выше автора в вопросе определения сущностных характеристик КМ. Однако вызывает сомнение правомерность выделения описываемых ею типов КМ. В частности, В.И. Постовалова пишет о том, что "Существует несколько качественно различных типов субъектов картин мира: взрослые и дети; лица психически нормальные и лица с нарушениями в психике; люди современной цивилизации и люди архаического миропонимания. Соответственно выделяют три принципиально различных типа картин мира: 1. КМ взрослого человека и детская КМ; 2. КМ психически нормального человека и психопатологическая КМ; 3."цивилизованная" КМ и "архаическая" (Постовалова 1988: 32).

Думается, что определение объективных критериев разграничения вышеназванных типов КМ представляет собой слишком сложную, едва ли решимую задачу. Чем КМ взрослого человека отличается от детской? Каковы возрастные критерии отнесения субъекта КМ ко "взрослым" и "детям"? Какими сведениями руководствуется автор классификации, полагая, что КМ трехлетнего ребенка меньше отличается от КМ девятилетнего, чем "детская" КМ от "взрослой"? Почему при упоминании психопатологической КМ не дается пояснения относительно конкретных заболеваний и их влияния на психику человека, его ментальные способности? Мне представляется, что различные болезни по-разному влияют на мыслительные процессы и, соответственно, на мировидение индивидуума, на его КМ.

Применение рядом исследователей культурологического подхода к типологии КМ также вызывает ряд вопросов. В частности, В.И. Постовалова говорит о том, что "В каждой самостоятельной сфере общественного сознания - мифологии, религии, философии, науке - существуют свои особые средства мировосприятия, свои "призмы", через которые человек видит мир. Итогом такого мировидения и являются соответственные картины мира - мифологические, религиозные, философские, научные" (Постовалова 1988: 33).

Идея подобного рода классификации нашла свое дальнейшее развитие в статье Л.В. Даниленко. Она полагает, что основные типы КМ связаны с "шестью компонентами духовной культуры" - религией, наукой, искусством, нравственностью, политикой и языком. Каждый из них предопределяет соответственный тип КМ. В итоге выделяется шесть базовых типов КМ - религиозный (мифологический), научный, художественный,

нравственный, политический и языковой. Каждый из них строит свою модель мира (ММ), осваивая свой взгляд на мир. Субъектами религиозной КМ являются верующие, субъектами научной КМ - ученые, субъектами художественной КМ - художники, субъектами нравственной КМ - моралисты, субъектами политической КМ - политики, субъектами языковой КМ - “рядовые носители повседневного языка”. “Все они смотрят на один и тот же, хотя и меняющийся, объект - мир, но смотрят по-разному” (Даниленко 1997: 31).

Если принять эту точку зрения, то придется согласиться либо с тем, что человек не может одновременно принадлежать к двум и более категориям людей, выделенных Л.В. Даниленко (например, нельзя быть одновременно верующим, художником и “рядовым носителем повседневного языка”), - утверждение явно абсурдное; либо придется признать, что один и тот же индивидуум является обладателем сразу нескольких КМ. Тогда возникает вопрос о том, как он их совмещает. Мне представляется более правомерным говорить о единой КМ, индивидуальной для каждого человека, сегментами которой будут являться религиозная, научная, философская, языковая и другие модели мира (ММ). Хочется подчеркнуть то обстоятельство, что КМ всегда будет индивидуальна, так как “... не может быть единой, совпадающей в деталях иерархии смыслов и духовных ценностей для всех людей, говорящих на данном языке. Завершенная однозначно воспринимаемая КМ возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности” (Караулов 1987: 36).

Заключение

Обобщая встречающиеся в научной литературе определения языковой КМ, Ю.Н. Караулов указывает на то, что под “языковой КМ понимаются два разных аспекта рассмотрения семантики: либо общая, интегральная ее картина, совокупность всего языкового содержания, относительно постоянная и медленно эволюционирующая, либо специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков” (Караулов 1976: 245).

Суммируя мнения лингвистов о соотношении КМ и языка, представляется возможным выделить следующие функции последнего:

1. В недрах языка происходит формирование языковой КМ.
2. Язык эксплицирует концептуальную КМ человека.
3. Язык способствует передаче знаний и опыта отдельных индивидуумов, а, следовательно, созданию/коррекции КМ получателя информации.
4. Язык воздействует на способы категоризации и концептуализации действительности носителями конкретного языка. Язык можно сравнить со зрением.

Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все миросозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли.

При этом не следует упускать из вида то обстоятельство, что язык не может считаться самостоятельным познавательным механизмом, способным полностью регулировать познание мира и адекватно представлять его в жизни, однако “Именно в языковых формах фиксируются и отображаются результаты этого отражения”(Серебренников 1988: 104).

Литература

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры.-М.:Прогресс,1985
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию.-М.:Прогресс ,1984-397с
3. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова.-СПб: издательство С.-Петербургского ун-та, 1998.- 159с.
4. Weisgerber L. Zweimal Sparache.- Duesseldorf:Pad. Verl. Schwann,1973.-303s.
5. Брутян Г.А. Гипотиза Сепира – Уорфа.-Ереван.:Луйс,1968.- 66с

6. Васильев Л.М. Теория семантических полей // В Я №5.-М.:Изд-во АНСССР,1974.-с.105-113.
7. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления.-М.Наука,1977.-232с.
8. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике.-Вып.1.-М.:Прогресс,1960.-с.169-182.
9. Звегинцев В.А. Гроссематика и лингвистика.-В кн.: Новое в лингвистике.Вып.1.-М:Изд-во иностранная литература,1960 – с.215-243.
10. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения / ияш, 1975, № 1.
11. Ярцева В.Н. Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании // Язык и общество.- М.:Наука,1968.-с.39-55.
12. Постовалова В.И. Картина мира и жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.-М.:Наука, 1988.-с.8-69.
13. Даниленко В.П. Русская терминология.-М.,1997-с.248.
14. Караулов Ю.Н. На уровне языковой личности / Между семантикой и гносеологией.-М.,1987.-с.4-30.
15. Серебренников Б.А. как происходит отражение мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира .-М.:Наука ,1988.-с.87-108.

Наши авторы

Аль Ани Намир Махди - доктор философских наук, профессор кафедры философии

Арысланова Е.М - студентка СПБГУ ИТМО

Бусов Сергей Васильевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии СПБГУ ИТМО

Волкова Светлана Леонидовна - старший преподаватель кафедры иностранных языков СПБГУ ИТМО

Жукова Е.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории СПБГУ ИТМО

Козловская Ольга Георгиевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков СПБГУ ИТМО

Коротков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, докторант Санкт-Петербургского государственного университета

Ломова Ирина Олеговна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков СПБГУ ИТМО

Лукьянов Владимир Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории СПБГУ ИТМО

Маркушевская Лариса Петровна – кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков

Милославов Алексей Сергеевич – доцент кафедры философии СПБГУ ИТМО

Николаева Светлана Игоревна - старший преподаватель кафедры философии СПБГУ ИТМО

Новолодская Татьяна Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии СПБГУ ИТМО

Ошарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории СПБГУ ИТМО

Панкратьев Олег Владимирович – ассистент кафедры философии СПБГУ ИТМО

Свечникова Наталья Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии СПБГУИТМО

Солоусов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории СПБГУ ИТМО

Третьякова Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Толстикова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии СПБГУИТМО

Федорова Екатерина Андреевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков СПБГУ ИТМО

Хусаинова Эльвира Робертовна – старший лаборант кафедры иностранных языков СПБГУ ИТМО

Черноскутова Лариса Борисовна – старший преподаватель кафедры философии СПБГУ ИТМО

Яйлеткан Александр Александрович - кандидат философских наук доцент кафедры ИГиГ Тюменского государственного нефтегазового университета

СОДЕРЖАНИЕ

1. ФИЛОСОФИЯ, ЛОГИКА ……..3

Аль-Ани Н.М. О взаимосвязи философии с наукой вообще и с физикой в частности…..3
Бусов С.В. Проблема информации в свете синергетического историцизма……12
Ломова И.О. Возможности образовательных информационно-коммуникационных технологий в обучении студентов факультета ВиЗО дисциплинам гуманитарного цикла…….19
Милославов А.С. Критика компьютерной педагогики (коммуникативный аспект)……22
Николаева С.И. Феноменология Э.Гуссерля в контексте проблемы идеального……..28
Новолодская И.В. Учение о силлогизме Аристотеля и в индийской логике школы Ньяя……...32
Панкратьев О.В. Достоевский и автономная этика…….37
Черноскутова Л.Б. Информационная функция историографии русской философии на рубеже XX-XXI веков…….44
Яйлеткан А.А. О множестве логических функций……50

2. ИСТОРИЯ……54

Коротков С.Н. Создание и начало развития оптического производства в России……54
Ошарин А.В. «Газетная война» между Германией, Россией и Австро-Венгрией в преломлении общественного мнения России (Февраль – апрель 1914 г.)……58
Солоусов А.С. Российские консерваторы о ситуации в стране в конце 70-х - начале 90-х годов XIX века и мерах по борьбе с кризисными явлениями……64
Лукьянов В.Ю. Идеологический аспект социально-политической философии И. Канта……70

3. КУЛЬТУРОЛОГИЯ……..…...77

Толстикова И.И. Культура в перспективе самоидентификации……..77
Свечникова Н.О. Исторические судьбы Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря……79
Свечникова Н.О. Творец и его творения……86
Арысланова Е.М. Автобиографические моменты в творчестве Г. Гессе……...87

4. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ……..……93

Маркушевская Л.П. Роль иностранного языка при формировании личности студента….93
Жукова Т.А. Роль предмета «иностранный язык» для развития и становления гражданской позиции студентов……...97
Волкова С.Л. Компоненты содержания обучения иностранному языку в высшей школе……...101
Хусаинова Э.Р. Формирование мультимедийных компетенций у преподавателей иностранного языка в высшей школе……..105
Федорова Е.А. Внедрение информационных технологий в практику обучения иностранного языка в техническом вузе……108
Козловская О.Г. Язык и картина мира……...111
НАШИ АВТОРЫ……...……116

В 2009 году Университет стал победителем многоэтапного конкурса, в результате которого определены 12 ведущих университетов России, которым присвоена категория «Национальный исследовательский университет». Министерством образования и науки Российской Федерации была утверждена Программа развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики» на 2009–2018 годы.

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Гуманитарный факультет организован в июне 1991 года, как общеобразовательный, для создания принципиально нового гуманитарного образовательного пространства.

В разработке и применении новых информационных технологий в гуманитарном образовании факультет находится на самых передовых позициях в высшей школе России. Следствием этого явилось решение федерального органа управления образования об открытии в Университете Межвузовского центра информационных технологий в гуманитарном образовании (МЦНИТГО).

В состав факультета входит 10 кафедр.

В рамках реализации Университетом инновационного образовательного проекта сотрудники кафедр Всемирной истории, Культурологии и Иностранных языков принимали активное участие в разработке инновационной системы подготовки специалистов нового поколения и инновационных магистерских программ в области информационных и оптических технологий.

Кафедра Всемирной истории организована в 1938 году. Она одна из первых в России разработала и ввела в учебный процесс новые программы и учебные планы. В их основе заложены принципы цивилизованного подхода к изучению исторической науки.

Введена и оправдала себя система организации учебного процесса, которая включает: лекционные (элективные) курсы, авторские (элективные) семинары, компьютерное тестирование, как форму самостоятельной работы студентов. На кафедре ведется подготовка аспирантов по специальности

«Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии».

Кафедра Иностранных языков организована в 1939 году. Профессорско-преподавательский состав кафедры проводит обучение русскоязычных студентов трем иностранным языкам: английскому, немецкому, французскому. Иностранные студенты изучают русский язык. Кафедрой разработано более 30 обучающих программ для студентов технических, гуманитарных и естественнонаучных специальностей. За период обучения студенты овладевают научно-профессиональной лексикой, навыками коммуникативного общения, грамматическим строем изучаемого языка.

Кафедра Философии организована в 1963 году. Ее первоначальным назначением была учебная, научная и воспитательная работа среди студентов, сосредоточенная вокруг изучения марксистско-ленинской философии. В настоящее время кафедра работает по новым программам, творчески переработав и сохранив лучшее из накопленного опыта. Профессорско-преподавательским составом кафедры осуществляется подготовка аспирантов по специальности «Логика».

Кафедра Культурологии организована в 1995 году. Курс культурологии является обязательным и сравнительно новым для ВУЗов России, что создает большие возможности для выработки самостоятельного подхода к преподаванию.

ТРУДЫ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ ИТМО
Том 1

В авторской редакции
Редакционно-издательский отдел Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики
Зав. РИО Н.Ф. Гусарова
Лицензия ИД № 00408 от 05.11.99
Подписано к печати
Заказ №
Тираж.
Отпечатано на ризографе

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского государственного
университета информационных технологий,
механики и оптики
197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49